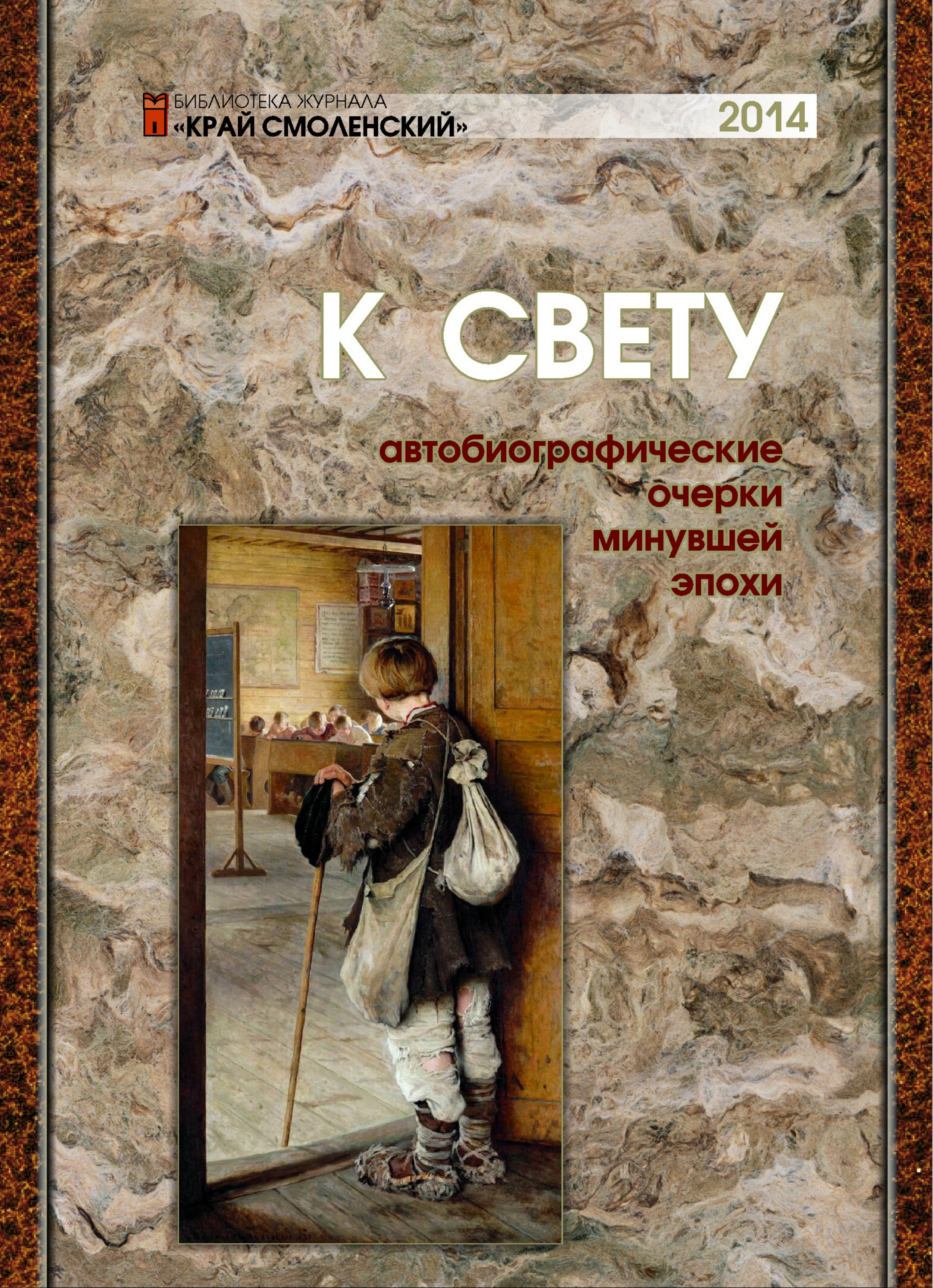


БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА
«КРАЙ СМОЛЕНСКИЙ»
2014
К СВЕТУ
автобиографические
очерки
минувшей
эпохи

Библиотека журнала
«Край Смоленский»

**Светлой памяти
Елены Корольковой –
коллеги-краеведа,
друга, единомышленника**

К СВЕТУ

Автобиографические очерки минувшей эпохи

Смоленск
2014

УДК 371(09)
ББК 74.03(К)
К-11

Составитель
Леонид Леонидович Степченков

Редактор
Юрий Николаевич Шорин

Техническая подготовка текста
Елена Александровна Королькова, Наталья Александровна Мицюк, Леонид Леонидович Степченков, Юрий Михайлович Яковлев

Авторы комментариев
Леонид Леонидович Степченков, Юрий Николаевич Шорин

Рецензенты
Михаил Вадимович Иванов, кандидат исторических наук
Алексей Фёдорович Гавриленков, доктор исторических наук

К-11 **К свету: автобиографические очерки минувшей эпохи** / сост. Л.Л. Степченков; ред. Ю.Н. Шорин; авт. коммент. Л.Л. Степченков, Ю.Н. Шорин. – Смоленск: Край Смоленский, 2014. – 212 с.: ил. – (Библиотека журнала «Край Смоленский»).

Данная книга представляет собой сборник 44 автобиографий, извлеченных из фондов Государственного архива Смоленской области. Большинство документов датируется 1916-1918 годами. Они были составлены людьми, подавшими заявления для поступления в Смоленский учительский институт. В своих жизнеописаниях авторы сохранили для нас живое восприятие России конца XIX – начала XX вв., массу очень ценных и разнообразных сведений о школьной жизни, быте и нравах эпохи, о педагогической деятельности С.А. Рачинского, княгини М.К. Тенишевой, А.Н. и О.Н. Поповых, Г.Ф. Ракеева и других забытых ныне тружеников просвещения.

Уникальность этих автобиографических материалов заключается в том, что они составлены в большинстве своем выходцами из низов общества, что позволяет увидеть и почувствовать глубинную суть народной жизни России.

Издание рассчитано на историков, педагогов, краеведов, студентов педагогических вузов, старшеклассников и всех, интересующихся прошлым Смоленского края и России.

УДК 371(09)
ББК 74.03(К)

КНИГА СУДЕБ

Нет ничего интереснее для человека, как другой человек. Узнавая других, мы познаем себя, мир людей, событий, чувств. Жизненный путь – это всегда драма, увлекательнейшая история приключений, то забавных, то горестных, то героических. По большей части, мы стремимся узнать биографии знаменитостей, что и понятно: известный человек – это почти родственник, любимый или нелюбимый, как сложится. Да и писание мемуаров – чаще всего удел великих мира сего.

Перед вами книга с автобиографиями людей, как правило, не оставивших заметного следа в истории. Этим она и уникальна! По форме это сборник документов, по сути – книга судеб, удивительно яркая и многогранная энциклопедия русской жизни конца XIX – начала XX веков.

В наше время автобиография – очень формальный и скучный документ, в котором человек сухо излагает рубежные факты своей жизни – родился, учился, работал… Ни чувств, ни впечатлений детства, ни описаний быта и обстоятельств жизни наши автобиографии не предполагают. Строгая бюрократическая форма диктует выхолощенное содержание. Кажется, что нынешняя эпоха господства формализма не только отчуждает человека от человека, но и человека от самого себя.

Начало XX века было еще относительно патриархальным. Рядовой человек только получал право голоса, его личность взрослела и стремилась к самопознанию, к тому, чтобы заявить о себе. Большинство содержащихся в книге автобиографий были написаны людьми, подавшими заявления для поступления в Смоленский учительский институт. Наряду с прошением о поступлении в институт и рядом документов, им нужно было приложить автобиографию. И эта необходимость сочинения рассказа о самом себе пробудила в людях дар мемуаристов, исследователей, бытописателей! При этом они рассказывали не только о себе, но и о своем времени, в котором росли, радовались и страдали.

Большинство автобиографий написано в 1916-1918 годах – переломной эпохе в истории нашей страны. Авторы в своих жизнеописаниях сохранили для нас непосредственное восприятие той, старой России,



Выпуск двухклассного училища села Юренево Вяземского уезда.
В центре – заведующий училищем Петр Крылов. 29 мая 1882 г.



Выпускницы Смоленского женского епархиального училища. 1906-1907 гг.

социальная и культурная среда которой наживалась веками русской истории. Сегодня она предстает перед нами как затонувшая Атлантида, потерянный мир. И как же интересно взглянуть на него живыми глазами, почувствовать его через души и сердца его современников.

Люди, чьи автобиографии собраны в этот сборник, избрали своим поприщем педагогическую стезю. В этом смысле книгу можно по праву назвать и «педагогической поэмой». Путь к просвещению у многих выходцев из народных низов был просто потрясающим по своему драматизму. К образованию в то время стремились как к свету. Оно давало возможность не просто «выбиться в люди», но и стать мыслящей, самостоятельной личностью. Этот путь из тьмы невежества и растворенности в толпе личностного начала был поистине героическим и эпическим.

Автобиографии содержат массу очень ценных и разнообразных сведений об учебном процессе, педагогах, отношении к учебе и книгам. С чувством признательности вспоминают авторы о тех, кто оказал им помощь в тяжких испытаниях, о своих любимых учителях.

Объем и стиль автобиографий, степень их исповедальности существенно различаются. Это естественно для подобного рода документальных источников. Ведь автобиографии писались не для публикации, а по формальным причинам поступления в учебное заведение или на службу.

География представленных жизнеописаний различна. Большинство авторов родились и выросли в Смоленской губернии, но также есть уроженцы Беларуси, Калужской, Орловской губерний, Санкт-Петербурга, чей жизненный путь проходил далеко за пределами от их мест рождения в Москве, Костроме, Оренбурге, Сувалкской губернии.

В книге помещены автобиографии не только рядовых учителей, но и некоторых известных личностей – смоленского краеведа Н.Н. Редкова, талантливого педагога Г.Ф. Ракеева, председателя педагогического совета Смоленской духовной семинарии Н.М. Федорова. Также в книге нашел отражение педагогический опыт С.А. Рачинского, княгини М.К. Тенишевой, А.Н. и О.Н. Поповых.

Представленные в сборнике документы хранятся в Государственном архиве Смоленской области. Основная их часть взята из фонда Смоленского учительского института (Ф. 82), два документа из фонда Смоленского городского отдела народного образования (Ф. Р-453), один – из фонда Смоленской мужской гимназии (Ф. 76). Составитель поместил в сборник также приложения к двум автобиографиям, имеющим самостоятельную историческую ценность. К автобиографии Е.В. Киприяновой прилагается отзыв начальницы Соболево-Воробьевской женской учительской семинарии,

а к автобиографии Н.М. Федорова приложены перечень его литературных работ, выписка из отчета ревизора о ревизии Смоленской духовной семинарии и два отзыва о его научной работе, в том числе А.И. Булгакова – известного русского богослова и историка церкви, отца знаменитого писателя М.А. Булгакова.

Автобиографии, а их вошло 44, представлены в сборнике в алфавитном порядке фамилий их авторов. В заголовок документов вынесены сведения о последнем месте работы авторов, в редких случаях добавлены даты рождения, если они отсутствуют в автобиографии. Само же название документа – «автобиография» – нами опущено, т. к. оно повторяется многократно, в тех редких случаях, когда документ озаглавлен по-другому, его наименование указано в сноске. Поясняющие сноски содержат в основном справочные сведения по персоналиям и учебным заведениям, упоминаемым в автобиографиях. Особо хочется отметить сноску посвящённую отцу Г.Ф. Ракеева – Фёдору Спиридоновичу Ракееву. На наш взгляд, её необходимость была вызвана незаурядной личностью отца – уроженца Смоленщины, вместе с тем, малоизвестным в нашем регионе в настоящее время.

Пропуск одного или нескольких слов в документе, вследствие их утраты или невозможности прочитать, обозначается следующим образом: […].

…Наша страна в ХХ веке совершила колоссальный рывок в своем развитии. Цена этого титанического подвига оказалась такой же грандиозной. Нынешнюю мощь России создали учителя. Именно они проложили путь миллионам крестьянских детей к знаниям и культуре, стали создателями нации. Эта книга посвящена судьбам не только работников народного просвещения, но и судьбе России.

За помощь, оказанную при подготовке книги к печати, выражаем искреннюю признательность И.Н. Лышковской, Г.Н. Мозгуновой, А.В. Барковой, Н.Г. Емельяновой, Т.Н. Самуйловой, С.П. Забелиной, О.Н. Хакимулиной, А. Школьникову (все г. Смоленск), С.В. Березкину (г. Кишинев, Республика Молдова).

Ю.Н. Шорин

СМОЛЕНСКИЙ УЧИТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

Учительские институты в дореволюционной России являлись средними учебными заведениями, занимавшимися подготовкой педагогических кадров преимущественно для городских и других начальных училищ повышенного разряда.

Впервые вопрос об учреждении учительского института в г. Смоленске был поднят губернской земской управой в сентябре 1869 г. В докладе, представленном земскому собранию, отмечалось: «С самого открытия земских учреждений в Смоленской губернии губернская управа, сознавая необходимость в приготовлении хороших учителей для низших школ, занималась вопросом об устройстве учительского института, но недостаток средств останавливал ее». Собрание приняло решение: ходатайствовать о преобразовании смоленских педагогических классов в учительский институт с ассигнованием на этот предмет дополнительной суммы от земства[1].

В конце 1871 года Министерство народного просвещения выразило согласие на учреждение учительского института, но без пособия от казны. В то же время стали открываться казенные учительские семинарии, и именно этому типу учебного заведения губернское земство решило отдать предпочтение.

К вопросу об институте земство вернулось спустя 40 лет. На этот раз инициативу проявило Смоленское городское самоуправление.

В 1910 году городская управа, исполняя постановление думы, обратилась с просьбой к губернскому земству – ходатайствовать перед правительством об открытии в г. Смоленске учительского института, а также просила земство принять участие в субсидировании проекта. Со своей стороны, городские власти обязались ассигновать 200 рублей и предоставить под институтские постройки 1/2 десятины земли.

---

[1] Журналы заседаний пятого очередного Смоленского губернского земского собрания в феврале 1870 года. Заседание с 25 февраля по 6 марта. Смоленск: В тип. подпор. А.Н. Переплётчикова, 1870. С. 146-147, 170-171.

Губернское земское собрание поддержало ходатайство города и постановило выделить ежегодное пособие на содержание института в таком размере, сколько в общей сложности ассигнуют все города, но не свыше 1000 рублей.

Далеко не все городские самоуправления согласились материально поддержать проект. Смоленская городская дума назначила ежегодное пособие в размере 200 руб., Ельнинская – 25 руб., Поречская – 100 руб. и Сычевская – 100 руб., всего – 425 руб.; в таком же размере предполагалось пособие от губернского земства. Из уездных земств откликнулось только Смоленское, выделив 200 рублей. Таким образом, учительский институт мог рассчитывать на пособие всего в 1050 рублей. Это была слишком маленькая сумма. Губернская управа обратилась еще раз с призывом о содействии к городам и уездным земским управам.

Впоследствии изъявили готовность финансировать новое учебное заведение городские самоуправления Дорогобужа, Вязьмы, Красного, Духовщины. Смоленская дума увеличила площадь выделяемой под институт земли до одной десятины и размер ежегодного пособия до 1000 рублей. Земства, за исключением губернского и Смоленского уездного, предпочли остаться в стороне[1].

Решение об учреждении института именно в Смоленске, а не в других городах Московского учебного округа было принято благодаря инициативе и энергичным действиям городских властей при поддержке Смоленского губернского предводителя дворянства, члена Государственного Совета князя В.М. Урусова, членов Государственной Думы от Смоленской губернии Н.А. Хомякова и Н.Н. Опочинина, княгини М.К. Тенишевой.

Учительский институт и городское училище при нем разрешено было открыть 1 июля 1912 года[2].

Через два года, благодаря ходатайству педагогического совета, учебное заведение стало именоваться «Смоленский учительский институт, учрежденный в память 100-летия Отечественной войны»[3].

---

[1] Журналы XLVIII очередного Смоленского губернского земского собрания. Заседаний с 7 по 15 декабря 1912 года с приложениями. Смоленск: Электро-типо-литография Я.Н. Подземского, 1913. С. 7-8, 18-19.

[2] Журналы Смоленской городской думы 1912 год. Смоленск: Электрич. тип. газ. «Смол. вест», 1913. С. 391, 392.

[3] ГАСО. Ф. 7. Оп. 4. Д. 280. Л. 56.

М. Н. П.

МОСКОВСКІЙ
УЧЕБНЫЙ ОКРУГЪ.

ДИРЕКТОРЪ
СМОЛЕНСКАГО
УЧИТЕЛЬСКАГО ИНСТИТУТА,
УЧРЕЖДЕННАГО ВЪ ПАМЯТЬ
100-ЛѢТІЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.



.... *дня 191   г.*



Г. СМОЛЕНСКЪ.

Фирменный бланк Смоленского учительского института

Управление институтом осуществлялось педагогическим советом, возглавляемым директором. На эту должность был назначен бывший директор Алферовской учительской семинарии Алексей Венедиктович Булатов, остававшийся на своем посту бессменно до 1918 г.

Среди первых преподавателей было немало выпускников Московского университета: С.В. Воронин (математика), С.А. Покровский (история и география), М.И. Тверитинов (естествоведение и физика), врач И.Н. Шевердин-Максименко (гигиена). Русский язык преподавал С.Н. Ильинский, окончивший курс Московской духовной академии; закон Божий – священник А.Ф. Колбус, выпускник Киевской духовной академии; рисование, черчение и чистописание – М.Я. Бородулин, выпускник С.-Петербургского центрального училища технического рисования барона Штиглица; гимнастику – поручик Е.А. Ветлиц и подпоручик Н.А. Христинич; пение – С.М. Кучин[1].

Курс обучения в институте устанавливался трехлетний. Согласно разработанным правилам, в институт принимались молодые люди всех званий и сословий, православного вероисповедания, «здорового телосложения и хорошей нравственности» в возрасте от 16 лет и старше.

После окончания курса воспитанники института должны были прослужить не менее шести лет по назначению учебного начальства[2].

Первые приемные испытания проходили с 23 по 29 октября 1912 г. Всего было подано более 200 прошений, допущено к приемным испытаниям 134 человека. Поступающие держали экзамены по следующим предметам: закон Божий, русский язык (диктант, сочинение, славянский язык, русский язык), арифметика (письменно, устно), геометрия (письменно, устно), история, география, физика, естествоведение[3].

Удовлетворительно сдали экзамены 45 человек, но по плану было зачислено только 30 из них.

Большинство поступивших уже успели поработать учителями начальных училищ; были они разного возраста – от 18 до 30 лет. Среди них представители крестьянского сословия составляли примерно 67%,

---

[1] ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 101. Л. 10.
[2] ГАСО. Ф. 7. Оп. 4. Д. 280. Л. 41-42.
[3] ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-12.

мещанского – 27%, дворянского – 3%, духовного сословия – 3%. Более половины зачисленных в институт имели элементарную педагогическую подготовку, то есть окончили учительские семинарии, церковно-приходские школы, педагогические курсы при городских училищах[1]. Для своего времени это были достаточно образованные люди.

Об этом, в частности, свидетельствуют автобиографии, которые представлялись при поступлении в институт. В них отражались не только отдельные сухие факты биографии, но и содержались рассуждения о смысле жизни, о нравственных идеалах, о воспитании в семье, о предназначении учителя и т. п.

Пятого ноября 1912 г. состоялось официальное открытие и освящение института. Он занимал часть особняка купца П.Ф. Ланина на Малой Одигитриевской улице. На втором этаже были размещены три класса института, зал, кабинет директора и учительская комната, на четвертом этаже – четыре класса городского училища, библиотека и физический кабинет.

Согласно учебным планам, на занятия во всех классах института отводилось 96 часов в неделю – по 32 часа в каждом классе. Основное внимание уделялось общеобразовательным предметам – теории и истории словесности, арифметике, алгебре, геометрии, физике, химии, истории, географии и др. Кроме того, изучались специальные дисциплины – педагогика, психология, логика, анатомия и физиология человека, гигиена. В учебные программы входили также практические занятия в городском училище. В отчетах института постоянно отмечалась хорошая успеваемость учащихся.

Воспитанники института происходили, за очень немногими исключениями, из бедных семей. Большинство из них – бывшие учителя начальных училищ. Поступая в институт, они увольнялись с работы и оставались без учительского жалованья, составлявшего примерно 360 рублей в год, а часто и без квартиры с отоплением. Вместо этого они, в лучшем случае, получали стипендию около 167 рублей в год. Стипендию получали только 2/3 учащихся. Остальные должны были жить за свой счет и вносить плату за обучение в размере 30 рублей в год. Почти все они испытывали большие лишения.

20 апреля 1914 г. было создано Общество вспомоществования нуж-

[1] ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 46. Л. 54.



Дом купца П.Ф. Ланина (на переднем плане),
в котором размещался Смоленский учительский институт

дающимся воспитанникам института. Деятельность общества направлялась на выдачу ссуд воспитанникам, приискание им заработка и оказание помощи по взносу платы за учение[1].

С началом Первой мировой войны стало сокращаться число учащихся. В довоенное время в институт поступали народные учителя в возрасте 22-30 лет, с началом военных действий этот контингент в большинстве был призван в действующую армию.

В 1914 г. на приемные испытания явилось всего 58 человек (по сравнению с 1912 г. – 134 чел., 1913 – 130 чел.), в 1915 г. – 57 человек, а в 1916 г. – 31 человек. Соответственно с этим уменьшилось и количество принятых: в 1914 г. – 14 человек; 1915 г. – 20 человек; 1916 г. – 10 человек[2].

Лица, имевшие базовое среднее образование (в том числе женщины), могли проходить при институте «сокращенные испытания»

[1] Смоленский вестник. 1914. 29 апреля (№ 94). С. 2.
[2] ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 86. Л. 43-44.

по отдельным предметам с получением свидетельства на право их преподавания в высших начальных училищах.

3 мая 1915 г. состоялся первый выпуск специалистов, окончивших полный курс Смоленского учительского института. Звание учителя высших начальных училищ получили 28 воспитанников, а 11 из них, кроме того, приобрели звание учителя рисования, черчения и чистописания. Восемь выпускников были награждены золотыми медалями и один – серебряной[1].

В 1916 г. окончили институт 26 человек, из них шесть с серебряными медалями[2]. Среди медалистов было немало представителей крестьянского сословия.

В делах института сохранилась характеристика выпускника института, серебряного медалиста, Нила Никаноровича Петрова, 25-летнего крестьянского сына из деревни Немощеной Пречистенской волости Духовщинского уезда: «Ярко выраженный тип русского человека, со всеми его положительными и отрицательными сторонами, Петров в этом отношении сохранил свою целостность и в стенах института и сохранит ее, очевидно, и в будущей своей деятельности. При ознакомлении с ним нельзя поддаваться первому впечатлению, которое не раскроет сразу богатых залежей как умственной, так и эмоциональной природы этого юноши. По мере возмужалости он сделается, несомненно, одним из выдающихся работников на культурной ниве, даже в качестве организатора, если не поддастся русской обломовщине. Некоторые уроки его были очень живы и даже оригинальны. Кроме того, особенно любит пение и музыку и мог бы их преподавать»[3].

После падения монархии, постановлением от 14 июля 1917 г., Временное правительство установило преемственную связь между средними общеобразовательными учебными заведениями, учительскими семинариями и учительскими институтами. Впервые за всю историю существования институтов они открыли двери для женщин, отменялся обязательный двухлетний учительский стаж, вводилась специализация. В институте было создано три отделения – словесно-историческое, физико-математическое, естественно-географическое.

[1] Смоленский вестник. 1915. 13 мая (№ 126). С. 2

[2] ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 63. Л. 92-94.

[3] ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 230. Л. 16.

На 1 курс института в 1917 г. было подано 54 прошения, принято 39 человек: из них на словесно-историческое отделение – 20; на физико-математическое – 7; на естественно-географическое – 12.

К 13 октября 1917 г. на 1 курсе института обучался 41 человек, на 2 курсе – 15, на 3 курсе – 21 человек .

Губернское земство ежегодно отпускало на нужды института пособие в размере одной тысячи рублей.

С 1 октября 1918 г. Смоленский учительский институт был преобразован в Смоленский пединститут. Положение о преобразовании учительского института, принятое исполкомом Совета Западной Коммуны, вступило в силу 1 декабря 1918 года.

Г.В. Гаврилова,
консультант отдела по работе с архивами
Департамента Смоленской области по культуре и туризму

АВТОБИОГРАФИИ

Андрусевская Екатерина,

учительница Андросовского начального училища Краснинского уезда Смоленской губернии, родившаяся 20 ноября 1892 года

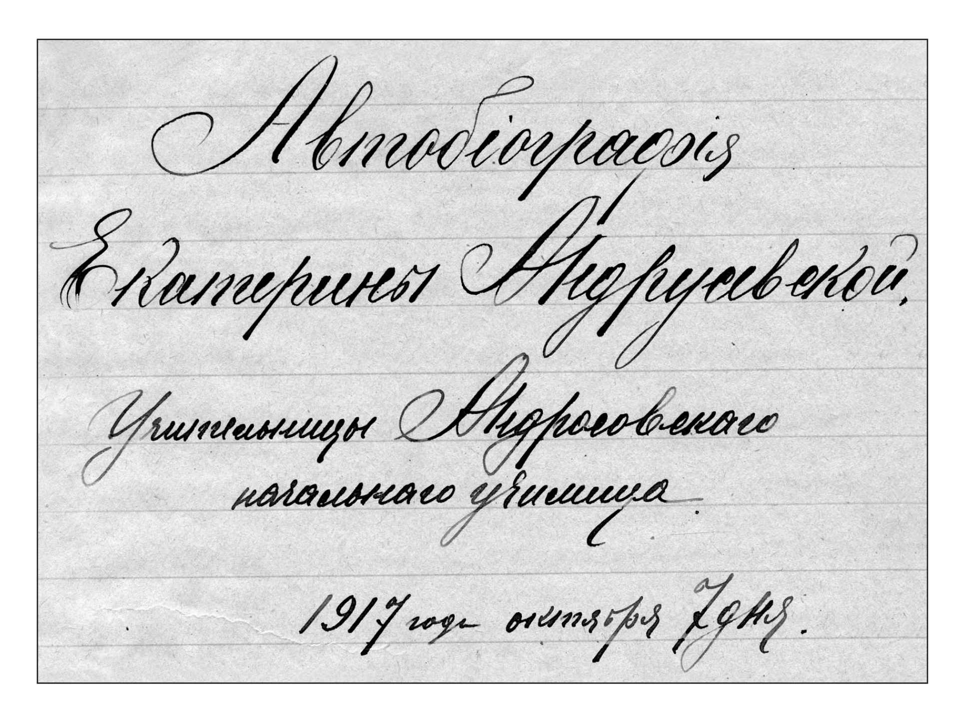
7 октября 1917 года

Быстрым взмахом пера не охватить всего того, что пришлось испытать и душевно пережить за истекшие годы жизни. В течение прожитого периода времени мне много пришлось перенести тяжестей жизни, душевных волнений, связанных с беспощадными переживаниями. Я рано начала чувствовать на себе всю тяжесть окружавших меня жизненных условий, которые тем или иным путем влияли на последующие ступени моей жизни.

Помнить себя я начала приблизительно лет с пяти. Радостей детского возраста я почти не испытывала; хотя и приходилось разделять детские игры, но такого удовлетворения, какое наполняет детские души, я не испытывала. Что было причиной такого состояния, я не знаю. Но дело в том, что мне никогда не приходилось искренне и непосредственно отдаться тому, что меня интересовало.

Надо сказать, что я росла в обществе брата, который был годом старше меня, и родителей, всегда занятых заботами о хлебе. Весь досуг мы разделяли с братом вместе, часто детски философствуя на тему о несправедливых отношениях отца к матери. Небольшое хозяйство оставалось на попечении моем и брата. Страх за то, что в мое отсутствие возвратится с работы отец, всегда останавливал мои порывы и стремления.

Суровый, тяжелый и неуживчивый характер отца заставлял дрожать в его присутствии. Боязнь не сделать чего-нибудь по его приказанию приковывала к дому. Живо припоминаются мне сцены домашних несогласий и разладов и наше при этом беспомощное состояние.


Автобіографія
Екатерины Андрусевской.
Учительницы Андросовского
начальнаго училища.
1917 года октября 7 дня.

Титульный лист автобиографии Е. Андрусевской

Мне всегда хотелось помочь матери и как-нибудь утешить ее, но детская изобретательность не шла дальше наивного. Единственным отрадным явлением в период детства, явлением, которого я никогда не забуду и не перестану ценить, было то, что отец не порицал стремлений к учению, а наоборот, поощрял и старался помочь, чем мог. Таким образом, при содействии родителей, людей грамотных, но малообразованных, я вступила на первую ступень дошкольного обучения.

Когда мне исполнилось 6 лет и 8 месяцев, меня определили в школу, которую я окончила успешно. Насколько энергично я училась дома, настолько пассивно проявляла себя в школе. Читать книги в школе я никогда не любила, но рассказы о прочитанном слушала с удовольствием. Вместо чтения мы, дети, часто собирались небольшою группою и по очереди рассказывали басни и обо всем том, что было известно каждому из нас. Пристрастия к чтению не развила во мне и школа.

Воспитание в строго религиозном духе – вот воспоминания, связанные с пребыванием в церковно-приходской школе. Будучи сама весьма религиозной женщиной, учительница старалась развить это чувство и в душах своих питомцев. Я с особенным благоговением слушала и посещала церковные службы и старалась, по возможности, не пропускать, за что была отмечена соответствующим образом, то есть назначена дежурной для отметок пропускаемых богослужения учащихся. Но такая честь не придавала мне гордости; я искренне и горячо любила моего Бога и Христа, усердно молилась ему. Моя детская душа была полна веры и любви, все случавшееся со мною я объясняла присутствием со мной Бога, Его защитой или карой. Это религиозное чувство было настолько крепко и сильно заложено во мне, что вылилось в форме горячего желания направиться в монастырь, чтобы быть одной и служить Тому, в Кого я верила и Кого любила. Но кончился курс обучения в школе, и понемногу стало ослабевать стремление к намеченной в душе цели. Я хотела учиться дальше, но не ради получения знаний, нет. Знания меня не интересовали, не увлекали в школе и сообщения нового, мне неизвестного; я ко всему относилась одинаково безразлично.

Вскоре после окончания курса в этой школе я, хотя с трудом и огромными препятствиями, но поступила в 2-классную приходскую школу. Трудность поступления заключалась в том, что меня не принимали на стипендию. Размер годовой оплаты – три рубля, но и этих денег родители не в состоянии были вносить за мое обучение в школе.

Бедность, доходившая до нищеты, сопутствовала мне на протяжении большей половины моей жизни. Не помню, благодаря каким случайностям, но я стала стипендиаткой, что дало мне возможность остаться в этой школе.

Учась, я не задавала себе вопросов: для чего? что важнее? полезнее? интереснее? и др. Но меня мучительно преследовал вопрос: что будет со мной дальше? Я глубоко не задумывалась над своими занятиями и мало занималась своим образованием. Оно шло как-то само собой.

Одухотворяющего эта школа вовсе ничего не вносила. Преподавательницы, лица суровые и злые, во власти школьной программы и боялись отступить от программного преподавания. Поэтому живые предметы под давлением схоластических приемов теряли свое должное воспитывающее влияние. Всякое объяснение часто дополнялось

некорректными педагогическими приемами, как-то: вырыванием книги из рук и основательным постукиванием детей книгой по голове или головой о стену.

Никогда не изгладится из моей памяти случай, оскорблявший мое религиозное чувство. Помню, ученица, читая отрывки из евангелия, неправильно произнесла слово с ударением. Я не ожидала того, что случилось спустя несколько секунд. Евангелие, очутясь без корешка, мигом из рук ученицы полетело в угол, а ученица с синяком на лбу, вытащенная за руку, очутилась на коленях у стены. Грубее и ужаснее таких поступков со стороны преподавателей я не встречала и почти не приходилось встречать.

Таким путем в школе отмечались дети бедняков и дети более состоятельных лиц. Подобное отношение бессознательно вселяло среди учащихся разделение на козлов и овец. Я не буду распространяться о том всегда угнетенном состоянии, которое приходилось испытывать и чувствовать на себе не только от педагогов, но и от сверстниц. Сознание, что доступное для овец, немыслимо для козлов, укреплялось с особенной силой и прочностью, так что мысль двигаться и стать впереди потеряла всякую опору и смысл.

Как ни тяжело и как ни трудно приходилось переживать унижающие самолюбие поступки, приходилось мириться. Программа школы была пройдена, и курс окончен мною блестяще. Счастлива пора детства тем, что все пережитое забывается и искупается благополучным концом. Что же дальше? Мне хотелось учиться и еще. Но детская истина не открыта. За часть истины, неопределенной и туманной, пришлось бороться и встретить такие препятствия, которые мною не учитывались. Я услышала решительный протест против желания учиться дальше. К стыду моему надо признаться, что этим желанием руководило глупое и наивное стремление уйти из родительского дома, не быть там, где могут быть многие, не быть тем, чем могут быть многие, и не делать того, что делают многие.

В это время начали открываться особого типа второклассные церковно-учительские школы. Одна из таких была в Бельском уезде. Я всеми силами стала стремиться туда. Но жизнь и обстоятельства мне готовили иное самостоятельное поприще – быть портнихой. Нужда, острая нужда, беспомощность родителей и их пониженная трудоспособность – все говорило и склоняло в пользу последнего.

Мне было тринадцать лет. Мое детское самолюбие и гордость не могли пойти на уступки требованиям жизни; и я решила тайным образом удовлетворить себя, вовсе не рассуждая о последствиях. Сделав все, что требовалось для того, чтобы держать вступительные экзамены, я стала с нетерпением ждать ответа. Когда он получился, я рассказала родным, что мне необходимо поехать в Бельский уезд учиться. Этой искры достаточно было для того, чтобы разразиться огромной буре. Но угрозы ни к чему не привели. В конце концов, меня решили отправить в эту школу, где я поступила довольно успешно. Там я чувствовала себя вдали от дрязг семейных и постоянных напоминаний о нужде, если не считать получаемых изредка из дома писем.

Я сразу поступила в 5-е отделение. Порядок экзаменов был таков: в 6-м выпускном отделении требовалось держать полный экзамен за три курса, четвертый, пятый и шестой, не считая ежегодных переводных экзаменов. Много труда и энергии ушло на то, чтобы пройти большой курс. Я все это преодолела, хотя с заметными затруднениями.

Эта школа оставила не менее яркие следы, чем другие. Единственно, что меня удивляло в ней, это строгая дисциплина и порядок жизни общежития. Тут же мне пришлось встретиться со многими неизвестными для меня предметами, как-то: гигиеной, дидактикой, словесностью и др., которые интересовали меня главным образом новизною содержания; потом и это вошло в обычную колею преподавания. Особенной любви и интереса к предметам я не чувствовала. Для меня все предметы были одинаковой важности и ценности, которые заключались в экзаменах.

Меня поражали в этой школе некоторые явления, на которые смотрела недоверчиво и которых дичилась. Перед праздником или в самый праздник обыкновенно воспитанницы какого-либо класса приглашали учительницу для бесед. Кроме этого устраивались общие прогулки с педагогами. Для меня странным казались такие отношения с учащимися, в которых проглядывали намеки на близкие семейные отношения. Но по какой-то странной комбинации попытки педагогов установить близкие отношения с воспитанницами оставались бесплодными. Воспитанное с раннего детства и прошедшее сквозь плоть и кровь мнение о педагогах вообще заставляло отно-

ситься с осторожностью и недоверием ко всякого рода попыткам с их стороны к сближению.

При общении с воспитанницами особенно ярко выделялась странная свойственность и принужденное желание слиться с нами в одну семью. Еще отчетливее выделялось это в те моменты, когда нас готовили и хотели создать работников на народном поприще, когда нам много говорилось о приемах преподавания, о школьном материале и т. д. Надобно заметить, что все это говорилось не товарищами своим будущим коллегам, а учителями своим ученицам. Отсюда ответы на возникавшие вопросы, требующие пояснений, оставались скрытыми в собственном сознании впредь до самостоятельного разрешения.

Единственной светлой личностью, которую сохранила память в этот период школьной жизни, это священник, он же старший учитель и заведующий, человек в высшей степени добрый и умный, понимавший пробуждающиеся порывы молодой души. Мы были почти дети, но его слова оказывали на нас магическое действие. Не исполнить то, о чем он говорил с нами, значило оскорбить его. В нем я нашла нравственную поддержку в своих дальнейших стремлениях. «Нужно только хотеть – и вы придете туда, куда влекут ваши желания», – говорил он в частной беседе со мною. Живо всплывает передо мною его доброе лицо и мягкий голос, напутствующий в далекий, долгий трудовой путь. И благословение это детски верующей душе, полной доверия к жизни, было опорою и глубокой основой молодой жизни.

По окончании второклассной школы обстоятельства так сложились, что учительствовать в этот год мне не удалось, а пришлось провести его дома. Этот год, год мучительных переживаний, оставил неизгладимый след и отпечаток на последующей жизни. Неопределенность и неудовлетворенность жизненными условиями, безотчетное стремление к чему-то, с одной стороны, и мысль, что мое присутствие является лишним, тормозом в домашней среде, с другой, – все это вместе создавало полнейший душевный разлад, основания которому я не находила и которого, казалось, не было. Будущее казалось мне покрытым туманом и ничего отрадного не предвещало в дальнейшем, а настоящее тяготило невыносимо. Молодое воображение в своих мечтах, то светло призрачных, то угрюмо диких и жутких, доходило до невероятного и рисовало будущее положение густыми темными красками.

Мне было 16 лет. Развлечениями я никакими не пользовалась, и в своей замкнутости разгоряченное воображение неоднократно приводило к состоянию, близкому до отчаяния.

Не имея товарищей и подруг, я с несвойственной мне горячностью набросилась на книги и увлеклась чтением как никогда. Читала все попадавшееся: журналы, романы, серьезные научные книги и даже рассказы и во всем находила утешительное для себя. Не впечатлительная от природы, беспомощная в своих стремлениях, я поддавалась действию фантазии и отдыхала душою.

У меня созрела мысль учиться, мысль определенная и ясная, которая в связи с неопределенным положением выразилась в твердом решении учиться дальше. К счастью, в это время открылись женские семинарии в Туле и Калуге, предполагалась открыться в Соболеве. Я не в состоянии передать чувство сильного желания, которое влекло меня в семинарию. В моем стремлении учиться я нашла живое участие в матери, которой до конца остаюсь признательной и глубоко благодарной, женщины простой, но умной, доброй, хорошо ценившей и понимавшей правду и добро, пользу труда вообще и образования в частности. Вмешивать отца в свои дела я не решилась по той простой причине, что на сочувствие с его стороны рассчитывать не приходилось. Поэтому решила устроить тайно и бежать из дому. Но можно себе представить всю бурю душевного состояния и отчаяния, когда я, накануне бегства, получила из Тульской семинарии все документы обратно. Я не буду передавать того, что было. Но после грозы небо просветлело. Отец вызвался сам свезти мои документы в С[оболево]-Воробьевскую семинарию.

Как сейчас, припоминается мне мое душевное состояние, весьма неопределенное и непонятное. Был серый, грязный осенний дождливый день, один из тех дней, в который хочется уйти от себя и от жизни. И в такую именно пору отец направился в семинарию. Я не знаю, что он испытывал при этом, но моя ненависть и злоба против него перешли в безразличное состояние. Я выжидала конца и с ужасом поглядывала в будущее. Моменты отчаяния, часто безотчетные, влекли в какую-то беспредельную бездну и приводили к одной мысли – окончательно бежать из дому в том случае, если не придется определиться в семинарии. Но этому не суждено было случиться. Я поступила в семинарию, и это отчасти определило мое положение.

Семинарский период жизни особенно богат и многообразен впечатлениями и переживаниями. Это один из живых и сильных периодов жизни, когда мечется и жаждет непонятного и нового молодая душа. И если мы в обычной жизни осмеливаемся говорить, что жизнь создает личность, то семинарии в этом отношении надо отдать должную справедливость; она если не создала таковой, то, по крайней мере, указала место, какое должен занимать человек в жизни. Я слишком много обязана семинарии, особенно некоторым педагогам, которые если не прямым, то косвенным образом оказывали доброе воспитывающее и направляющее влияние.

Я не буду распространяться о семинарской жизни и жизни по окончании семинарии, но скажу, что это был период душевных переживаний, которые весьма трудно поддаются описанию. Не могу не указать на одну личность, которая оказала сильное влияние на мою духовную жизнь. Это преподаватель закона Божия, влияние которого оставило неизгладимые следы. Ему первым долгом я обязана тем, что миросозерцание мое в корне изменилось; на все окружающее я стала смотреть другими глазами.

Мне было 18 лет, когда поступила в семинарию. Небольшой жизненный опыт и запас душевных переживаний дал возможность в связи с влиянием законоучителя яснее понять свои переживания и оценивать их: что заставляло внимательно заглядывать в свое прошлое. У меня развилась любовь к психологии и желание читать по религиозному вопросу с целью выяснить многое, казавшееся мне непонятным. Особенно непонятной казалась мне загадка жизни вообще и жизни души. Я недостаточно понимала психологические переживания, а потому у меня не было устойчивых взглядов и убеждений. Что мне казалось ясным и простым, в том я стала находить необычайные глубины неизвестного и наоборот, истина, освещенная в науке с одной стороны, религией освещалась иначе и т. д. Кроме того жизнь, всегда полная неудач, карикатурная в своей непоследовательности – все это вносило разлад, дисгармонию в еще не вполне созревшую душу. Этот душевный разлад, продолжавшийся несколько лет, отчасти разрешился, но вылился в неопределенные рамки. Часто были моменты, когда не хватало ни физических, ни душевных сил, чтобы перенести все пытки жизни, когда она в моей душе сводилась к нулю.

По окончании семинарии я стала готовиться вступить самостоятельно на жизненный путь. Я не была идеалисткой и не представляла себе жизнь в школе в ином виде, чем в том, в каком я ее видела. Неприветливо и зло открыла жизнь мне свои двери. Неудачи, которые действовали на меня всегда подавляющим образом, на первых порах школьной работы не забыли меня. Единственное утешение доставляли мне ребятишки, к которым я почти привязалась, но с которыми не имела возможности заняться так, как я того хотела.

Это было ужасное во многих отношениях начало самостоятельной жизни, которое с грустью и болью и теперь отдается в моей душе. Я сразу окунулась в непроходимые дебри зла, несправедливости и лжи, что всего ужаснее действовало на неокрепшие и неокрыленные силы. Поддержки искать негде было, пришлось искать защиты всецело в себе. Я не вынесла всей несправедливо свалившейся на меня тяжести и решительно отказалась от службы (я была временной исполнительницей обязанностей учительницы в этой школе). Земство сочувственно отозвалось на мою просьбу перевести меня в ту школу, в которую я хотела.

Я стала учительствовать с братом и могла вполне отдаться работе. Мы работали дружно и усердно, воодушевляя и взаимно действуя друг на друга. Крестьяне, добрые и отзывчивые, полюбили пение и сами принимали в нем участие. Работа здоровая, удовлетворяющая, она вносила много нового и одухотворяющего. Что было светлого и радостного в жизни, то это воспоминание о той дружной работе, которую вела с братом.

Внешние условия для жизни, признаться, были неудовлетворительны. Избенка, занесенная снегом или грязью, на краю деревни, темная, холодная и тесная, со свободным местом для табуретки (для стола места не было), пятьдесят быстроглазых и живых малышей, квартира, занимавшая половину избы с темными стенами, микроскопического размера окнами и термометром, постоянно показывающим от 3-4 до 11 градусов. Несмотря на все это, с этой скудной обстановкой связано много живого и доброй памяти. В последнее время я особенно привязалась к школе и даже полюбила ее. Но жизнь не останавливается в своем развитии и постоянно напоминает о себе.

Последние события революционного периода ясно указали, насколько важно, но и сложно и ответственно пребывание учителя в де-

ревне именно в этот критический и роковой момент политической жизни, когда учитель, единственная интеллигентная сила, должен стать в роли руководителя и строителя народной жизни. Моя полнейшая неподготовленность и незнание жизни народа вообще, а отсюда боязнь стать ложным руководителем народа заставила меня на время оставить школу и поступить в институт с тем, чтобы приобрести новый запас знаний.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 87. Л. 4-17 об.

Березкин Иоанн Иосифович,

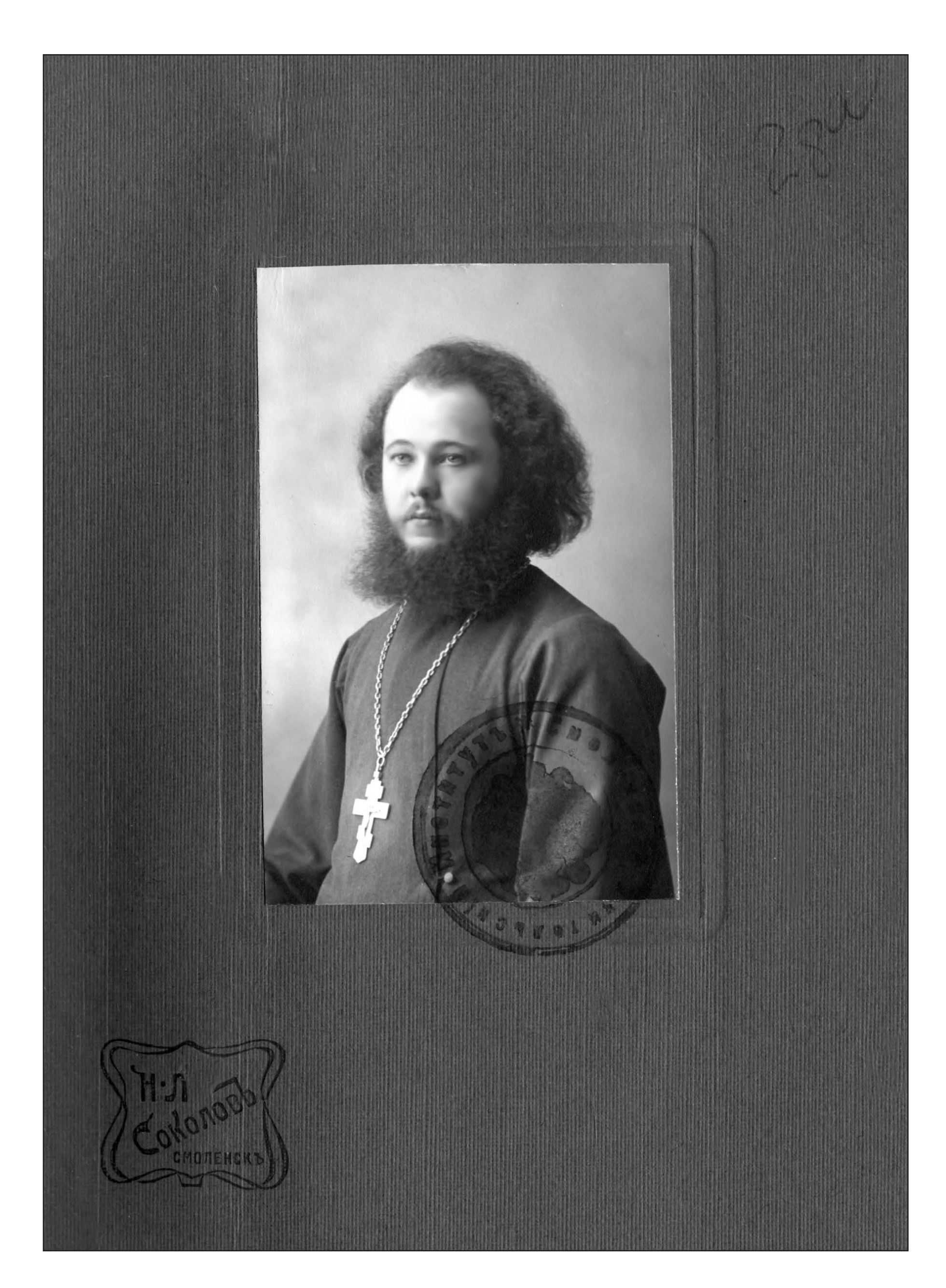
священник
села Зверовичи Краснинского уезда
Смоленской губернии

9 октября 1916 года

Из одной, читанной мной когда-то критической статьи, память удержала такую мысль относительно автобиографии: «Всякий человек может создать, по крайней мере, одно интересное литературное произведение – собственную автобиографию». Условность этой мысли приходится проверить на деле мне при письме этих строк. Создать что-либо интересное вообще – зависит не от формы или цели произведения, а исключительно от дарований автора. С другой стороны, правдивость выше приведенной мысли относительно самого труда писать автобиографию не подлежит сомнению. Даже подневольность этого труда (для представления в числе документов) не ослабляет такого интереса. Однако указываемая слишком специальная цель затрудняет дело составления, заставляя втискивать жизненный материал в официальную деловую форму.

Мою жизнь при описании с большим удобством можно разделить на три периода: период дошкольной жизни, время школьного обучения и жизнь самостоятельная. В настоящее время я имею от роду 29 лет (родился 16 апреля 1887 года), и поэтому каждый из указанных периодов моей жизни, будучи равен другим, содержит в себе около десяти листов. Прежде изложения своей дошкольной семейной жизни я, кажется, должен заняться описанием своей семьи.

Отец мой был приходским священником и как таковой был не лучше и не хуже своих собратьев. Жил он обычною жизнью рядового священника, с сознанием необходимости делал свое незаметное дело и с покорностью судьбе нес тяжелое бремя физического труда, необходимого при жизни в маленьком приходе Краснинского уезда – одного из самых беднейших и серых уголков русских. Впрочем, никакого влияния ни на меня лично в каком бы ни было отношении, ни на семейные дела вообще отец мой не имел, так как в самом начале моей жизни (мне не было еще и двух лет) мои родители прервали совместную жизнь,



Иоанн Иосифович Березкин

и мать с пятерыми детьми[1], из которых я был младший, уехала навсегда из дома отца. После этого с отцом мы виделись очень редко и обычно на короткое время.

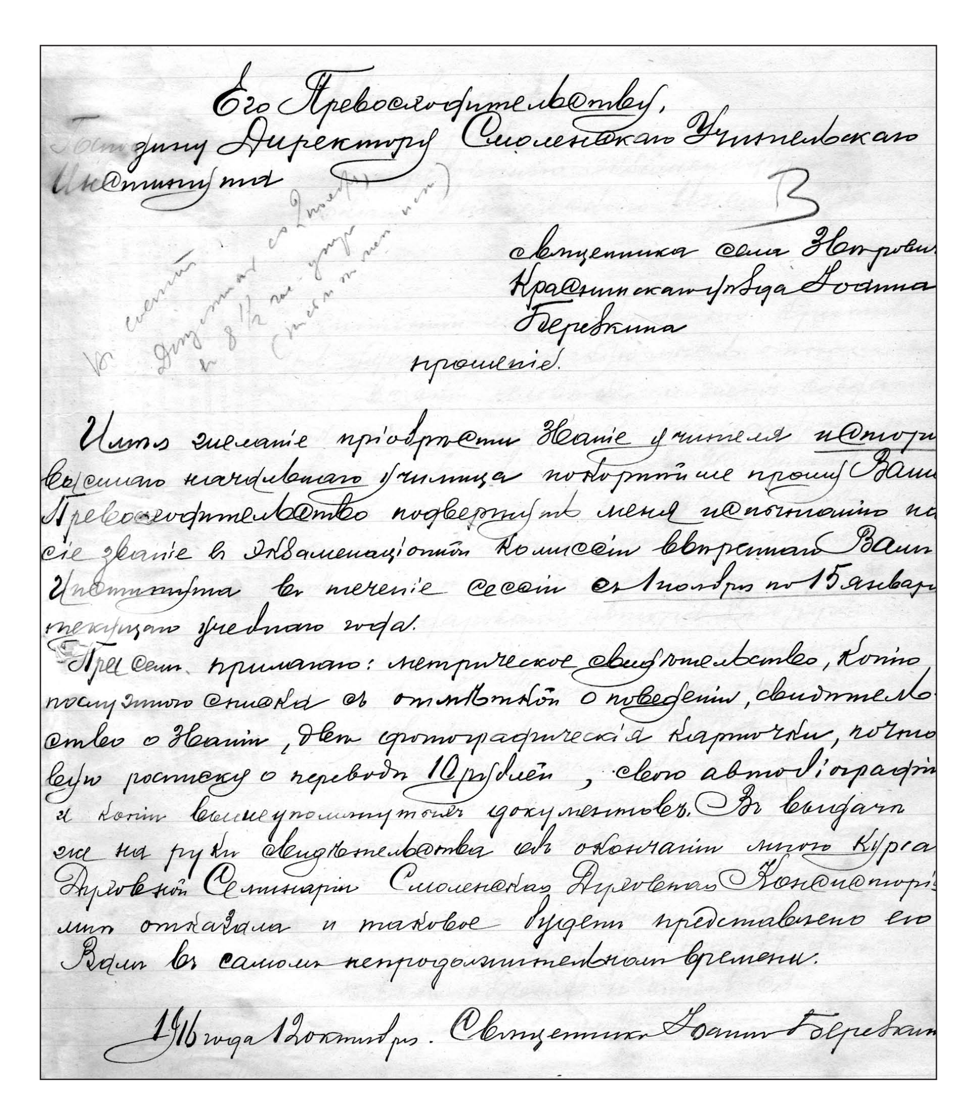
Уехав из родного села, семья наша поселилась в имении М., принадлежащем брату моей матери, очень состоятельному помещику, владельцу нескольких имений Е[льнинского] уезда. Здесь я провел свое раннее детство и, не помня своего месторождения, считаю родиной именно эту местность.

При своей состоятельности дядя мой был человек очень расчетливый и практичный, а потому, так сказать, за право проживания в его имении возложил на мою мать обязанность по управлению им, очень хорошо понимая выгоды для себя такого родственного управления. Несмотря на сложность заведывания громадным имением, мать успевала очень заботливо и дельно воспитывать нас. Свою мать я считаю одной из редких матерей – самоотверженных воспитательниц. Кроме сильной материнской любви, свободной, впрочем, от излишеств сентиментализма, она обладала здравым рассудком и цельной энергией. Наличность этих качеств позволила ей дать нам вполне сносное первоначальное домашнее воспитание, не взирая на то, что сама она почти лишена была систематического образования. Своей матери я обязан почти всем положительным в своем характере. Между прочим, исключительно она сумела всем нам, своим детям, привить упорную трудоспособность. Это тем удивительнее, что в описываемый период времени наша семья пользовалась полным материальным благосостоянием и в личном труде каждого из нас не было семье нужды такой, как это бывает в семьях духовенства, где с самого раннего возраста ребенок должен нести большую или меньшую тяготу физического труда. Собственный пример матери и ее умелые наставления и без нужды учили хорошо и понятно.

Имение, где мы жили, было старинной родовой усадьбой графов Салтыковых. Расположено оно было в лесистой и возвышенной, очень

[1] В настоящее время удалось выяснить судьбу одного из братьев – Березкин Александр Иосифович (1885, с. Самсоново, Краснинский у. Смоленская губ. – ?), в 1904-1912 гг. – псаломщик церкви с. Уколово Смоленского у., в 1912-1917 гг. – дьякон с. Богородицкое, с 1917 г. священник в том же селе, где проживал до 18 июня 1930 г., когда был арестован по ст. 58 п. 8, 10, 11. Заседанием тройки ПП ОГПУ Запобласти от 23 июня 1931 г. был осужден к 8 годам концлагерей.

красивой местности. Красоту его увеличивали остатки барской жизни прежних владельцев. Сама усадьба помещалась на высоком холме, господствующем над окружающею местностью. Постройки были



Его Превосходительству,
Господину Директору Смоленскаго Учительскаго Института

В

Священника села Нетрови[illegible]
Краснинскаго уезда Иоанна
Березкина

прошение.

Имея желание приобрести звание учителя высшаго начальнаго училища покорнейше прошу Ваше Превосходительство подвергнуть меня испытанию на сие звание в Экзаменационной Комиссии вверенного Вам Института в течение сессии с 1 ноября по 15 января текущаго учебнаго года.

При сем прилагаю: метрическое свидетельство, копию послужного списка с отметкой о поведении, свидетельство о звании, две фотографическия карточки, почтовую расписку о переводе 10 рублей, свою автобиографию и копии вышеупомянутых документов. Выдача же на руки свидетельства об окончании мною курса Духовной Семинарии Смоленская Духовная Консистория мне отказала и таковое будет представлено его Вам в самом непродолжительном времени.

1916 года 12 октября. Священник Иоанн Березкин

Прошение И.И. Березкина о сдаче экзаменов на звание учителя
в Смоленском учительском институте

каменные, красивой архитектуры. Все они связаны были четырехугольником очень симметрично, напоминая своим расположением старинные немецкие замки. А по скату холма сбегали вниз старинный парк, рощи и сады с полуразвалившимися причудливыми беседками, копаными прудами, запущенными цветниками, какими-то странными подземными галереями и т. п. остатками жизни во весь размах русской барской натуры. Все это уже разрушалось, но дядя все же щадил эти ценные остатки, а теперь ото всего этого уже не осталось и «камня на камне». Из этой красоты новый владелец «сумел извлечь пользу». Нам же, детям, оно доставило пользу иного рода. Оно дало нам зачатки эстетического воспитания, развило влечение к прекрасному.

Детское общество мое было очень немногочисленно. В число постоянных моих товарищей входил только мой брат, бывший старше меня на 1 год с месяцами. Другие дети были лишь случайными участниками наших игр. С братом мы выросли и воспитались. Поэтому ни одного памятного момента своего детства я не могу представить без его активного вмешательства.

Игры наши были разнообразны и занятия интересны. Для всего этого был простор и свобода. Мы были окружены прелестью природы: лесами и водами, предоставлявшими нам свои специальные развлечения. В саду у нас были свои любимые деревья – предмет посильных трудов и заботы и лично возделанные грядки и цветники.

Зимой были особые развлечения. Очень памятны мне длинные зимние вечера, доставляющие известного рода удовольствия. Их мы проводили большей частью в обществе матери, занимавшей нас чтением книг, не всегда, впрочем, доступного нам содержания. Нередко в слушании чтения участвовала кроме нас, детей, и прислуга. Особенно охотницей чтения была немка, старуха, очень живо сочувствовавшая переживаниям книжных героев и заливавшаяся горькими слезами по поводу их бедствий. Впрочем, и сама мать наша не безучастно относилась к судьбе действующих лиц читаемых ею произведений, и все это действовало известным образом и на нас, детей, вырабатывая впечатлительность и отзывчивость. Иногда в эти вечера мы посещали т. н. девичью – помещение, где собиралась для вечерних занятий женская прислуга. Здесь рассказывались очень занимательные для нас сказки или очень забавно играли в карты.

Из отдельных эпизодов тогдашней жизни очень отчетливы воспоминания о лично пережитых несчастиях. Одним из них, чуть не самым памятным, является перенесенная мною в очень раннем детстве (около 5 лет) в тяжелой форме болезнь – воспаление легких. Рассказывают, что во все время течения болезни я очень усердно молился Богу. Я помню отчетливо все это и сам, но само собой понятно, что многое ускользало из моего сознания. По рассказам родных, молился я по собственному побуждению, без всякого стороннего влияния. Впрочем, и по минованию болезни я помню себя очень религиозным ребенком, хотя в семье нашей исключительной религиозностью не отличались ни мать, ни другие члены семьи. Так что и я началом и причиною своей сильной религиозности считаю именно влияние этой болезни, как первой сознательно воспринятой опасности. В тот же период раннего детства я дважды подвергался опасности утонуть, причем оба раза счастливо избежал смерти: в первый раз благодаря посторонней помощи, а во второй прямо благодаря счастливой случайности, которую я вернее назвал бы чудом. Впрочем, оба последние случаи не имели никаких вредных влияний на мою психику, как то можно было ожидать.

Шести с половиной лет меня начали обучать грамоте. Обучались все дети нашей семьи первоначально дома, для чего специально приглашалась учительница из окончивших курсы епархиального училища. Не знаю, почему: тяготила ли их зависимость от нанимателей или условия их труда в нашем доме в чем-либо были неблагоприятны, но учительницы наши сменялись часто. В течение моей трехлетней подготовки их было три. Все они приезжали к нам прямо по окончании курса, видимо, были неопытны в деле воспитания и особенного влияния в этом отношении на меня не имели. Впрочем, к своему учебному труду они по-видимому были усердны и подготовляли они всех нас очень основательно. Учиться я начал с большой охотою, ибо чуть ли не с пяти лет начал мечтать об этом, страшно завидуя учащимся старшим братьям и сестре. Поэтому и учение давалось мне легко, тем более, что я от природы обладал твердой памятью.

Едва выучившись читать, я очень пристрастился к чтению книг. Этому способствовало обилие последних и вечерние чтения матери, приохотившей меня к книжной пище. Книги попадались мне разные.

Детских книг было очень мало. Больше было романов, приложений к разным журналам и очень много старинных переводных каких-то фантастических сочинений, названий и авторов которых, за исключением 3-4, я совсем не помню. Эти последние книги попали к нам из остатков Салтыковской библиотеки.

Такое чтение имело очень вредное влияние на мое умственное развитие. Ему я обязан неправильным развитием фантазии и отсутствию способности к систематическому научному чтению и вообще систематичности умственных занятий. Со всеми этими неправильностями мне приходится считаться даже и теперь, и я не могу утверждать, что теперь, в зрелом возрасте я совершенно свободен от этих недостатков. Хотя мною употреблено много усилий на борьбу с ними. Особенно развивалась склонность к нездоровому фантазированию. Кроме чтения особого свойства литературных произведений этому способствовала и сама жизнь в старинном поместье, где все возбуждало фантазию, заставляя ее рисовать картины красивой прошлой жизни. В дальнейшем развитии своем склонность к фантазии вылилась в способность извращения, граничащую со лживостью. Впоследствии эта прогрессирующая наклонность причинила мне немало огорчений и неприятностей. Таким образом, все элементы первоначальной моей жизни заключались в кругу домашней жизни и окружающей ее природы. Из ее круга мы почти не выступали.

В гости наши семейные не ездили или ездили очень редко. Довольно часто ездили мы в храмы двух соседних сел. Редко также было и появление у нас сторонних, и таковое каждый раз производило сильное впечатление, являясь вместе с тем эрой в нашей тихой «нелюдимой» жизни. Периодически, непременно раз в месяц, приезжал из ближнего села священник с псаломщиком для домашнего отправления богослужения. В великие праздники кроме них нас с тою же целью посещал священник из другого села, благочинный пожилой человек, обладавший редким искусством служения с двумя такими же старичками причетчиками. Их появление как-то особенно заинтересовывало нас, и их служение являлось для нас предметом подражания в особых играх «в священника». Я не знаю, было ль это у нас, как говорят, «в крови», ибо «весь род наш чуть ли не со времени крещения Руси служил в алтаре, пел на клиросе и трезвонил на колокольне» (Чехов – «Архиерей»). Только с раннего детства я всегда чувствовал расположение к отправлению богослужений. Это расположение позже направило жизнь мою

по дороге, которая теперь кажется мне несоответствующею моим способностям и призванию.

Когда мне исполнилось 10, а брату 11 лет, мать без всяких колебаний решила определить нас одновременно в духовное училище. По ее мнению иной дороги, кроме священства, для нас нельзя было и предположить, так как эта служба «одна из самых лучших на свете во всех отношениях». Причиной одновременного поступления моего и брата было то, что он был слабее меня в отношении умственных способностей, а потому и отставал в своей подготовке.

Поездка на экзамены в Смоленск была первой моей поездкой в город, и появление мое в школе было первым появлением в обществе равных. Приемные экзамены оба мы выдержали блестяще и были 1 сентября 1897 года приняты в число учеников С[моленского] духовного училища.

Не могу похвалиться впечатлениями первого времени жизни в училище. Училищная среда приняла меня неласково. Я ли сам тому виной, как непривыкший к школьной жизни, или сама среда была так груба, но в первые дни столкновения с нею я немало получил грубых обид, побоев и немало пролил слез. Первые шаги на учебном поприще были удачны. Умственное развитие мое было выше среднего уровня класса, память отличная. Все это в связи с твердым усвоением орфографии (чем я между прочим обязан своей начитанности) позволило учиться хорошо и без особенных усилий стоять в числе первых учеников.

Не налаживались только мои общественные отношения. Грубо встреченный училищным обществом, я чуждался товарищества. Кроме того, мне, выросшему барчонком, не очень чистенькие «духовники» казались совсем не ровней. Поэтому лучшие из товарищей по чувству собственного достоинства сторонились той дружбы с оттенками подчинения, которую они могли иметь со мной, вследствие моего несколько горделивого к ним отношения. В друзья ко мне пошли подонки класса в умственном и нравственном отношении, которые за сладкий кусок и помощь в учебных занятиях терпели мое деспотическое обращение с ними. Им я обязан той утратой светлого чистого детского миросозерцания и пониманием таких вещей, о которых ранее не имел ни малейшего понятия.

По-прежнему лучшим другом моим был брат, с которым мы делили горе и радость, свои новые впечатления. Вместе проводили время, вместе выполняли школьные работы и вместе изобретали способы защиты

своих интересов. Его обществу я обязан тем, что враждебно встреченный школьной средой я не приобрел для себя от этой встречи особенно вредных последствий. По крайней мере, я знаю случаи тогдашнего времени, когда в аналогичных условиях свежие нетронутые дети делались нравственными и умственными уродами. Некоторые вынуждены были даже оставить училище.

В конце первого же учебного года нам с братом пришлось перенести в тяжелой форме корь с серьезными осложнениями. Так мы проболели всю весну до начала июня. У наших одноклассников уже окончились экзамены, а мы только едва оправились от болезни. Училищное начальство предложило нам держать экзамены после вакации[1], но нам удалось выпросить себе позволение проэкзаменоваться непосредственно после выздоровления. С необыкновенным восторгом ехали мы после экзамена в деревню, и я даже сейчас представил себе то настроение, какое я испытывал в то время. Только после долгой болезни и еще, пожалуй, тюремного заключения можно чувствовать подобное ощущение «радости жизни», заключающееся в удовольствии сознавать себя нормальным человеком.

Дальнейшая училищная жизнь протекла как-то ровнее. Понемногу я сжился со школьными условиями и товарищами. Зато в учебном деле я потерпел некоторую неудачу. Почему-то мне долго не давалось нотное пение. Голос у меня был хороший, слух тоже был правильно развит, а нотное пение не давалось. Вероятно, как-нибудь я не усвоил азов этого искусства, и дальнейшее при всем старании не могло быть доступным. В первый год мне сделали снисхождение по болезни. Во второй же мне было объявлено, что правление училища решило, несмотря на мои очень хорошие успехи по другим предметам, оставить меня из-за пения на повторительный курс, если я не выдержу переэкзаменовку. Напуганный не на шутку, я под руководством старшего брата целое лето неусыпно и неустанно гробился над обиходом[2] и добился в конце концов успеха, поразившего во время переэкзаменовки преподавателя. С тех пор этот предмет больше уже не затруднял меня. На третьем году учения брат, учившийся вообще слабее меня, остался

[1] Вакация, вакации – свободное от занятий время, отпуск, каникулы.

[2] Обиход – правила церковного пения, а также название церковной нотной книги.

на повторительный курс, и с того времени нам уже не пришлось больше учиться вместе.

Очень хорошие воспоминания сохранились у меня об учителях училища. Почти все они были люди пожилые и теперь все уже умерли. Они были прекрасные работники, но это мы оценили только впоследствии, а тогда мы любили их за отеческое простое обращение, доброту и понимание детской души. Только один из моих тогдашних воспитателей резко выделялся из них своим особенно грубым и подозрительным обращением с детьми. На меня лично и на всех других учеников его пренебрежительное обращение, когда он сплошь всех называл неподлятки[1] и не верил ничему доброму, производило гнетущее впечатление и заставляло нас от всей души ненавидеть его. И кажется, что ни на своих уроках и ни в чьем присутствии не баловались так, как на уроках этого господина.

Незадолго до окончания мною курса училища умер мой дядя, в имении которого мы жили. Имение досталось его замужней дочери, и нашему семейству пришлось из него выехать. Мать купила небольшой дом в уездном городе Е[льне]. Вместе с нами поселилась жившая доселе в том же имении сестра моей матери, вдова небогатого помещика. Теперь наша семья содержалась исключительно ее средствами, заключавшимися в доходах с принадлежавших ей в Москве домов.

В 1901 году я перешел в духовную семинарию. При переходе нашему курсу пришлось держать поверочные экзамены, каковых раньше не было. В семинарии для нас оказалось много нового. Обращение учителей, взаимные отношения воспитанников и образ жизни их были совершенно иные. В училище все было как-то проще, в семинарии было больше серьезности. Даже учебное дело было много труднее: пришлось изучать сразу несколько совершенно новых наук. Зато и здешние шалости, и нарушения дисциплины были не в пример серьезнее.

Семинарское общество (конечно, в лице не лучших его представителей) щеголяло способностью казаться взрослыми, способностью, выражавшеюся в курении табаку, употреблении вина и т. д. Всем этим увлекся и я, и именно по указанным причинам, т. е. больше всего из желания щегольнуть своею возмужалостью. Вообще должен я заметить, что желание казаться не тем, что я был на самом деле, было

[1] От слова «подлятки» – мальчишки 8-12 лет.

не чуждо мне. Таким образом, курить я выучился чуть ли не в первый день семинарской жизни, а месяц спустя в первый раз в жизни напился вина в памятный день семинарского праздника 26 сентября[1], большинством семинаристов в то время проводимого в хмельном веселии. Это увлечение было для меня большим несчастьем, имевшим свои серьезные последствия. Несомненно, что этот порыв нанес ущерб моему развитию, как умственному, так и физическому. Успехи в учении очень понизились. Перешедший в числе первых в семинарию, я большую половину семинарского курса проучился очень посредственно – «на тройках». За это же время я почти совсем забросил чтение, которому с редким усердием отдавался в училище.

Должно быть, в увлечении вином сказалась наследственность, так как и отец мой сильно предавался пороку винопития. Во всяком случае, мое винопитие прогрессировало. Из шалости, желания щегольнуть, «побахвалиться» развивалось настоящее пристрастие к пьянству, со всеми его характерными аксессуарами: компаниями, головною болью, похмельем и т. п. В этот период времени из всех лучших сторон моей жизни не заглохло только увлечение пением, которым я с момента памятной своей переэкзаменовки стал заниматься с большим усердием. Это искусство я постиг очень основательно, был одним из лучших певцов класса и развил в себе любовь к пению и игре на клавиатуре, не уменьшившуюся в зрелом возрасте. В других отношениях я заметно отстал от классного авангарда. К счастью, это продолжалось не особенно долго. В разгар одного многодневного кутежа я как-то сразу «пришел в себя». Мне вдруг с необыкновенной отчетливостью представился весь ужас, вся опасность дальнейшего увлечения вином. Я твердо решил взять себя в руки, призвав всю волю. И с того времени я уже никогда более не прикасался к вину. Трудно это мне далось, но с того времени моя воля укрепилась, и последующее управление ею уже не представляло такой трудности.

Несколько позже этого случилось другое обстоятельство, столь же серьезно отозвавшееся на формировке моего характера. Случайно семья наша лишилась всего состояния, и для нас наступили черные дни.

[1] 26 сентября – день апостола и евангелиста Иоанна Богослова, в честь которого была устроена семинарская церковь. В этот день ежегодно в семинарии проводилось праздничное Богослужение.

Правда, в это время старшие братья уже имели определенное положение в жизни, и только учились мы с сестрой, но и для нас не хватало средств. Пришлось самому добывать такие средства. С этой целью я пристроился в церковный хор, нашел уроки (правда, грошовые) и переписку. Все это вполне обеспечило мне возможность окончить курс семинарии. Я стал даже располагать карманными деньгами. Это последнее обстоятельство позволило мне очень часто в последние два года учебной жизни посещать театр, оперу и концерты. Одновременно с этим при участии нескольких товарищей организовался у нас певческий и литературный кружок. Эта организация имела целью самообразование литературное и музыкальное. В нашей же среде издавался товарищеский еженедельник.

Последние годы моей жизни в семинарии совпали с годами т. н. освободительного движения. Как известно, это движение коснулось и школьной жизни, выразившись здесь в увлечении учащихся социалистическими идеями, в нескольких забастовках и, наконец, даже в массе просто несерьезных беспорядков всякого рода, мешавших течению школьной жизни. Причастны всему этому были и с[моленские] семинаристы. Между прочим, этому движению в ее среде способствовали (как то ни странно) некоторые преподаватели из только что в то время поступивших к нам. Однако наш курс по разным причинам менее всего участвовал во всякого рода беспорядках, и хотя общее движение не чуждо было и нам, но оно у нас проявилось как-то серьезнее и благороднее.

Все мы в то время мечтали об университете и еще на семинарской скамье, так сказать, не рассчитавшись с семинарией, стали готовиться к поступлению в университет (нужно было выдержать поверочное испытание). Большинству это вполне и удалось. Очень многие товарищи поступили в различные университеты и сейчас разошлись по распутиям жизни, но мне, чуть ли не больше всех мечтавшему о продолжении образования, это не удалось. Пред окончанием курса я, до того времени чуждавшийся женского общества, случайно познакомился с моей теперешней женой, влюбился в нее до полного забвения всех других увлечений и планов и спустя 12 дней после окончания курса женился. Так началась моя самостоятельная жизнь.

Нужно было думать о приискании места. Очутившись лицом к лицу с этим вопросом, я буквально растерялся. Совершенно не готов

Свидѣтельство.

24

Предъявитель сего священникъ села Звѣровичъ Краснинскаго у. Смоленской губ. о. Іоаннъ Іосифовичъ Березкинъ родившійся 16 апр. 1887 г., вѣроисповѣданія православн., по представленному имъ свидѣтельству отъ 23 дня, августа мѣсяца, 1907 года за № 1044 объ окончаніи полнаго курса ученія въ Смоленской Духовной Семинаріи на основаніи п. I. отд. VIII закона 25 іюня 1912 года, былъ допущенъ въ собраніи Педагогическаго Совѣта Смоленскаго Учительскаго Института къ сокращенному испытанію на званіе учителя высшаго начальнаго училища и оказалъ слѣдующія познанія:

№ 1643.

По педагогикѣ хорошія — 4.

„ методикамъ: Русскаго языка удовлетвор. 3.

„ „ Ариѳметики хорошіе 4.

„ „ исторіи — письм. 4, устн. 5

На пробныхъ урокахъ означенный о. І. Березкинъ обнаружилъ достаточное умѣнье преподавать исторію въ высшемъ начальномъ училищѣ, а потому признанъ достойнымъ званія учителя высшаго начальнаго училища по предмету исторіи.

Въ удостовѣреніе сего и дано ему настоящее свидѣтельство за надлежащей подписью и съ приложеніемъ печати Смоленскаго Учительскаго Института.

Декабр. мѣсяца 9 дня, 1916 года. Гор. Смоленскъ.

Институтъ Смоленскій Учительскій

Предсѣдатель Педагогическаго Совѣта, Директоръ Института [illegible]

Законоучитель Свящ. М. Лебедев [illegible]

Члены Педагогическаго Совѣта С. А. Покровскій, [illegible]

Секретарь Педагогическаго Совѣта В. [illegible]

Свидетельство об окончании И.И. Березкиным Смоленской духовной семинарии

я был к самостоятельности. С одной стороны, хотелось чего-то лучшего в жизни: деятельности по сердцу, по призванию, а с другой, прямо в глаза смотрела жизненная нужда, и некогда было размышлять о призвании. Пришлось взять то, что мне легче далось: духовное звание. И вот прямо из семинарии [в 1907 г.] я попал в псаломщики в уездный город Р[ославль в Духо-Николаевский храм].

Увлечение пением очень скрашивало неприглядность моей карьеры, а семейное счастье помогало забывать недостатки материальные. Таким образом прожил я более года. В одно время по предложению местного инспектора народного училища я занял должность законоучителя в двухклассном приходском училище. Новое дело сразу заинтересовало меня, и я с большим удовольствием принял назначение и в другое училище[1].



Здание Рославльской женской прогимназии

Уроков Закона Божьего в этих 2 училищах было много. Я забросил псаломщичество, наняв за себя певца, и весь отдался учебному делу.

[1] Начальное женское училище г. Рославля.

Домой я приходил днем только буквально на несколько минут и после обеда опять отправлялся на уроки, так как в двухклассном училище за недостатком помещения уроки шли в две смены. Здесь впервые я почувствовал сладость деятельности по сердцу и стал помышлять об учительстве, решив, что оно – мое призвание.

Первые попытки мои добиться учительского места были неудачны. Совсем уже случайно Р[ославльский] уездный наблюдатель церковных школ священник Г. предложил мне поступить на учительское место во вновь открывшуюся в уезде двухклассную школу. Но вместе с тем мне поставлено было условие принятия священнического сана, что требовалось для домовой школьной церкви. Об этом я не задумался. Мне неудержимо хотелось только учительской деятельности, и особенно улыбалась она в тех условиях, какие сулила Щ[епетевская] двухклассная школа. Очень быстро [в феврале 1909 г.] я перебрался в Щепеть. Учебный персонал составляли мы вдвоем с женой. Все дело лежало на нас, но мы его трудностей не боялись. Мы рады были своей самостоятельности, рады были, что нам никто [не] мешал.

Приехали мы в холодную, неустроенную, лишенную самого необходимого школу, и спустя несколько дней уже школа была на полном ходу. По целым дням, с утра до ночи, работали мы и умственно, и физически и нисколько не утомлялись. Нам даже приятно было, что в школе ничего нет, что все нужно заводить и устанавливать нам.

Такая полная труда и счастья жизнь продолжалась два года. В конце этого периода времени ухудшились мои семейные обстоятельства таким решительным образом, что далее оставаться на учительстве не стало никакой возможности. Рождение детей, усиленная деятельность и плохие гигиенические условия в неустроенной школе сильно расстроили здоровье моей жены, и ей пришлось оставить учительство. Приходилось усиленно лечиться, а затем по требованию докторов и расстаться с Щ[епетьевской] школой. Находили, что сама местность и условия жизни в школе губительны для здоровья жены.

Против желания с болью в сердце оставил я школу. И еще с большей болью вступил я в отправление новых своих обязанностей приходского священника в селе Х[отеево] Е[льнинского] уезда [в июле 1910 г.]. Сама внешняя сторона нового места и дела далеко не располагали к себе. Мой предшественник, прекрасный в сущности человек по душевным способностям и горчайший пьяница в то же время, страшно

запустил все дела. Церковь обветшала до самой последней возможности. Вокруг нее валялись обломки ограды и крылец. Богослужений не совершалось месяцами, средств на обновление храма не было никаких. Вдобавок прихожане были очень равнодушны к делу религии и своего храма в частности, сильно увлекались винопитием и промышляли воровством, а неравнодушные из них завели у себя сектантство. Нужно было делать. И это делание, усиленное и неусыпное, только одно спасло во мне живую душу и не дало успокоиться «на иерейском пределе, его же не прийдеше».

Выросши вдали от жизни духовенства, и священство представлял далеким от его действительности. Потому-то я сравнительно с легким сердцем принял священство и без предубеждений пошел и на приходскую службу. Встретивши в действительности вовсе не то, что представлялось мне издали, я, однако, не опешил и не опустил рук. Я с усердием принялся за разнообразную деятельность. Прежде всего, я занялся чисто пастырским делом. И вот под покосившимися сводами храма впервые за сотни лет раздалось живое слово с призывом к христианской жизни и указанием ее возможности. Одновременно с этим я завел в Х[отееве] отличный хор, высоко поставил в местной школе дело преподавания Закона Божьего, устроил миссионерский кружок и чтения с целью противодействия сектантству и т. д. Как-то скоро наладилось все приходское дело: поблагообразнел отремонтированный храм, в среде прихожан пробудились церковные интересы, нашлись среди них деятели, появился в несколько тысяч церковный капитал, и стало тесно в прежнем храме.

Однако одними приходскими обязанностями я не ограничивался. Я нес целое бремя других сословных и общественных обязанностей, запись которых пестрит мой формулярный список. Вместе с тем я занимался улучшением сельского хозяйства, заводил улучшенную обработку почвы, доставал лучшие семена хлебов и овощей, ввел плодосеяние, травосеяние. Но… всем этим я только старался заглушить жажду иного дела. Не без охоты отдавался разнообразной деятельности, я еще с большей охотой мечтал о возвращении к педагогической деятельности.

В самый разгар моей разносторонней работы в Х[отееве] совершенно неожиданно я получил одновременно два лестных для меня предложения: одно от прихожан N-ской церкви города Р[ославля] –

перейти к ним на должность приходского священника, а другое от церковно-школьного начальства губернии принять на себя обязанности заведующего и учителя Щ[епетьевской] школы, преобразованной во второклассную учительскую. Нечего говорить, что я выбрал второе и не без усилий и хлопот убедил в преимуществах этого выбора жену, которая первоначально и слышать не хотела о возвращении в Щ[епеть].

Через неделю [в августе 1913 г.] я был уже в Щ[епети]. Пред этим в школе были частые смены учащих и потому кое-что в ней было опущено. Сверх того приходилось устраивать и заводить много нового в целях приспособления ее для новых функций. Предметом преподавания я избрал (кроме Закона Божьего и славянского языка) отечественную историю. Этим предметом я интересовался и ранее и знал его несколько основательнее других.

Скоро, однако, я убедился, что наличных знаний моих далеко не достаточно для добросовестного выполнения принятых на себя обязанностей. Прежде всего, слишком ограничены были мои знания общепедагогические. При всем своем усердии и видимой склонности к делу воспитания, очень ощутительны были проблемы в знании теории этого искусства. Наконец, я почти вовсе не имел методических знаний избранного предмета. Это заставляло меня немало терзаться нравственно и при наличности увлечений делом, преувеличивать свои недочеты. Между тем заниматься собственным самообразованием совершенно не было возможности. 30 уроков в неделю, сложность заведывания, организация и управление хором, подготовка к текущим урокам, исправление ученических работ и наблюдение за интернатом – все это не оставляло ни минуты свободной. Все же я пытался взяться за самообразование. Между прочим, в это время я увлекался сочинениями Песталоцци[1] и Рачинского[2], находя много общего в их осуществлении воспитательного дела. Следствием этого увлечения были попытки создания школьной семьи. Думаю я, что отчасти это мне удалось. По крайней мере,

---

[1] Песталоцци Иоганн Генрих (1746, Цюрих – 1827, Бругг) – швейцарский педагог, один из крупнейших педагогов-гуманистов конца XVIII – начала XIX вв., внесший значительный вклад в развитие педагогической теории и практики.

[2] Рачинский Сергей Александрович (1833, с. Татево Бельского у. Смоленской губ. – 1902, с. Татево Бельского у. Смоленской губ.) – российский ученый, педагог, просветитель, профессор Московского университета, ботаник и математик. Член-корреспондент Императорской С.-Петербургской академии наук.

те признаки неподдельного детского горя, с которыми меня провожали мои ученики, не могут не свидетельствовать, что в воспитательном деле я хоть кое-что да достиг. Обстоятельства семейного свойства довершили необходимость моего ухода из школы, необходимость, которая вытекала из вышевыясненных обстоятельств.

Не прошло двух лет в Щ[епетье], [в ноябре 1914 г.] я перешел на место своей настоящей службы. На этот раз я уже не выбирал и в село З[верович Краснинского у.] приехал без всякого расположения и определенных планов. Правда, и здесь ждало немало дела. Громадный приход, законоучительство в двухклассной школе, ремонт храма – все это предоставило немало хлопот. Но все это я делал без увлечений, как говорится: за страх, а не за совесть. Во многом я начал обнаруживать неаккуратность и небрежное отношение. Казалось, что на этом следовало бы и покончить в жизни, но не хотелось мириться с неудачею мечты – потрудиться на педагогическом поприще. Однако для осуществления этой последней прежде всего нужно было учиться. Но где же учиться? Поступить в высшее учебное заведение или на курсы препятствует наличность семьи и недостаток средств. И по долгом обсуждении я остановился на мысли самостоятельной подготовки к экзамену на звание учителя высшего начального училища.

В первый же год службы в З[верович] я, запасшись программами и учебниками, начал заниматься. Нелегко далось мне это дело, и теперь, заканчивая его, я могу определить всю массу потраченного на это времени и труда.

Много преодолеть пришлось препятствий всякого рода. Масса приходских обязанностей усложнялась с каждым прожитым в З[верович] месяцем. Текущие военные события налагали свои специальные обязанности. Пришлось принять на себя председательство в волостном попечительстве о семьях воинов, заведывание беженским продовольственным пунктом, организацию потребительского общества и т. п. Вместе с тем, как из рога изобилия, сыпались на меня назначения на сторонние должности. Для подготовки пришлось просто украдать время. Ей я посвящал главным образом время раннего (5-9 ч[асов]) утра, когда никто меня не беспокоит, предполагая, что я сплю. Немудрено, что при подобных обстоятельствах на подготовку ушло сравнительно много времени. Тем дороже для меня приобретенные знания и интереснее ждать результатов добросовестного упорного труда. Им исключительно я жил в этот последний период своей жизни. И в случае неудач

и огорчений этого времени я получал утешение в этом труде. Даже более. Каждая неудача, каждое огорчение являлось побудительным средством к большему напряжению силы. По крайней мере даже в случае очень возможной неудачи я вполне искренно могу свидетельствовать, что я все «сделал то, что мог и должен был сделать».

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 70. Л. 4-13.

Буклей Андрей Алексеевич,

мещанин местечка Глуска Бобруйского уезда Минской губернии

14 июля 1916 года

Родился я в местечке Глуска Бобруйского уезда Минской губернии. Родители мои, местные мещане, отдали меня в приходское одноклассное училище, когда мне было еще семь лет. В 1909 году я окончил эту школу и поступил в Глусское городское училище.

Осенью 1913 года, когда я был уже в четвертом классе, мать моя умерла после продолжительной болезни туберкулезом легких. С этого времени условия моей жизни резко изменились к худшему. Отец скоро женился, и я после этого инстинктивно начал отдаляться от своей семьи. А в начале лета я, после окончания городского училища, ушел из дому в город Бобруйск искать работу. Там мне удалось поступить рабочим в лесопильный завод, где я и пробыл до того времени, покуда не была объявлена мобилизация армии.

По мобилизации был призван и мой отец, и я остался одиноким, без средств и возможности найти себе другую работу. После некоторого времени я, однако, предпочел остаться писцом у земского начальника, чем поступать чиновником на почту, но и эта служба мне скоро не понравилась, и я, неожиданно для отца, ушел из канцелярии и поступил в число слушателей Педагогических курсов.

Курсовые годы – самые трудные годы моей прошлой жизни, так как мне приходилось учиться самому и давать частные уроки, чтобы иметь средства к существованию. Тем не менее, училище я окончил лучшим учеником. А по окончании курсов приехал домой, в местечко Глуска, с твердым намерением готовиться по языкам в 7-й класс гимназии. Но скоро убедился в невозможности выполнения этого намерения, так как за частной работой мне не было достаточно времени учиться самому, и я решил уехать в институт, куда теперь и готовлюсь в свободное от занятий время.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 71. Л. 8-8об.

Булычева Зоя Георгиевна,

учительница-заместительница Тюнинского высшего начального училища Рославльского уезда Смоленской губернии

10 января 1916 года

Наша память – это словно кладовая, куда мы сваливаем мусор ненужных переживаний, изжитых чувств и стремлений, отцветших мечтаний и надежд… Рядом с цветным, красивым, светлым лежит там и неценное, некрасивое, ненужное. Иногда время от времени мы забираемся в эту кладовую и среди тумана прошлого находим вдруг что-нибудь светлое, звонкой радостью звучащее, прекрасное… Вспыхивают нежданным очарованием прекрасные образы, всплывают полузабытые яркие мысли, светлые видения, и надежды снова стучатся в душу и звучат в ней радостным гимном.

Светлые воспоминания как-то обвивают жизнь какой-то внутренней интимной лаской, озаряют ее каким-то светом и теплом. Самое светлое воспоминание в моей жизни – это мое раннее детство. Оно – это детство – прошло необыкновенно светло, счастливо и радостно и оставило в моей памяти неизгладимый ряд цветных отдельных картин, словно сотканных из весеннего солнца и нежной ласки весеннего синего неба.

Мое раннее детство протекало, главным образом, в деревне, среди сельской природы, в одном из сел Смоленского уезда, живописно затерявшемся «меж высоких хлебов и зеленых полей». Мои первые детские дни обвеяны ароматом полей и лесов, первые там впечатления, первые воспоминания неотразимо связаны с представлениями сельской жизни, картины русской сельской природы вошли в мои первые детские воспоминания неизгладимой нитью.

Мне помнится наш большой старинный, по-старинному привлекательный и по-старинному уютный дом с громоздкой, немного неуклюжей мебелью, тяжелые резные буфеты, высокие зеркала в простынках. В этом старом приветливом доме сохранился тот особый характерный отпечаток, который приобретают все старые дома, протекало мое первое детство. Помнятся мне старые развесистые вербы под окном, и белая сирень, и огромные кусты прекрасных белых роз, за ломку которых часто доставалось нам, детям, от добрых, но, к сожалению, слишком любивших цветы тетушек. Помнится мне тенистый старый сад,

Автобіографія.

ЧЗ

Наша память — это словно кладовая, куда мы сваливаемъ мусоръ ненужныхъ переживаній, изжитыхъ чувствъ и стремленій, отцвѣтшихъ мечтаній и надеждъ... Рядомъ с цѣннымъ, красивымъ, свѣтлымъ лежитъ тамъ и нецѣнное, некрасивое, ненужное. Иногда время отъ времени мы забираемся въ эту кладовую и среди тумана прошлаго находимъ вдругъ что-нибудь свѣтлое, звонкой радостью звучащее, прекрасное... Вспыхиваютъ негаданнымъ очарованіемъ прекрасные образы, всплываютъ полузабытые яркіе лица, свѣтлыя видѣнія и надежды снова стучатся въ душу и звучатъ въ ней радостнымъ гимномъ. Свѣтлыя воспоминанія какъ-то обвѣваютъ жизнь какой-то внутренней интимной лаской, озаряютъ ее какимъ-то свѣтомъ и тепломъ.

Самое свѣтлое воспоминаніе въ моей жизни — это мое раннее дѣтство. Оно — это дѣтство — прошло необыкновенно свѣтло, счастливо и радостно и оставило въ моей памяти неизгладимый рядъ яркихъ отдѣльныхъ картинъ, словно сотканныхъ изъ лучей весенняго солнца и нѣжной ласки весенняго синяго неба.

Мое раннее дѣтство протекло, главнымъ образомъ, въ деревнѣ, среди сельской природы, въ одномъ изъ сел Смоленскаго уѣзда, живописно затерявшагося „межъ высокихъ хлѣбовъ и зеленыхъ полей." Мои первые дѣтскіе дни обвѣяны ароматомъ полей и лѣсовъ, первыя мои впечатлѣнія, первыя воспоминанія неотразимо связаны съ представленіями сельской жизни, картины русской сельской природы вошли въ мои первыя дѣтскія воспоминанія неизгладимой нитью.

Титульный лист автобиографии З.Г. Булычевой

где проводили мы, дети, целые дни, увлеченные своими детскими играми и забавами, и пчельник, за которым росла белая малина, нами, детьми, почему-то особенно любимая.

Как живые встают сейчас передо мною этот старый запущенный сад и золотое поле за этим садом, где часто мы, дети, вили себе венки из синих васильков. Встает передо мною картина… Чудесное утро… Солнце заливает всю землю своими лучами, и небо, еще не подернутое мглистую дымкою зноя, неотразимо манит к себе глубиной, своей бездной лазури. В такое утро в груди рождается такое славное бодрое чувство, так безоблачно ясные и чистые все мысли, спокойная и радостная дума, словно в ней звучит какая-то прекрасная, торжественная песня. Отец забирает нас, детвору, с собою и уходит в поле. Тихо, тихо в воздухе. Небо синеет так кротко, так нежно, как «глаза ребенка». Убегает вдаль пыльная, такая знойная, золотящаяся от зноя дорога… Колышется по бокам спелая желтая рожь, и приветливо синеют в ней мохнатые головки васильков. А как пестро, как богато все вокруг. Золотом и зноем солнца обдаются светлые колосья, кротостью глубокого неба дышат синие васильки.

А белая пушистая кашка, а златоцветная, радостная-радостная ромашка, лиловый колокольчик, стройный, весь белый, словно одетый фатою, стебелек подорожника – о, сколько звонкой, солнечной, беспечной радости может быть в этом «печальнейшем из миров», когда за плечами всего только 6-7 лет, душа жадно раскрыта навстречу жизни и жадно и страстно ловит все впечатления, не разлагая их на части, не подвергая анализу, когда солнце светит так ярко и небо голубеет так чисто и прозрачно. О, как хорошо, как радостно, как полон бывает тогда мир, как прекрасно тогда летнее солнце, какой бездонной глубиной дышит тогда летнее синее небо. Богат, прекрасен и полон мир для ребенка. Он превращается для него в цветущую, сияющую радугу, перекинутую между землей солнцем и звездами. Мир искрится всеми цветами радуги. Мир существует только для меня, только для меня улыбаются эти васильки и ромашки, только для меня звенит эта песня, только для меня носится с цветка на цветок эта легкая белая бабочка, мелькающая так красиво на синем фоне летнего неба; я упорно стараюсь поймать ее, но чуть только коснусь, как она вспорхнет с цветка и неслышно, мгновенно перелетит на другой, момент – и она уже вьется, беззаботная, уносясь, мелькая все выше и выше, в прозрачную синюю даль…

Вот и другая картина… Пасхальная ночь… Тихая, теплая весенняя ночь, одна из тех ночей, в которую будет у взрослых желание чистой незапятнанной детской веры и тоски об ушедшей невозвратно непосредственности и красоте мечты и иллюзий; у ребенка эти ночи оставляют впечатление чего-то необыкновенно прекрасного, неземного, благословенного. Тихая весенняя чарующая ночь… Дышит она всепрощением, кротостью и особой весенней красотой… Старенькая ветхая деревенская церковь вся горит огнями, прекрасными пасхальными огнями, и так трогательна она в своей наивной красоте, так гармонирует с этой тихой ночью, с этим чувством чего-то торжественного и значительного, которое, кажется, разлито в весеннем воздухе. Отец стоит около церкви, я, еще совсем крошечная девочка, у него на руках. Эта пасхальная ночь, звуки колокола, крестный ход, горящие свечи – все это так прекрасно, так ново, что я готова, кажется, смотреть и смотреть без конца. Вот двинулся крестный ход… Мигают трепетно от дуновения воздуха тоненькие свечи, звучат радостно и торжественно пасхальные напевы, колышутся в воздухе хоругви… Темное высокое небо, золотые весенние звезды, старенькая деревенская церковь, звук колокола и крестный ход… Теплятся свечи… Звучит радостное, светлое праздничное пение, и весь крестный ход, движущийся вокруг церкви, так эффектно выделяется на темном фоне весенней ночи. А церковь стоит такая светлая, радостная, вся горящая огнями, и мне так хочется туда внутрь, кажется, что там свершается что-то прекрасное и лучезарное… Еще раз колыхнулись хоругви, вспыхнули огоньки свечей, и все вошли в церковь, и мне еще более хочется внутрь. Но папа уносит меня домой дарить мне пасхальные игрушки и укладывать спать, а сам идет снова в церковь. О, как мне в этот момент хочется быть взрослой, как я негодую на то, что я еще маленькая и что нужно спать в то время, когда так хочется вместе со взрослыми в церковь. Мама утешает меня тем, что служба кончится скоро-скоро, а завтра будут у меня еще новые красивые игрушки, и мало-помалу крепкий детский сон избавляет меня от всех житейских треволнений… Я засыпаю… а над землею колдует весенняя ночь, и в небе свершается что-то великое…

Светлые образы, светлую радость оставило мне мое детство. Так проходило мое детство светло, радостно, беспечно, пронизано любовью к природе и общим бодрым настроением. Странно, я почему-то совершенно не помню, как начали учить меня грамоте. Первое мое

воспоминание, связанное со школой, – зависть, зависть к тем, кто учится. Вероятно это было в то время, когда я сама еще не училась. Помнится мне осенний солнечный погожий день. Моя знакомая девочка, 11-летняя Липочка, собирается идти в школу. Она стоит на крылечке, о чем-то задумавшись; у нее темно-коричневое платье с черным передником, темные ее волосы собраны в длинную, ровную косу, в руках у нее книжки и грифельная доска. Я смотрю на нее, и постепенно мной овладевает зависть: я завидую и ее коричневому платью, и ее длинной темной косе, а главное – этой черной доске, такой заманчивой и соблазнительной. Не представляю теперь, сколько тогда могло быть мне лет. Вероятно, очень немного, потому что в то время я сама еще не училась, а учить меня начали, по словам матери, очень рано.

Процесса обучения грамоте, повторяю, я не помню. Первое, что я вспоминаю из этой области, – это какая-то книжка сказок, казавшаяся тогда мне необыкновенно красивой, нарядной и интересной. Помнится, в ней была очень крупная печать и, конечно, иллюстрации. Особенно понравилась мне там сказка про медведя с деревянной ногой и бедную старушку; на меня производила необыкновенное впечатление эта картина, нарисованная сказкой: белая зимняя ночь, тихая уснувшая деревня, одинокий огонек в покосившейся хатке, скрип дерева по морозному снегу и ужас старухи.

Более или менее ясно я вспоминаю уже мои занятия по родному языку. Отец, влюбленный в этот предмет, вкладывал в его преподавание все свое «ученье» и сумел внушить и мне любовь к русскому языку. Помню, в 10-11 лет я с увлечение проходила синтаксис и даже с увлечением писала диктант. Из детства осталось мне еще одно очень живое воспоминание – это воспоминание о том, как я впервые читала «Евгения Онегина». Читала я еще совсем небольшой девочкой, не умея ни разобраться в романе, ни объяснить его, но самая красота его, самое очарование бессмертных образов производили на меня впечатление необыкновенное.

Шли годы… Бежали один за другим золотые звенящие дни, мелькали один за другим и падали в вечность мимолетные краткие миги… Синие зори сменялись прекрасными солнечными днями, весенние песни сплетались с обманными сказками зимних ночей… Жизнь торопилась… Шли годы… И мало-помалу, постепенно, но неуклонно

уходило вдаль мое светлое детство. Впечатления детства одевались мглистою дымкою воспоминания и незаметно уходили в прошлое. Исчезла и детская непосредственность, и на месте ее появлялось желание все критиковать и анализировать, начинала проникать в душу склонность к анализу.

В 1905 году отца перевели в Калужскую губернию в маленький уездный городок, потонувший среди прекрасных сосновых лесов. В этом маленьком, но уютном уголке протекала моя юность, или, вернее, отрочество. Впечатления жизни уже не принимались так цельно и непосредственно, как в детстве. Теперь эти впечатления претерпевают критику, анализ. Наряду этим появляются чисто юношеская мечтательность, углубленность в себя, восторженность и склонность пофантазировать. А условия, меня окружавшие, способствовали развитию этих черт характера. Кругом была прекрасная живая природа, сравнительное одиночество, книги…

В детстве я наслаждалась природой бессознательно, инстинктивно, теперь я любила ее вполне осознанной и даже какой-то мистической любовью. Природа была мне ближе людей. Мне казалось, что я понимаю язык лесов и полей лучше, чем речь человеческую; шепот моих любимых лип в нашем саду был мне ближе и понятнее иных человеческих слов.

Около нашего дома был старый тенистый сад, где часто пропадала я целыми часами с книгой в руках. Читала я тогда запоем, с таким увлечение, с каким уже мне, кажется, никогда не читать; читала целыми днями, забравшись в глубину сада под тень моих любимых старых лип, читала ночами, портя себе глаза. Алый расцвет летнего дня заглядывал в окна, а я все еще была в мире книг, витала во власти созданных художниками образов.

Чтение мое тогда было совершенно бессистемное, непоследовательное: сборники тов[арищества] Знания смешались с классиками, критические статьи с текущими журналами и стихами. Конечно, это не была дань неизменному Надсону, хотя такого увлечения, о каком мне пришлось слышать и читать, я не пережила.

Из поэтов я тогда особенно увлекалась Лермонтовым, Некрасовым и Алексеем Толстым, как ни странно такое соединение имен. Но кто одно время совершенно завладел мной – это Горький. С таким увлечением, как Горького, я читала позднее разве «Казнь» Корчемного

да Льва Шестова[1]. Меня привлекала у Горького какая-то оригинальная, новая спелая красота, красота новых ощущений, стремлений и дерзаний. Меня увлекал самый его язык, несколько своеобразный, богатый, сочный, красочный и колоритный.

Так шла моя жизнь до поступления в гимназию. Я поступила сразу во второй класс гимназии, а до гимназии занималась дома с отцом. В 1910 году мы переехали в Смоленск. Я сдала экзамены за 5-й класс и очутилась опять в новой для меня обстановке. Сразу на меня нахлынула волна новых впечатлений, новых переживаний. Прежние условия жизни не походили на те, в которых я теперь очутилась: я жила довольно одиноко, замкнуто, находясь больше в книгах и с книгами, чем с людьми. Гимназия сразу поставила меня в иные условия, и эти условия повлияли на меня: я стала общительнее, менее мечтательна и более трезва. Гимназия дала мне общение с людьми. Гимназическая жизнь с ее особыми законами и обычаями захватила меня. В общем, у меня остались хорошие воспоминания об этих трех годах, проведенных в стенах средней школы. Хорошие воспоминания оставили и учителя. Между прочим, им я во многом обязана тем, что чтение мое стало больше систематичным и последовательным.

Быстро и незаметно прошли эти три года в гимназии. Много новых переживаний, впечатлений, новых образов и мыслей вошли в мою душу… Я свыклась с гимназией, с городом, сжилась, втянулась в эту новую для меня обстановку.

Вот, наконец, выпускные экзамены. Быстро промелькнул последний экзамен, акт раздачи аттестатов, и с средней школой покончено навсегда. Кончена целая лучшая полоса жизни, и безответно чего-то жаль, чего-то страшно. Но жизнь кажется еще прекрасней и долгой; даль так манит и влечет неотразимо; кажется, столько радостного, столько светлого и лучезарного сулит она… эта прекрасная, заманчивая даль.

Судьба забросила меня снова в маленький уездный городок. При въезде в этот городок вспоминаешь невольно города, описанные Салтыковым-Щедриным по типу Крутогорска[2]. Повис он на горе,

---

[1] Шестов Лев Исаакович (1866, Киев – 1938, Париж) – русский философ-экзистенциалист.

[2] Крутогорск – собирательный образ дореформенной провинции, который воплощает в себе типические черты царской России. В «Губернских очерках» Салтыков-

над рекою. Белеют в зелени церкви и дома, а посредине лентою вьется река, тихая, неподвижно-ленивая, словно уснувшая… Пыльные, сонные улицы, по которым лениво бродят всевозможные сорта «домашних животных». На перекрестке дремлет степенный городовой, который никогда и никому, кажется, не бывает нужен, ибо в этом городке от лени или от миролюбия и кротости характеров очень редко происходят шумные и деятельные столкновения. Против здания казначейства и думы с идиллическим спокойствием расхаживают кротко-глупые индюки. Тишина, покой невозмутимые… Веет чем-то старинным, давно ушедшим, чем-то от времен Чичикова и «Ревизора». Или словно все попали в какую-то вторую Обломовку. В этой атмосфере покоя, тишины гаснут и тускнеют все желания и стремления, энергия неотразимо парализуется заражающим влиянием этой обстановки. Вот в эту-то вторую Обломовку и попала я после Смоленска. Жизнь в ней казалась мне очень вялой, тусклой и бесцветной; слишком уж вяло шла эта жизнь, слишком медленно, незаметно бился пульс. Правда, природа этой Обломовки не оставляла желать ничего более лучшего, и с отчаяния и боязни уснуть в этом царстве мира и покоя я занялась усиленным изучением ее прекрасных окрестностей – деятельным бездельем.

Промелькнуло лето… Незаметно подкрался сентябрь месяц, позолотил деревья, затянул поля серебром осенней паутины, засветились ярче звезды на темном осеннем небе… Мы с сестрою уехали в Москву, на Курсы.

Впечатления новой жизни обступили нас. Новый большой город, шум, движение, пестрота и сутолока толпы, нервная повышенность и напряженность жизни – все это слегка ошеломляло и радовало. Приятно было бродить по улицам, в движении толпы или забраться в Кремль и подолгу смотреть на Москву-реку, слушать отдельный, слегка стушеванный расстоянием шум города, следить, как синие сумерки постепенно заволакивают все мглистою дымкою… Приятно было чувствовать себя утром на лекциях среди шумной разнообразной толпы, смотреть на молодые бодрые лица, чувствовать жизнь и движение... В тот год,

---

Щедрин создал широкую галерею типов дореформенного царского чиновничества, дворянства, нарождающейся буржуазии. Живоглоты, чиновники-грабители фейеры, купцы хрептюгины, крепостники-помещики, полоумные аристократы чебылкины, пошлые мещане – обыватели города Крутогорска – все они порождение самодержавно-крепостнической системы. Название города, подсказанное архитектурным пейзажем Вятки.

когда я поступила на Курсы в Москве, читал еще Павел Никитич Сакулин[1], и я отдала дань тому общему увлечению и поклонению, которым окружали тогда курсистки своего любимца.

Лекции, сам город, Кремль, художественный театр, Третьяковская галерея, новые знакомства, новые книги – все это новое вошло в жизнь и сделало ее многоцветнее и ярче, полнее и шире… Так прошли эти два года на Курсах…

Затем, в силу некоторых «домашних обстоятельств», Курсы пришлось оставить и несколько, быть может, преждевременно, превратиться из ученицы хотя бы и высшей школы – в учительницу.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 70. Л. 43-45, 50-50 об.

---

[1] Сакулин Павел Никитич (1868, с. Воскресенское Самарской губ. – 1930, поезд «Москва – Ленинград») – российский и советский литературовед, доктор русского языка и словесности, почетный член ГАХН, академик АН СССР, в последние годы жизни – директор Пушкинского Дома.

Вершен Дмитрий Иванович,

учитель Любунского двухклассного Министерства народного просвещения училища Мосальского уезда Калужской губернии

28 июня 1918 года

Родился я в 1893 году 15 мая в селе Чаплицы Минской губернии Слуцкого уезда, в семье крестьянина-белоруса. Раннее детство оставило впечатлений слишком немного. Первое, что мне помнится, – я ввалился в лохань с горячей водой, приготовленной для обваривания зарезанного поросенка, мне тогда было года три; потом идет сиденье с бабушкой на печке и слушанье ее ворчанья и сказок, далее, летом – шлепанье и купание с ребятишками по лужам, беганье в клевер за «шишками», которые мы сосали, и в рожь за васильками, откуда потом во весь дух мчались домой, боясь русалок, которые, по местному верованию, жили во ржи и заманивали к себе ребятишек, так по крайней мере нас пугали взрослые. Вспоминаются потом набеги на чужые огороды и сады и неоднократные потасовки с товарищами. Зимой – сначала нудное сиденье в избе, а как немножко подрос – игра в снежки, катанье с гор и по льду с неизбежным обмораживанием ушей, носа и пальцев.

Когда мне было лет восемь, то родитель порешил, что незачем его единственному сыну баклушничать и даром переводить хлеб, и послал в поле пасти коров. Нужно сказать, что здесь начинается наиболее трудная пора моего детства и юности. Наряду с ранним вставанием, когда за одну минуту сна готов отдать половину жизни, выплывают и отрадные воспоминания обаянья луга и леса с птичьим свистом и щебетаньем, стрекотанием кузнечиков, благоговейный страх перед грозой, когда сидя в лесу под деревом, а на лугу на кочке креститься при каждой вспышке молнии, при каждом ударе грома; вспоминается и боязливое возвращение по вечерам домой с ожиданием выговора, что голодные коровы или мало принес грибов, что лазал по деревьям, разорвал штанишки, рубашонку.

Лет 9-ти меня свели в школу, куда я давно просился, стремясь стать обладателем тех картинок, которые видел в книжках моих более взрослых товарищей. Хорошо ли учился в школе, нет ли, я тогда не отдавал себе отчета, но если судить по отзывам учителя и священника, советовавших отцу учить меня «дальше», то учился хорошо. Измученный

тяжелым трудом, отец охотно ухватился за мысль, поданную учителем и священником. Ему хотелось, чтобы его единственное дите «не гребло руками гною» и было хоть маленьким «паном». Так как средств не было, то наиболее подходящим и доступным учебным заведением была учительская семинария, куда я и поступил на стипендию, когда мне было почти пятнадцать лет.

После четырех лет материальных лишений, при самой скромной жизни стипендии было далеко не достаточно, семинария была окончена, и я стал тем маленьким «паном», о котором мечтал отец и вначале подумывал я сам. С первого октября 1912 года я был назначен в Каплановичское земское начальное училище, где впервые пришлось испытать жизнь человека, оторванного от живого мира, лишенного книжки, газеты и возможности перекинуться с кем-либо хоть словом. Завязать более близкие отношения с местным населением долго не удавалось, так как во мне они видели такого же «пана», как в инженере, уряднике и старшине, который под горячую руку посадит в «холодную».

В 1913 году мои родители переселились в Калужскую губернию, в Масальский уезд, куда пришлось переводиться и мне. С 1 октября 1913 года меня назначили в Любунское 2-классное училище, в котором я состою учителем по настоящее время. В Любунском училище служба была прервана в 1915 году, когда я был взят по мобилизации как ратник второго разряда. На военной службе прослужил по 22 декабря 1917 года и как учитель был уволен со службы распоряжением главковерха.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 95. Л. 96-97.

Войтов Федор Николаевич,

учитель Хиславичского двухклассного училища Могилевской губернии

4 июля 1918 года

Я родился в 1889 году 7 ноября в крестьянской семье. В молодые годы отец мой был человек властный и суровый. Суровость его часто чувствовалась на мне: он драл меня чуть ли не за каждый пустяк. Мать, наоборот, была женщина добрая и чувствительная. Из-за меня между ними часто происходили ссоры, иногда довольно крупные: отец бил мать, бросал в «угол» горшки, чашки, ложки и все то, что попадалось ему в это время на глаза.

От природы я был мальчик резвый, живой. Но родители мало мною тешались: отец по суровости своего характера, а мать вечно была занята работами по хозяйству, которое среди местного крестьянства было довольно крупным. Ласк родительских я не видал. Пока жива была бабушка, я находился на ее попечении и заботах. Но старушка бабушка со слабым старческим зрением не могла хорошо присмотреть за мной: я часто копался в грязи, забирался в курятник, разбивал себе лоб, затылок, царапал нос, щеки, падая о землю или о какие-нибудь предметы, один раз даже упал в яму с водой и, конечно, утонул бы, если бы вовремя меня не вытащила женщина-соседка. За недосмотр мать обижалась на бабушку и часто плакала в тайне за свою одинокую жизнь.

Бабушку я очень любил и был привязан к ней больше, чем к родителям. Часто она мне рассказывала сказки о сером волке, о плутовке-лисице и другие. Но вот умерла бабушка. Мне было всего лет пять. Я и сейчас еще помню, как она лежала на скамейке, сложив крестообразно свои холодные руки, а перед нею на столе стоял стакан с водой и стакан с медом. Помню, как мать и отец плакали, помню, как бабушку положили во гроб и понесли из избы куда-то.

Со сверстниками своими я не любил играть. Прежняя резвость моя начала исчезать, и я становился все более и более застенчивым и молчаливым мальчиком. Игрушками и разными развлечениями родные меня не баловали.

Когда мне исполнилось восемь лет, отец начал сам учить меня грамоте, так как школа от нас была в трех верстах и общежития при ней

не было. На базаре в соседнем местечке он купил мне азбуку с картинкой на красной обложке и с другой картинкой на первой странице книги. То-то было у меня радости, когда отец подал мне эту книгу, строго приказав не рвать ее, так как он заплатил за нее десять копеек. Это был от отца мне первый и последний подарок. Мне так понравилась эта книга, что долго потом я не расставался с нею, и когда мне было лет десять, я все еще ее хранил.

Ученье подвигалось довольно быстро, за неделю-две я выучил все буквы и двухбуквенные слоги, а за зиму научился читать целые предложения и маленькие статейки. Счету и письму отец меня не учил. Правда, за обучение счету он брался, но у него из этого ничего не выходило, только научил меня прямому счету до двадцати пяти; писать он сам не умел. На следующий год осенью он отдал меня в соседнюю церковно-приходскую школу. Учитель посадил меня как умеющего читать во вторую группу. Учился я довольно прилежно и через три года окончил школу первым учеником. С первых шагов обучения грамоте я полюбил книгу и старался из нее взять все, что только мог по своему тогдашнему развитию.

В это время мне было лет двенадцать. Я уже сделался небольшим помощником отцу в его сельскохозяйственных работах – пахал, бороновал и исполнял другие посильные мне работы. Мне нравился и этот труд. Видя мою любовь к сельскому труду, отец радовался, год от году ожидая от меня настоящего для себя помощника. Но по каким-то делам отцу часто приходилось встречаться с местным священником и учителем. Они стали ему советовать отдать меня во второклассную школу. Отец сначала не соглашался с ними, говоря, что я старший сын и буду ему скоро хорошим помощником (мне было лет четырнадцать). Наконец им удалось убедить его, что ему гораздо будет выгоднее, если я буду учителем. Нужно заметить, что отец мой был материалист.

В 1903 году я был определен в Пустынскую второклассную церковно-приходскую школу в первый класс. В 1906 году я окончил курс второклассной школы и получил звание учителя школы грамоты. Начинается жизнь вне школьной скамьи. Мне уже семнадцать лет. Родители на меня стали смотреть как на взрослого человека. Предоставили мне право свободно распоряжаться своей волей, своими желаниями. Жизнь моя теперь полна иллюзий: мне грезится школа, где под моим руководством будет расти несколько десятков будущих

граждан; я буду светочем серой, темной деревни, которую я должен буду просветить.

Осенью 1906 года я получил Медведовскую школу грамоты Могилевской губернии. Перехожу к реальной жизни. Школа помещалась в старой маленькой крестьянской избе; не было в ней ни книг, ни классной мебели; не было при ней и квартиры для учителя. Нужно приложить много труда, много энергии, умения найти у общества средств, чтобы придать ей хотя внешний вид школы. Для этого нужно было просветить деревню, чтобы она сама сознала необходимость школы как устроительницы лучшей нашей жизни. К этому высокому поприщу я оказался мало подготовленным; я мог кое-как обучать начальной грамоте, но окультивировать деревню, вывести ее из тьмы я не мог по своему развитию и образованию.

До этого времени я думал, что учителю много не нужно знать; для него достаточно будет, если он знает немного больше ученика начальной школы. Я увидел перед собою трудный, тернистый путь. Теперь я это все осознал, и мне грустно и тяжело стало. Пополнить свои знания самообразованием я не мог, получая 60 рублей в год. Я стал искать выхода из этого кошмарного состояния.

Выход скоро представился. Весною 1907 года я случайно познакомился с одним воспитанником Полоцкой учительской семинарии, Григорьевым. Григорьев сумел просто, без всяких красок обрисовать мне учительскую семинарию, ее заслуги в деле подготовки будущих учителей вообще и в частности воспитания и образования юношества. Из наших бесед с ним я вынес, что учительская семинария гораздо выше стоит второклассных школ. В ней можно именно и пополнить свои недочеты в образовании и воспитании. Долго я не забуду этого друга с доброй душой. Вечная память ему – он спит в земле сырой.

В августе месяце 1907 года я поступил в Полоцкую учительскую семинарию и через четыре года, в 1911 году окончил курс семинарии. В ней я приобрел действительно то, о чем мне говорил в наших беседах Григорьев; я вышел в деревню вполне подготовленным учителем, с полным сознанием важности учительской службы и той среды, в которой ему приходится работать. Педагогический персонал сумел вложить в душу то, что нужно учителю.

С сентября месяца 1911 года я начал работать, но уже сознательно на ниве народного образования – сначала в должности 2-го учителя

Хиславичского 2-классного училища, а через два года в должности заведующего тем же училищем. 1 мая 1915 года, во время войны с австро-германцами, был взят по мобилизации в действующую армию, в которой прослужил почти три года – 9 месяцев нижним чином, а два года офицером. В январе месяце 1918 года как учитель был освобожден от военной службы.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 95. Л. 119-121 об.

Галактионова Марфа Карновна,

учительница Лобковского двухклассного Министерства народного просвещения училища Смоленского уезда Смоленской губернии

18 мая 1918 года

Как приятно вспомнить про место рождения, воспитания. Помню, бывало с утра и до вечера резвишься на свежем воздухе. Все тебе кажется светлым, прекрасным. С детским восторгом весь отдаешься окружающему. Летними сумерками любила деревенскую тишину. Особую прелесть придавало ей грустное пение крестьян, возвращающихся с тяжелой дневной работы.

Но, к великому сожалению, я не могу детство назвать счастливой золотой порой; оно не было мною пережито по-детски. Десяти лет я уже не была ребенком. Лишившись самого близкого существа – матери, я сразу окунулась в жизнь с ее волнениями. Я должна была заботиться не только о себе, но и о тех, кто были младше меня. Лицом к лицу столкнулась со страшным врагом – бедностью, которая неотступно преследует и до сих пор. Особенно сильное желание учиться у меня было именно в это тяжелое время.

Четырнадцати лет, окончивши курс второклассной школы, я стала сама пробивать себе путь. Много терний пришлось встретить на этом пути. Всю силу привязанности от матери я переношу на привязанность к природе. В свободное от работы время я вся отдаюсь ей. Меня вся она привлекает. Живо интересуюсь травкой, ручейком, небом. Целыми часами просиживаю на берегу журчащего ручейка. В то время я вся живу им, отдавшись его дивной оригинальной музыке. Возвращаюсь домой и вместо ласки встречаю душу леденящий холод. К этому времени у меня была мачеха. Она не любила нас, сирот и всем своим существом была против моего дальнейшего образования.

Нечеловеческих сил стоило мне, почти ребенку, преодолеть все препятствия и достигнуть намеченной цели. С детства у меня была мечта быть народной учительницей, и потому я решила поступить в учительскую семинарию. Готовилась одна, иначе говоря «сама себя готовила». Много физических, духовных сил взяла у меня эта подготовка, но труд мой был оплачен, эту же осень я поступила в семинарию на казенное содержание.

Тепло и отрадно почувствовала среди семинарских стен. Повеяло чем-то новым, светлым. Занимаюсь с увлечением. Узнавая все новое и новое, я сама обновляюсь. Прежняя замкнутость, неуверенность исчезают. Новая обстановка, новые молодые, с благородными порывами души друзей пробуждают во мне уснувшую на время жизнерадостность. В этой дружной уютной семинарской семье все жизненные невзгоды переживаются легче, бодрее.

Любя искусство, я все свое время отдаю ему. Живо интересуют меня практические занятия с детьми школьниками. Тот день, когда занималась в образцовой школе, был для меня настоящим праздником. В этот день я перерождалась.

Но светлая семинарская жизнь не лишена была многих тяжелых минут, которые большею частью вызваны были материальной нуждой. Отец для нас сирот стал чужой. Пришлось самой себя одеть, прокормить. Каникулярное время проводила или в семинарии, или в чужой, но неродной семье. Одно могу сказать, что семинарские годы являются лучшим периодом моей жизни, светлым пятном на темном фоне. С глубокой благодарностью всегда скажу искренне русское «спасибо» тем семинарским силам, которые сумели развить любовь к труду – и не только умственному, но и к физическому. Воспитали серьезный правильный взгляд на окружающее. Влили много энергии для трудной, но благородной работы на ниве народной, а главное, семинария сумела дать честных, добросовестных работников для той работы, на которую она нас готовила. Она привила и интерес, и любовь к народной школе.

Я шла учительствовать в народную школу не ради денег, но ради дела шла по призванию. С увлечением занималась три года с этими полудикарями – деревенскими детьми. Все силы отдавала им. Я жила школой. Отрадно было видеть, как на уроке заблестят глазенки у этих милых наивных существ. Привлекает меня и наивность их, соединенная с естественной простотой. Несмотря на все неудобства школьной жизни, я крепко привязалась к ней, полюбила ее всем своим существом. Полюбила тех детей деревни, которые так красивы по своей душе. Их духовный мир бесконечно содержателен, интересен. Бывали минуты какого-то жуткого кошмара. В это время лучшим и верным другом, учителем являлась природа, книга и искусство – скрипка и кисть.

Годы учительства были для меня слишком тяжелы. Мне пришлось содержать младшую сестру. Вывела ее на дорогу и теперь со спокой-

ной совестью могу продолжать образование. Хотя снова встает вопрос: «А хлеб насущный», помочь ведь некому. Но жажда знания сильнее, она затемняет все остальные вопросы. В последнее время чувствую, что нужно запастись большими знаниями, получить много нового, свежего, чтобы работа была более продуктивной, а потом снова возвратиться для трудной работы на ниве народной. Предвижу, что и годы учения в институте будут тяжелы для меня. Придется голодать. Единственным утешением является то, что, быть может, получу казенное содержание, стипендию.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 95. Л. 168-169 об.

Герасимов Евдоким Козьмич,

преподаватель школы для взрослых при Народном доме Союза кооперативов Брянского районо и районных комитетов г. Брянска

24 июля 1918 года

Я родился 30 июля 1893 года в селе Овстюг Орловской губернии Брянского уезда в крестьянской семье. С самого раннего детства воспитание мое было передано в руки деревни. В 1901 году родители определили меня учиться в Овстугское 2-классное М[инистерства] н[ародного] п[росвещения] училище, каковое я и окончил в 1907 году. Как лучший ученик я был оставлен педагогическим советом при указанном училище казенным стипендиатом с целью направить меня в одну из учительских семинарий. С этого момента я решил посвятить себя педагогической деятельности. Пробыв два года стипендиатом при Овстугском 2-классном училище, я в 1909 году поступаю в Карачевскую 4-классную учительскую семинарию, которую кончаю в 1913 году.

Еще будучи воспитанником семинарии, у меня зародилась мысль во что бы то ни стало поступить в учительский институт. Сейчас же, по выходу из семинарии, эту мысль я как казеннокоштный воспитанник семинарии, обязанный прослужить в должности учителя начального училища не менее 2-х лет, осуществить не мог.

В 1913 году в сентябре месяце я был назначен учителем в Дятьковское 2-классное М[инистерства] н[ародного] п[росвещения] училище Брянского уезда. Состоя учителем названного училища и усиленно готовясь к конкурсному экзамену, я бесповоротно решил поступить в учительский институт в августе месяце 1915 года. Опять преграда – 20 мая 1915 года я был забран на действительную военную службу, где пришлось увидеть все прелести окопной жизни. Мысль моя об институте, таким образом, повисла в воздухе на неопределенное время.

В 1917 году 14 декабря приказом по военному ведомству № 53 с военной службы я был освобожден. Возвратясь на родину, я оказался без всякой должности. Учительское мое место в Дятьковском училище, как учителя, взятого на действительную военную службу, было занято штатным учителем. Других вакантных мест во всем Брянском уезде не было. Тогда я по приглашению школьной секции поступаю препо-

давателем в школу для взрослых, организованную при Народном доме Союза кооперативов Брянского районо и районных комитетов г. Брянска, каковым и состою до настоящего времени. В нынешнем году решил выполнить давно лелеянную мною мысль – поступить в учительский институт.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 95. Л. 178-178 об.

Горавнев Георгий Логинович,

заведующий-учитель Балтутинского двухклассного училища
Ельнинского уезда Смоленской губернии

10 августа 1917 года

На большой проселочной дороге, связывающей два губернских города – Смоленск и Могилев, в одном из отдаленных углов Краснинского уезда раскинулось на возвышенных берегах реки большое село Досугово – моя родина. Центральное положение села между двумя торговыми городами дало ему возможность сосредоточить место сбыта продуктов и меновой торговли. Свежо в памяти, как мы – крестьянские мальчики – выбегали гурьбой посмотреть и подивиться на стадо украинских коров или волов, перегоняемых со «степи» местными обывателями в Смоленскую губернию, и как на волу или корове ехал верхом старик-погонщик. Оттуда же шли табунами степные лошади, которые заводились и у нас в селе почти у каждого домохозяина; едучи верхом с пастбища, мы забавлялись их быстротою бега, догоняя и перегоняя друг друга. Из Малороссии везли табак, хлеб и прочие дешевые продукты, которые так быстро расходились в Смоленской губернии. Для склада хлеба, сала, пеньки, льна, лыка и проч[его] в селе стояли на площади амбары, и тут еженедельно шли базары, а кроме этого в году было четыре ярмарки. Крестьяне богатели, заводили приличные для деревни постройки и хозяйства и в то же время заботились об образовании.

Почти с самого начала раскрепощения народа в селе открылись две школы: одна мужская двухклассная и другая земская одноклассная для девочек. Образование требовалось преимущественно из-за коммерческих целей и для извлечения материальной выгоды: молодежь больше уходила в «Питер на легкие заработки», но многие пробивали дорогу к науке и потом делались рассадниками просвещения своих братьев-крестьян. Учились ради света и более надежного обеспечения жизни. Таким образом, родовое село, как центральный пункт значительного района, дало толчок новому движению народа, и из родной школы немало сот молодежи пошло искать света истины, сознавая, что свет не угаснет, а слава и богатство скоропроходящи.

Действительно, величие, богатство, торговля и временное значение родного села рухнули после неоднократных в селе пожаров с 1892

по 1894 год включительно, которые происходили от намеренных поджогов. В огне погибли деньги, скот и ценное имущество, и торговля перешла всецело в руки евреев соседних местечек. От былого величия села остались только воспоминания, и все сельчане уравнялись по положению, лишь на долгие годы остались нищета, потом и кровью добываемый кусок хлеба. Вот когда проявились лучшие качества русского крестьянина: из богатого и, кажется, избалованного и заносчивого он стал терпелив, трудолюбив и скромен – это было им впитано с молоком и кровью. Той же участи нищеты подверглась и наша семья.

Все эти картины родного бедствия я видел, слышал и чувствовал, но не помню, как я воспринимал и переживал их своей детской душой, когда мне было всего около десяти лет. Моей самой главной заботой было только вывести из загоревшегося сразу дома младших моих двух братьев и сестру и спрятать от бушевавшего огня в надежное место, так как на мне лежала вся забота о них, а родители были далеко на полевых работах (пожары были летом). Об имуществе и ценностях мы не могли заботиться, да и что мы – дети могли спасти? Вечером пришедшие родители отыскали нас спрятавшихся от огня в кустах орешника и проч[их] зарослях во рву нашей усадьбы. К ночи был устроен нами сообща шалаш, в котором и жили все лето до глубокой осени; тут же около шалаша на огороде ночевал и домашний скот. В последующее время неоднократных поджогов, освоившись с разрушительной стихией, я уже помогал спасать уцелевшее имущество и воображал, что много приношу пользы. Уже равнодушней смотрел на разрушение добытого потом и кровью богатства, без особого содрогания слышал слезы и вопль, видел скорбь и отчаяние, и… ужас рассвирепевшего народа в самосуде над поджигателями. За время пережитых в течение трех лет тяжелых бедствий я переродился из ребенка в юношу; забыты были – игры, увеселения и беззаботная беспечность и свобода – настало время труда и лишений.

Двое нас старших братьев со старшей сестрой вместе с родителями немало потрудились [чтобы] обзавестись на старом пепелище, и с нечеловеческим терпением вышли победителями от голодной смерти. Мы, старшие (старшему брату было лет около 15-ти), с родителями были вечно почти в поле, а двое младших с маленькой сестрой управлялись по «дому» и ухаживали за скотом. Так, оставшись после пожара почти без копейки и без корма и хлеба, к октябрю устроили себе хату,

и за три года упорной борьбы мы создали приличный дом и хозяйство, и не были уже без куска хлеба. Мы, дети, ясно понимали то отрадное чувство и сознание родителей, что семья, не прося ни у кого помощи, не погибла, и что теперь мы имеем часто праздничный отдых. Ни разу мы не видели у родителей уныния и отчаяния, но всегда они были в работе впереди нас, а мы, как муравьи, надрываясь слабыми силами, без всяких понуканий копошились вместе с ними. Не было среди нашей семьи ссор, не слышали скверной ругани: нас любили, но не баловали, и мы отвечали родителям любовью и уважением, и эта взаимная любовь и нас, детей, связала крепко, что не только не было между нами драки, но не позволяли даже детской ругани друг с другом.

Учились мы все в местной школе, которая находилась вблизи дома, и в то же время младшие поучались и руководились старшими; но старший брат должен был принести жертву семье: окончив двухклассную школу, он стал помощником родителям и, несмотря на уговоры и увещания учителей, не пошел «дальше» – дорога предоставлена была меньшим братьям.

Слишком много я пережил, отправляясь после школы в семинарию: я был бесконечно счастлив и рад этому движению и в то же время страшно боялся срезаться и не поступить или же не получить казенной стипендии: родители не могли содержать меня на свой счет. Чувство подобной боязни за себя еще больше усилилось во мне, когда я увидел большое количество жаждущих поступить и сравнил себя – деревенского юношу – со многими из них развитыми и богатыми, городскими и бывалыми.

Провидение предопределило мою судьбу, родители плакали от радости, читая мое письмо, где я писал о том счастье, что я в стенах семинарии и учусь на казенный счет. Ученье в семинарии шло счастливо и покойно; никогда не омрачалось двойками в «четвертях»; иногда только являлось сожаление в юношеской голове, что я беден и мало получаю от родителей поддержки – рублей до 10-ти в год на свои нужды. Но подобные мысли живо вытеснялись из головы юношескими увлечениями, суждениями, спорами, уроками и некоторыми развлечениями: общественная жизнь учащихся выживала всякую ипохондрию и рисовала в будущем самостоятельную красочную жизнь.

Я был счастлив и благодарен родителям, что при всех трудах и лишениях их получал и такую поддержку и платил им за это любовью

и физическим трудом на каникулах. Эту помощь я вливал в семейство всегда и после окончания семинарии, ставши учителем, потому, что особенно любил труд и еще потому, что, получая 15 руб[лей] ежемесячно жалованье в течение пяти лет, не мог помогать ничем материально. Я жил всецело для семьи и в интересах поднятия благосостояния родного дома.

О дальнейшем образовании, несмотря на прежние мечты, нечего было думать, так как считал себя не вправе не отдать все необходимое семье, от которой получил возможность жить более состоятельно и независимо, чем живет она (семья). Все печали, горести и радости каждого семьянина нами переживались всеми, и не было между нами деления и обособленности, но каждый из нас стремился к общему благосостоянию. Не помню, чтобы мы, дети, подвергались особым выговорам или наставлениям со стороны родителей, так как мы инстинктивно чувствовали с самого детства, что худо и хорошо, и стремились не доставлять огорчений. При наших проступках нас всегда оправдывала, выгораживала и защищала пред отцом миролюбивая и любвеобильная к нам мать.

Женитьба нас троих братьев несколько отдалила нас друг от друга, но не разъединила. Общим долголетним трудом и мирной жизнью семьи мы добились, наконец, безбедного существования, но наступившая война прекратила все культурные начинания в ведении хуторского хозяйства. Все мы, четверо братьев, призваны были защищать родину, и к тому же был забран весь лучший скот. Хозяйство, оставшись с такими слабыми силами, как престарелые родители и женщины, опускалось все ниже и ниже и отметилось уже нынче неурожаем. Но культура, пустившая здоровые корни, не погибнет, лишь бы братья возвратились не искалеченными. Жизнь крестьянина-землероба, не извращенная фабричной и городской «цивилизацией», слишком поучительна и цельна и дает здоровое направление и выросшим в ней.

Служение народу и для народа было нашим девизом по выходе из семинарии, и бесчисленная рать тружеников народных творила в тишине свое дело, отдавая свои силы тем, откуда вышла, не придавала особенного значения тесным условиям жизни и тому, что всех их держали в черном теле. Велика была моя радость, когда я со скамьи ученической вступил на самостоятельную дорогу учительства и получил возможность выполнять все идеи и задачи юношества. Ученики

составляли всю заботу и попечение: для них и из-за них проводил часто ночи без сна, чтобы вложить ясней им в головы всю полученную мудрость и науку, доступную их уму, и развить и возвысить их в собственной среде. Много приложено энергии привлечь их в школу и заставить лучше относиться к обязанностям ученика – и много в увлечениях было сделано ошибок. Учились и исправлялись друг у друга, и сама жизнь учила по-своему. Сталкиваясь с некоторыми препятствиями, не желая насилия, сворачиваешь подобно огражденной реке в сторону, но выполняешь неуклонно свое дело. Поэтому и мне, как вообще учителю-кочевнику, приходилось менять местности и школы, но везде я видел одинаково ту массу ребят народных, жаждущих знания и пользы. Везде входил в их интересы и видел в каждом из них материал для отделки будущего человека и полезного гражданина отечества. Стремился к созданию лучших для них условий школьной жизни, беречь их копейки и тратить с пользой для них. Получая жалкие гроши на годичное содержание школы в течение многих лет заведывания, старался первым делом поставить школу возможно чище и опрятнее и обеспечить учеников книгами и принадлежностями.

Живя всегда почти скудно на получаемое жалованье, стараешься, возможно чаще вращаться в учительском обществе, и среди них учишься лучшей постановке школы и более правильному ведению хозяйства, мизерные сбережения уходят на книги и разъезды. Читаешь все, что попадается под руки: газеты, книги, журналы, читаешь бессистемно и урывками. За литературой следить некогда, да и нельзя: почти целый день уроки и тетради, ежедневные просители и работа за всех и забота о школьном благосостоянии, а главное – полное отсутствие школьных библиотек и периодических изданий и к тому же собственная скудность содержания. А сколько волнуешься, печалишься и радуешься, словом, переживаешь за одни только экзамены? Не думаешь так о своих детях, как о чужих. И большинство учащих в заботах о детях народа не успевает создать собственной личной жизни и погибает, уступая дорогу другим борцам и двигателям. Сберегая народные деньги и живя только для народа, учитель всю жизнь остается полунищим и живет обыденной скудной будничной серой жизнью – в город ездит только по делам школы, а не для развлечения и собственного духовного развития.

Чтобы иметь возможность лучше жить, я должен был или остаться на всю жизнь одиноким, или жениться на учительнице, и решился пред-

принять последнее. Обеспечить себя насущным хлебом, поддержать свой авторитет в глазах местных обывателей и общества и не удаляться от «общества» – заставляет семейного учителя работать рука об руку с женой, хотя, к сожалению, эта совместная работа непосильна и гибельна для жены учителя: быть учительницей, матерью и воспитательницей своих детей, хозяйкой, портнихой и «наставницей» многих – все это слишком много для ее слабых сил.

Между тем, все в мире совершенствуется и прогрессируется. Вчерашнее проходит безвозвратно, уступая новому течению и новому требованию, и прежние рамки не могут вместить этих задач и требований. Все неудержимо стремится вперед, а человек должен еще больше прогрессироваться, и светочу народа – учителю надлежит занять подобающее место и совершенствоваться вперед всех.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 87. Л. 28-31 об.

Гудилина Анисья Нестеровна,

учительница Светловской школы Краснинского уезда Смоленской губернии

3 июля 1918 года

История моей жизни сложна и грустна. Постараюсь изложить как можно короче и светлее. Родилась я в одной из живописных, но темных деревень Смоленской губернии Краснинского уезда. С самых ранних лет, сколько я там жила, природа не лишила меня всевозможных поэтических приключений, которые связаны с деревенской жизнью. Жила в многочисленной семье со множеством детей. При исполнении семи лет нас троих, почти равных отдали в школу, считая, что спокойнее будет дома, а к тому же те «шустрые» чему-нибудь и научатся. Вот здесь уже начинается трагизм жизни. Как девочки мы скорее свыклись с казармой, где за поворот на уроке в сторону попадало по лбу квадратом, и наш товарищ Влас не мог переродиться.

До окончания школы отец умер, завещав мне труд и учение. Предсмертные слова отца, его смерть так повлияли на меня, что я стала часто задумываться над окружающей жизнью, найти в ней применение отцовских слов. Приглянулось мне и учение, начала фантазия уносить в неведомые школы с иной жизнью и людьми. К великому моему счастью, а в конце и разочарованию, я однажды, сидя на яблони, подслушала разговор братьев с мамой о том, что за малостью земли, с которой и теперь трудно прокормиться, детей нужно направить по другим путям, но только не в школу высшую, где на них нужно положить, а туда, где бы они сами могли прожить.

По настоянию же нашей учительницы нас двоих отдали в двухклассную школу в Красный. Постоянные оскорбления школьниц-мещанок, унизительное отношение квартирной хозяйки, у которой мы были слугою, напоминания семьи о своей ошибке и что они могут сегодня-завтра из школы отдать нас в мастерские, в няньки и т. д., порванность связей с подругами и товарищами детства и материальная скудность – все это только укрепляло в вере, что мы кончим школу во что бы то ни стало.

За два года кончили двухклассную; умерла моя мать. Вести же свою тактику решила до конца. Пользуясь настроением сочувствия после похорон, я тайком взрослым братьям сказала: «дайте, одолжите денег поехать на экзамен». В складчину дали шесть рублей, и с этим впер-

вые сели с восторгом в вагон и поехали в Оршу. До глубины души мы был убиты, когда племянницу по медицине не допустили до экзамена, но потом и она держала экзамен, но только в другой семинарии.

Первые годы в семинарии я была замкнутая, плаксивая, с расширением же кругозора мой недуг постепенно исчезал. Общность интересов, одинаковое положение создавал особый ученический кружок, который, устраивая беседы, музыкальные вечера, воспитывал в то же время своих членов. Планам и мечтам не было конца.

По окончании семинарии, сейчас же после акта, отправилась в Москву на летние поэтические курсы, заехав попутно к своим повидаться. Те были удивлены такому решению. Подъезжая к Москве, грудь разрывалась от приближения мечтавшихся впечатлений. Вот я уже в ней. Вся Московская Русь – история, литература, все, что связано тончайшими звеньями с ней, всплыло передо мной. К тому государственный переворот, политика так увлекли, что со слезами на глазах должна была оставить сердце России.

Дальше судьба забросила в первый год открывшуюся школу. Для того чтоб не быть мучительницей, чтоб дать всему окружающему в жизни, в школе долю должного, я решила искать и пополнять свой ничтожный багаж знаний.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 95. Л. 129, 129 об.

Дорофеев Иван Филлипович,

крестьянин Ельнинского уезда Смоленской губернии

28 июля 1916 года

Я родился [20 января 1896 г.] в маленьком железнодорожном посаде близ города Брянска. О годах раннего детства я смутно помню, за исключением разве выдающихся моментов. Впрочем, нельзя уверенно сказать на самом ли деле я сам их помню или же знаю о них по рассказам родителей. Ясно я начинаю себя помнить лет пяти-шести. Родители, занятые воспитанием старших братьев, мало обращали на меня внимания до школьного возраста; я рос и развивался предоставленный самому себе.

Как житель города, где сознание о необходимости школьного воспитания проникло во все классы, я не мог остаться без образования, хотя бы начального. Для этого меня на девятом году определили в местное двухклассное училище. Много неизгладимых впечатлений оставили по себе первые шаги. Остальное время пребывания в школе, за немногими исключениями, было слишком однообразно, так что теперь, вспоминая те годы учения, представляешь их каким-то пространством, резко ограниченным – с одной стороны, поступлением в школу, а с другой – выходом из нее.

По окончании училища на семейном совете решено было, что мне необходимо учиться далее. Но где? За отсутствием материальных средств невозможно было поступить в гимназию или в другое среднее учебное заведение, и меня решили определить пока, как говорил отец, в городское училище. После некоторых формальностей в проверке знаний меня приняли в третий класс.

Пробыл я в училище два года. За это время я много почерпнул полезного, особенно потому, что я, имея свободное время, пристрастился к чтению книг. По окончании отцу решительно предстояло позаботиться о моей будущности. Материальное положение его ухудшилось. О поездке учиться в другой город не было и речи, и мне пришлось поступить на педагогические курсы.

Трудно сначала было учиться: занятия два раза в день утомляли меня. Другая постановка преподавания, взгляд учителей на нас как на людей взрослых, сознание важности подготовки – все заставля-

ло заниматься делом серьезнее. Время учения на курсах я считаю самым продуктивным в смысле приобретения знаний и общего развития. Да и развлечения были гораздо разумнее. Организация спектаклей, литературных вечеров навсегда останутся самыми светлыми воспоминаниями.

На втором курсе, благодаря практическим занятиям, я уже ближе стоял к будущей деятельности. Эти занятия реально переносили в ту обстановку, среди которой в будущем предстояло работать.

Не зная деревни, не испытав тех исключительных условий быта народного учителя, я представлял картину его жизни не такой, какова она есть на самом деле. Меня назначили по окончании курсов в одну из школ нашего уезда. Когда я очутился среди учеников в роли педагога, когда попал в школьную обстановку, столкнулся с отрицательными условиями быта, я стал часто задумываться над своей деятельностью и насколько последняя меня удовлетворяет. Знакомство с другого рода службами, частые разговоры на эту тему с товарищами как-то невольно наталкивали на сравнение преимуществ того или другого рода занятий. Но как не вески были доказательства товарищей, как заманчиво не рисовали они свою будущность, я ни за что не хотел согласиться с ними и упорно стоял на своем. Сознание того, что я приношу пользу, являясь насадителем знаний, невольно вносили в душу внутреннее удовлетворение. И вот, сделавшись учителем совершенно случайно, я думаю навсегда остаться им.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 112. Л. 180-181.

Евфименков Тимофей Трофимович,

учитель Высоцкого училища Кохоновской волости
Оршанского района,
родившийся 21 января 1892 года

23 июля 1918 года

Новая Земля[1] – так зовется моя родная деревня. Местоположением своим не блистает она: стоит на полуострове средь болот и лишь в одном восточном направлении имеет сообщение с материком узкой полосой суши. Стоит вдали от города, местечка, даже вдали от большой проселочной дороги. И редко кто в прежние годы заглядывал в Новую Землю. Казалось, что стоит она за гранью обитаемости. Интересы ее не выходили из того болота, которым она окружена. Это поистине «Новая Земля», а я бы назвал ее «глухие дебри Новой Земли».

Такова была среда, в которой я провел свое детство. В описываемое время у нас и школы не было. Первые уроки книжной мудрости я воспринял от своего отца, который и сам-то знал один лишь алфавит русских букв. Он рисовал мне углем где-либо на стене букву, я ее перерисовывал на древесную кору и носился с ней потом, как с книгой, до тех пор, пока не выучивал или пока она мне не надоедала. Так был пройден весь алфавит, и я стал «грамотным».

К счастью моему, вскоре в наши «дебри» проник луч света – открылась школа. Я, конечно, не заставил себя долго ждать и немедленно сделался ее питомцем. По прошествии трех лет я уже имел свидетельство об окончании в ней курса. Я был велик в своих собственных глазах. Мне казалось, что я все уже знаю и все ведаю. Однако самоудовлетворение мое было слишком кратковременно. Верстах в 10 в селе Ольше была второклассная школа, в ней тоже чему-то учили. Мне захотелось постичь и ее премудрость. Осенью я сделался учеником второклассной учительской школы. Здесь для меня открылся мир совсем в ином свете. Я увидел, что я ничего не знаю, что мне еще учиться, учиться и учиться без конца. С пылом молодой души я взялся за книги, а их-то здесь было предостаточно, хоть и религиозно-нравственного содержания.

---

[1] Новая Земля – деревня в Ново-Тухинской волости Оршанского у. Могилевской губ.

Литература ли, а может быть, и само происхождение пробудили во мне любовь к нашему темному и забитому мужику. Родилось горячее желание помочь ему выбраться из этой кромешной тьмы вековой на светлую дорогу. Трехлетнее пребывание во второклассной школе дало мне звание учителя школы грамотности. Пред мной открылась дорога в мир испитых и изможденных пахарей, в мир мозолистых и работой окровавленных рук. Но идти по этой дороге я не решался, чувствуя себя еще слабо подготовленным. Меня тянуло в учительскую семинарию, где и знаний из педагогического опыта дается больше.

В погоне за знаниями я решил ехать в Рогачев (верстах в 250 от дома), где только открылась учительская семинария. Для поездки нужны были и средства, коих у меня не было, да и из дома взять не с чего было. В дни свободы от домашних работ я ходил наймитом к помещику на работы: чинил дороги, рубил в лесу просеки, убирал древесные сучья и так далее, получая по 45 копеек поденной платы. Из этих крох ко дню поездки на экзамен у меня оказалось около 5 рублей. В назначенный день я отправился в путь-дороженьку, имея при себе свой капитал. Средствами, как видно, располагать не приходилось, а потому и ехать пришлось где на крыше вагона, где под «лавочкой», а то и просто на подножке. Всяко было, но в Рогачев я попал. Туда же собралось нас, жаждущих знания, 490 человек.

Начались экзамены. Целыми сотнями отправляли нас домой, выбрасывая как ненужный хлам за стены семинарии. Горькое то время было. И хочется учиться, да не дают.

Целую неделю ждал и я своей очереди. Днем находился в экзаменационном зале, а ночь проводил на скамейке в городском саду. Капитал-то мой был уж слишком ограничен и роскоши не позволял. Приходилось жить по средствам. Экзамены кончились, и каково было мое удивление и радость, когда была прочтена моя фамилия в числе избранных. Мне дали стипендию. Я стал семинаристом.

Блаженное то время было: книги, товарищи, друзья-преподаватели. Как сон четыре года промчались быстро, незаметно. Кажется, не успел и оглянуться еще, а уже и весна 1913 года, год выпуска. Я получил звание народного учителя. С затаенной, но давно лелеянной мечтой «поработать на ниве народной», полный сил, с запасом знаний я отправился в деревню сеять семена истины, добра и красоты. Но недолго пришлось мне быть на этом столь почетном и ответственном посту. Всего лишь

два года. Вспыхнула война, и я, как и многие другие, очутился в окопах в роли борца за дорогое Отечество, за братьев мужиков, за интересы России. Вскоре был командирован в офицерскую школу и получил звание офицера, произведенный потом за боевые отличия в чин капитана.

Почти три года я доблестно носил имя воина и добросовестно исполнял свой гражданский долг. В начале января текущего года учитель был демобилизован. Возвратившись в Новую Землю, меня опять потянуло к свету, свету и свету.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 112. Л. 415-416.

Жирикова Ольга Александровна,

учительница 2-го начального Смоленского городского училища

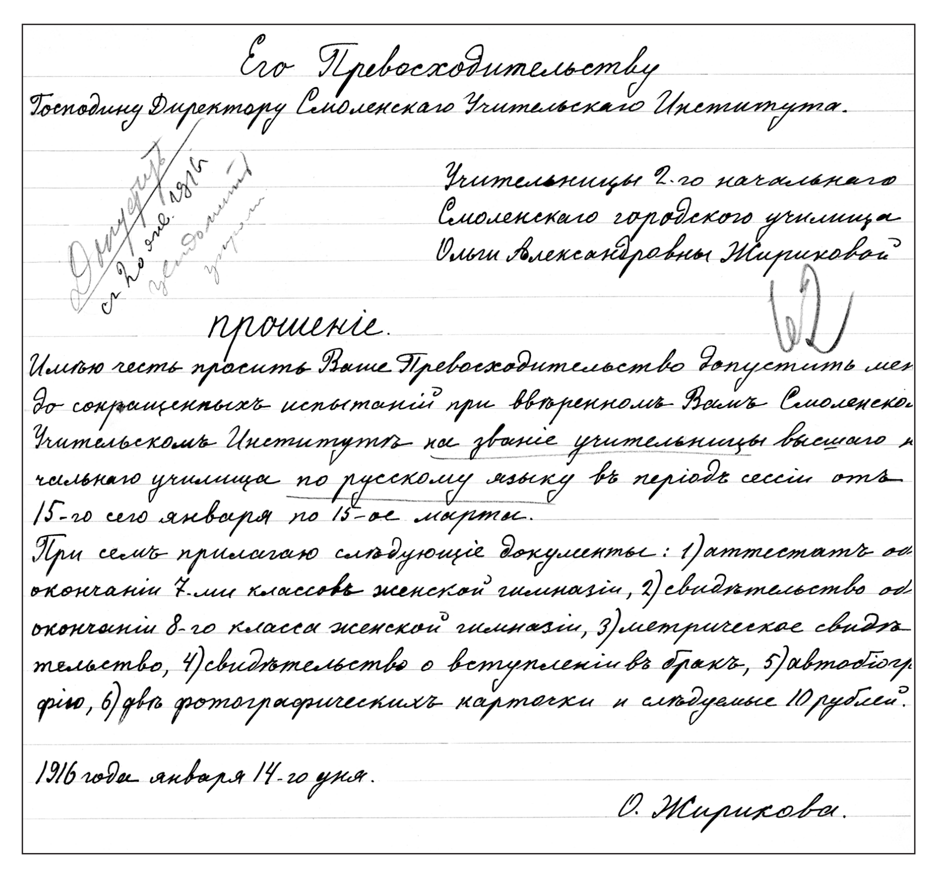
14 января 1916 года

Я родилась в 1894 году 1 июля. Отец мой был сельский учитель, а мать – фельдшерица. Кроме меня была еще старшая сестра от первого брака матери. Помнить себя я начала очень поздно, так что о своем раннем детстве знаю только по рассказам старших. Говорят, я была любимицей отца, и он очень заботился о моем воспитании. Но, к сожалению, он умер, когда мне исполнилось только десять лет. К этому времени у меня было еще два брата. Тогда мы жили уже в Поречском уездном городе Смоленской губернии. Мать одна работала на всех нас. Она с утра уходила в больницу и оставляла нас с кухаркой. Часа в три она возвращалась из больницы усталая, разбитая, так что мы почти весь день были предоставлены самим себе. Я очень рано научилась читать, страстно полюбила чтение и после смерти отца, когда некому было следить за подбором книг, читала все, без разбору.

Еще при жизни отца меня отдали в подготовительный класс гимназии. Учение мне давалось легко, и я шла все время первой ученицей. У меня было много подруг, так как я была общительной девочкой; дома же мне не с кем было играть: старшая сестра училась в гимназии в Смоленске, с братьями же я играть не любила. Часто я с подругами затевала игру «в класс», и меня всегда выбирали учительницей. У меня, говорили, «хорошо выходит».

Вообще педагогические наклонности рано начали замечаться во мне. Будучи в четвертом классе гимназии, я добровольно взялась помочь одной из подруг в занятиях по истории, которая ей не давалась. Я относилась к этой своей обязанности настолько серьезно, что подруге вначале это даже не понравилось, но потом она была мне благодарна, а я чувствовала себя удовлетворенной, видя, что у нее успехи по истории стали заметные.

С пятого класса я уже начала давать частные уроки за плату от 3-5 рублей в месяц. Эти деньги я считала своим долгом отдавать матери, которая все еще работала. Я в это время много читала и любила рассуждать о важных материях. Но в 15 лет, когда я была в шестом классе гимназии, во мне произошла какая-то перемена: мне хотелось


Его Превосходительству
Господину Директору Смоленскаго Учительскаго Института.

Допустить с 20 янв. 1916

Учительницы 2-го начальнаго
Смоленскаго городского училища
Ольги Александровны Жириковой

62

прошеніе.

Имѣю честь просить Ваше Превосходительство допустить мен до сокращенныхъ испытаній при ввѣренномъ Вамъ Смоленско Учительскомъ Институтѣ на званіе учительницы высшаго н чальнаго училища по русскому языку въ періодъ сессіи отъ 15-го сего января по 15-ое марта.
При семъ прилагаю слѣдующіе документы: 1) аттестатъ об окончаніи 7-ми классовъ женской гимназіи, 2) свидѣтельство об окончаніи 8-го класса женской гимназіи, 3) метрическое свидѣтельство, 4) свидѣтельство о вступленіи въ бракъ, 5) автобіогр фію, 6) двѣ фотографическихъ карточки и слѣдуемые 10 рублей.

1916 года января 14-го дня.

О. Жирикова.

Прошение О.А. Жириковой о прохождении краткого курса обучения в Смоленском учительском институте

веселиться, гимназические интересы стали на задний план, учение пошло хуже. К экзаменам я опять подтянулась и сдала их, как и раньше, отлично. Но на следующий год у меня опять не было ни малейшего желания заниматься.

Я лелеяла мечту ехать на курсы и в то же время знала, что эта мечта несбыточна, что мне после окончания гимназии сейчас же надо приниматься за труд, чтобы помочь матери. Старшая сестра уже учительствовала в это время, но ее помощи было не достаточно: братья росли, их надо было учить, жить становилось все труднее. И вот это

сознание, что мне закрыт желанный путь, пагубно действовало на меня. Окончила я гимназию с серебряной медалью, хотя легко мне было получить золотую.

Восьмой класс я оканчивала уже в Смоленске, мы все переехали туда, так как оба брата поступили в гимназию. Мать к этому времени оставила по болезни службу, и мы жили на жалованье сестры, которая в Смоленске же и учительствовала. Вскоре я нашла себе уроки, для своих же занятий могла уделять очень мало времени. Своей специальностью в восьмом классе я взяла русский язык и математику. Преподавание было поставлено хорошо, и русский язык меня интересовал в особенности.

По счастливой случайности в первый же год после окончания восьмого класса я получила место городской учительницы. Хотя восьмой класс и называется педагогическим, но меня он совершенно не подготовил к той деятельности, и я чувствовала себя как в темном незнакомом лесу. Мне очень помогла наша заведующая многими практическими советами и указанием методик. Но все же весь первый год я терялась и не представляла себе ни средств, ни целей в деле воспитания.



Здание Поречской женской гимназии

В следующем году уже немного смелее разбиралась в различных педагогических вопросах. Но на третий год, когда у меня было первое отделение, я опять чувствовала себя неустойчиво: надо было руководить первыми шагами детей, и здесь возникла масса сомнений, несмотря на то, что летом я приблизительно продумала и наметила себе, что делать.

Еще в тот год, когда у меня был выпуск, я ясно увидела, как много недостатков в моем преподавании и как вообще много надо знать, чтобы по праву называться учительницей. «Надо учиться и учиться», – думала я. Но куда идти? Меня связывало материальное положение нашей семьи.

В это время в Смоленске открылся учительский институт, и один из его воспитанников, который впоследствии стал моим мужем, натолкнул меня на мысль готовиться и держать экзамен на звание учительницы высшего начального училища. Меня привлекала эта мысль, так как в высшем начальном училище я могла бы избрать для преподавания свой любимый предмет, в котором и специализировалась бы. Там не пришлось бы так разбрасываться, как это приходится делать в нашем начальном училище. И вот, наконец, я серьезно стала готовиться и теперь попытаюсь держать экзамен при Смоленском учительском институте.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 70. Л. 63, 63 об., 68, 68 об.

Зезюлинский Александр Федорович,

учитель Волочковской двухклассной учительской школы
Дорогобужского уезда Смоленской губернии

28 декабря 1916 год

Мне кажется, в жизни большинства людей бывает такое событие, которое делит ее на две, мало похожих одна на другую, половины. В моей жизни таким событием было поступление в духовное училище, и яркий безоблачный день 23 августа 1891 года, когда отец вез меня в ученье, был для меня и мрачен, и печален. Своим детским сердцем



Александр Федорович Зезюлинский

я предчувствовал, что впереди меня ждет много огорчений и что радости незабвенного детства остались там, на родине.

Ах, детство, детство! Как много пленительных воспоминаний оставило оно! Иногда и теперь внезапно и назойливо откуда-то из душевной глубины выплывают в мое сознание такие впечатления невозвратного прошлого, с которыми, кажется, никогда и не расстался бы, но они, заполнив на некоторое время сознание и, вероятно, почувствовав, что я уже не тот 9-10-летний мальчуган, у которого частенько рвались рубашки от лазанья на самые верхушки деревьев, как-то незаметно куда-то, но очень-таки в глубину моей души, деликатно отходят и мирно там располагаются, послав моему недетскому «я» свой привет в виде какой-то приятной истомы и тихого, легкого вдоха.

Родился я в 1879 году [1 мая] в селе Ковали Рославльского уезда. Здесь мой отец тогда 52 лет был священником. Жили мои родители очень небогато. Приход у отца, правда, был большой, но отец никогда не назначал платы за требы, а брал сколько дают. А так как простолюдин склонен низко ценить труд священника, то, конечно, эти даяния не были обильны. Не имея возможности за недостатком средств дать своим детям хорошего светского образования, родители мои воспитывали нас в духовной школе, которая в то время во многом напоминала бурсу Помяловского[1].

Мои детские годы до поступления в духовное училище протекли в родном селе. Как последний в семье, я пользовался значительной свободой и большую половину дня проводил на улице в играх со сверстниками. Помню игры в мяч, кегли, катания в лодках по реке летом, а зимой с гор на «козах» и ледянках, особенно были интересны военные игры. Напоминая во многом потешные игры Петра,

[1] Помяловский Николай Герасимович (1835, С.-Петербург – 1863, С.-Петербург) – русский писатель, прозаик, автор реалистических повестей. В 1862-1863 гг. в журналах «Время» и «Современник» было опубликовано 4 части произведения «Очерки бурсы», 5-я часть незавершенная, вышла после смерти Н.Г. Помяловского. В очерках рассказано о жизни учеников бурсы, их шалостях и хулиганских выходках, ссорах и веселье, невыполненных уроках и строгих учителях. Автор остро поставил проблему воспитания, с большим критическим пафосом заклеймил бездушие, применение телесных наказаний, консерватизм – черты, характерные не только для духовных учебных заведений, но и для всей русской жизни в условиях самодержавия.

они отличались от последних только местом. Мы так же, как и потешные, строили крепости, делали насыпи, забирались во рвы, ходили на приступы, разыгрывая все перипетии боя. У нас, участников игры, была и своя военная форма: на плечах из цветной бумаги погоны, на голове каски-треуголки. Кроме игр, были у меня и другого рода развлечения, как-то: хождение за ягодами и орехами, которых в то время много росло в родных лесах. Не уклонялся я и от сельских работ, принимая деятельное участие в уборке сена и хлеба.

Когда мне исполнилось семь лет, я принялся за книжную мудрость, причем отец, занятый поездками по приходу и селам как благочинный, и мать, обремененная хозяйством, не могли уделять много времени на обучение меня грамоте, и я не преувеличу, если скажу, что выучился читать почти самостоятельно. Помню, у нас в доме на стене висел большой картон с напечатанными на нем крупным шрифтом буквами. И вот, обычно во время вечернего чая, когда родители были свободны от житейских хлопот, я подходил к картону и, указывая одну из букв, спрашивал ее название. Мне называли – я запоминал. Таким путем я очень скоро выучил весь алфавит и приступил к чтению. Обучение письму велось еще примитивнее. Обычно после обеда я усаживался за урок чистописания. Урок состоял в том, что я обводил чернилами написанное в тетради карандашом. Много таких тетрадей я исписал, а результат получился плохой. Впоследствии, уже состоя учителем, я, чтобы исправить свой почерк, брал заочно уроки письма у одного из московских каллиграфов. Но, вероятно, потому, что уроки были заочные, мой почерк мало улучшился.

Когда я достиг некоторого совершенства в чтении по слогам, мне дали священную историю, богато иллюстрированную. Эту книгу я прочел много раз и усвоил ее отлично. Кроме этого, обязательного чтения, я в детстве прочитал много и других книг разного содержания. Конечно, чтение это не было систематичным. Читал все, что попадалось в руки: и сочинения Гоголя, и произведения Пушкина, и стихотворения Кольцова и Никитина, и увлекательные романы Майн Рида, и приложения для детского чтения к различным журналам, а из «Конька Горбунка» Ершова знал немало страниц наизусть. Любовь к чтению развила мою память, и я впоследствии легко и быстро мог заучивать стихотворения и статьи.

Знание священной истории, массы стихотворений да четырех арифметических действий с таблицею умножения – вот тот умственный багаж, с которым я вступил в духовное училище. Здесь в то время поощрялось зубрение. Часть учительского персонала для лучшего усвоения детьми книжной премудрости прибегала к таким приемам воздействия, о которых нет речи в педагогике второй половины 19 века. Вырывание волос, драние за уши, битье по носу, пощечины были обычными явлениями.

Один же педагог позволял себе нечто ужасное. Он ставил ученика [на] колени и, делая мелом на его голове крестообразные знаки, дико шипел: «Пентюх, перепентюх, выпентюх! На неделю без обеда!» Мало этого, он в течение мая ежедневно в послеобеденное время, когда детей особенно влечет на улицу, затворял нас, учеников 2-го класса, в столовую училищного общежития, помещавшуюся в сыром подвальном этаже, где мы должны были учить записки, составленные его предшественником. Впоследствии этот тип попал даже на должность смотрителя духовного училища за пределами Смоленской губернии и только недавно уволен от чуждого ему учебного дела.

Словом, из всей корпорации не было ни одного наставника, который сумел бы внести луч тепла в нашу мрачную холодную жизнь, и шла она среди брани, побоев, угроз и отчаянной зубрежки. Уроки, в лучшем случае, объяснялись туманно и непонятно; в худшем – их совсем не объясняли. Например, учитель латинского языка неизменно по назначению урока повторял одну и ту же фразу: «Ну, а чтобы было понятно, N, читай по книге», и двенадцати-тринадцатилетний N читал, ничего не понимая, а на следующий день отбарабанивал: «Russia cilueskris ef paluskris» или « hic, hace, hoc, nujus, nujus, nujus, nuic, nuic, nuic» без названия падежей, задыхаясь от волнения и быстроты. Такие ответы считались лучшими.

С переходом в семинарию все мрачное и обидное осталось позади. Здесь моя школьная жизнь значительно изменилась к лучшему. Как квартирный воспитанник, я был волен распределять время самостоятельно, жить не по звонку, и все это было ново и необычно, что я впервые в своей школьной жизни вздохнул свободно и радостно. Правда, в выданных нам правилах особенно часто повторялись слова «строго воспрещается» и даже запрещалось ходить по Кирочной

(теперь Пушкинская) улице[1], но эти запрещения не были страшны, так как было известно, что правила выдаются для проформы, и инспекция, исполнив долг, забывала о них. Поэтому не только прогулки по Кирочной не преследовались, но не запрещалось даже бывать в театре, который меня, кстати сказать, сильно увлек.

Шесть лет пребывания в семинарии протекли быстро, и я в 1901 году после десятилетней школьной учебы вступил на путь самостоятельной жизни. Как и большинство воспитанников духовной школы моего времени, когда доступ к высшему образованию окончившим духовную семинарию, особенно по второму разряду, был до крайности затруднён. Я, не имея склонности стать священником, решил быть сельским учителем. Этот случайно избранный путь окончательно определил мою дальнейшую деятельность.

Получив назначение на должность учителя в родном уезде, я отправился к месту службы с твердым желанием усердно работать на пользу темной и грязной деревни. Однако обстановка, в которую я попал, была большим тормозом в моем деле. Школа, где мне пришлось начать свою педагогическую службу, была крайне опущена. Повсюду грязь. В квартире учителя вместо койки стояли нары. Полуразвалившаяся русская печь заполняла половину комнаты. Свет в комнату проникал чрез единственное оконце, обращенное на запад, почему в квартире учителя даже в солнечные дни стоял полумрак. Класс был богат светом, но мал и скуден партами, и в таком классе помещалось сто десять учеников. При таких условиях едва ли было возможно достигнуть блестящих успехов, но я не падал духом и, насколько мог, улучшил школьную обстановку и наладил учебное дело.

В этой школе я прослужил одну зиму и получил назначение во второклассную школу, где учительствую уже четырнадцать лет. В этот продолжительный период учительской службы я, отдавая «время делу», уделял и «потехе час». Ежегодно, скопивши из своего скромного бюджета в течение учебного времени небольшую сумму денег, я, пока был холост, тратил эти деньги на поездки по городам и селам необъятной Руси, и в 1909 году судьба послала мне случай побывать в Турции, Греции, Италии и Австрии. Благодаря этому путешествию, я на месте видел те страны и народы, о которых так увлекательно рассказано

[1] Ныне ул. Ленина.

в географических сборниках Григорьева, Крубера, Баркова и Чефранова[1]. Много из этой поездки я вынес и хороших, и тяжелых впечатлений, под влиянием которых моя любовь к родине усилилась, а желание работать на ниве народного образования удвоилось.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 88. Л. 21-32.

[1] В 1900-1904 гг. Д.Н. Анучин и его ученики А.С. Барков, С.Г. Григорьев, А.А. Крубер, С.В. Чефранов издали серию иллюстрированных хрестоматий для школ: «Азия», «Америка», «Африка», «Европа», «Австралия», «Азиатская Россия», «Европейская Россия». При составлении книги были широко использованы иностранные источники, чтобы дать возможно полное представление о важнейших географических особенностях частей света.

Ильин Иван Прохорович,

учитель Ново-Станского двухклассного училища Климовичского уезда Могилевской губернии

28 июля 1917 года

Родился я 1893 года 18-го октября в небольшой деревушке, названной 70 лет тому назад от имени ее основателя Константина Костюковкой Залустинской волости уезда Хиславичского Могилевской губернии. Как сын бедного крестьянина-хлебороба, тяжелым трудом добывающего себе кусок пропитания на родной, орошенной потом, слезами, своей ниве. Мне, насколько могу, вспоминая свои детские годы, представить, не в ласкающих красках рисуется моя ранняя жизнь. Голод и холод, нужда, нищета, недостаток окружали меня повседневно. Буквально оставаясь зачастую одиноким (мать умерла на 5-м году моей жизни, а прочих родных, исключая отца и трехлетнего брата, у меня не было), тогда лишь казалось, по лишениям и бедам нам, сиротам, нет в мире подобных. Дума – «у всех есть мама, а мы без нее» – была нераздельной спутницей, вернее, главным объектом моих детских всех переживаний.

Одной лишь отрадой являлся отец, заменяющий мне мать и много приложивший усилий в борьбе с суровой действительностью всего окружающего, дабы исполнить отцовский свой долг. Искренняя любовь к своим детям, нежность, сердечность, благородное изящество своего душевного склада делали отца для меня обаятельнейшим человеком. Как человек грамотный, видевший пользу в учении и часто объясняющий мне тогда чуждые моему пониманию явления природы, отец мой меня, 8-ми летнего отрока ведет в ближайшую школу учиться.

Не буду описывать все те первоначальные школьные детские впечатления, которыми так бывает богат деревенский мальчик в первые дни-минуты своего пребывания среди шумного школьного мира, скажу лишь, радостям, счастью довольству конца, казалось тогда для меня, не было. При мысли «здесь, в школе меня будут учить читать и писать, что знает отец мой и учитель», ставший так для меня тогда совершенством, я был вне себя от радости.

Забыв и холод, и голод, лишения, я с жаром принялся за чтение, к которому страсть была так велика, что неоднократно просиживал

за книгой при свете луны целые ночи (из-за керосина) и где же? На кровле бедной лачуги своей! Но было все нипочем. Мысль-радость научиться читать, [как] читает учитель, была постоянным предметом моего детского воображения, и эта радость своим манящим, чарующим лучом заветного счастья озаряла мне серое прозябание жизни, заставляла, так сказать, мириться с тяготами суровой натуры.

Из года в год благодаря своему старанию я был переведен в следующую группу и в 4-летний срок основательно прошел весь курс начального училища, получив свидетельство об окончании последнего. Но мной еще не окончен был мой научный подвиг. Жажда знать еще более возросла.

Учитель, бывший в начальной тогда школе, семинарии питомец, был добрый педагог, отличавшийся любовью к сиротам и к обездоленным судьбою, и чувство затаенного страдания за страдания других никогда его не покидало. И вот на 13 году своей жизни я, оставя в доме горемычного отца, при помощи Николая Михайловича (так звали учителя), снабдившего меня в учебе всем необходимым, отправился в одну из популярнейших в то время школ, в Милославичское центральное училище.

Неприветливо встретил меня сей рассадник науки, и первые дни пребывания в нем казались годами. Тоска ежечасно давила мне грудь, слезы, бывало, как град, катились из глаз при мысли, что единственная моя все отрада, отец, мною в доме оставлен, лишен моей помощи в то время, когда я мог бы вполне оказывать ему помощь в домашних занятиях. Но приходилось мириться с обстоятельствами. Необходимость учиться затмевала мне все, меня тогда волновавшее. Вставая ежедневно до солнца, я часто один уходил в близлежащую березовую рощу, где приготавливал уроки, предавался сладким мечтаниям о своем родном доме. В классе я был примерным учеником, за что в течение 4-летнего срока моего пребывания в школе получал прекрасные баллы, имеющие отзывы от г.г. преподавателей.

Предавшись всей душой учению, не замечал я, как быстрым темпом протекали школьные дни, казавшиеся столь бесконечными вначале. Близилось и время школьного выпуска. Счастью, казалось, не будет конца при мысли быть, как Н. Михайлович, учителем. Но эта мечта осталась в то время только мечтою. В конце 3-летнего моего пребывания в Милославичах школа, 25 лет просуществовавшая с правами

народного учителя и столь много в сей срок даровавшая блага народу, прекратила свое функционирование в представлении упомянутых прав питомцам своим.

Как не мучительна была для меня сия весть, заставившая многих товарищей прекратить свое пребывание в «обезглавленной», как тогда выражались, школе, я побыв в ней еще год, решил начатое дело довести до конца и 17-ти лет уехал в учительскую семинарию. Здесь жизнь моя протекала также в беспрерывном труде и заботах. Планомерное изучение целой цепи общеобразовательных предметов, теоретическое и практическое прохождение всевозможных методик как элементарных частей педагогики и целого ряда других перлов-задач семинарии вполне гарантируют продуктивность работы питомца семинарии, как будущего рассадника грамотности среди люда, жаждущего света познания.

И вот я – учитель! 2-летнее мое пребывание в сей должности принесло мне лишь громадную в моральном значении пользу. Постоянно сталкиваясь с нищетою народной и всей душой ее разделяя, более познаешь жизнь – жизнь трудовую, жизнь горемычную, ту жизнь, какою живет наш вековой труженик пахарь-работник, познаешь, что и в текущий момент есть люди, которые в борьбе за предоставление себе лишь вольготных условий для жизни забывают о горе родном.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 87. Л. 82-83 об.

Киприянова Евгения Васильевна,

учительница Кишкинского земского училища Ельнинского уезда
Смоленской губернии

16 августа 1917 года

Свою жизнь я хочу разделить на два периода: жизнь до поступления в учительскую семинарию и по выходе из нее. Хотя эти периоды и резко отличаются один от другого, но оба равно оставили неизгладимые следы в моей душе и повлияли на мое мировоззрение.

Детство мое было сплошным праздником: я бегала, резвилась в кругу детей и пользовалась лаской родителей, которая так благотворно действует на всю последующую жизнь взрослого человека, служа хорошим источником светлых воспоминаний в тяжелые минуты его жизни.

Но вот смерть уносит в могилу горячо любимого отца, и мать, чтобы прокормить себя, троих детей и бабушку, поступает в экономки. Занятая весь день по хозяйству, она мало обращает на нас, детей, внимания и почти никогда не ласкает. Мы растем в кругу деревенских детей, среди прелестной природы и одни на свободе предаемся любимым занятиям. Часто изображали мы школу, и меня, к искреннему моему удовольствию, всегда выбирали учительницей. Находят, что детские игры могут служить показателем врожденной склонности ребенка; и мать, видя мою охоту к учению, шла навстречу этому желанию и говорила, что ей ничего бы так не хотелось, как видеть нас, детей, народными учительницами, которые с любовью и уменьем могли бы работать на пользу себе и другим.

Быстро прошел школьный период, и наступила юность с ее порывами, надеждами и стремлениями. Недаром поэт сравнивает этот период с ключом и называет его бурным и мятежным, который кипит, бурлит, сверкая и журча. Много и у меня было мечтаний, но главная мысль, что мне навсегда придется остаться недоучкой, приводила меня в отчаяние. Но судьба как бы покровительствует мне. Богатая интеллигентная семья берет меня к себе бесплатно на квартиру, и я хожу в городское училище. Здесь же, в этой семье, я приобретаю любовь к чтению, и еще глубже, еще серьезней возгорается во мне желание дополнить

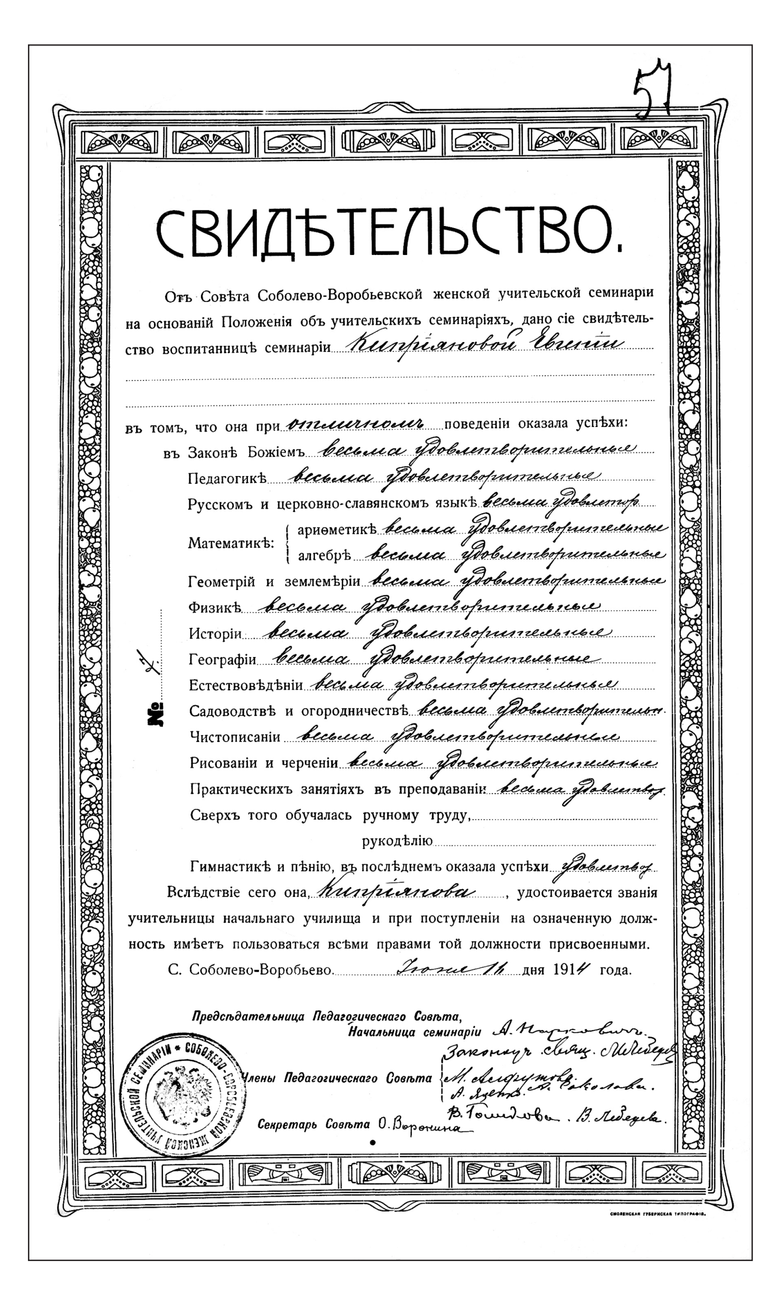
свое образование. Не могу утаить, что здесь, в этой культурной обстановке мне, жительнице деревни, трудно было привыкать к их требованиям вежливости и приличия. Но вскоре городская жизнь, общение с хорошими товарищами сделали меня не такой резкой и прямой, какой я была в деревне, и я среди приютивших меня людей уже чувствовала себя как в родной семье, а меж тем последний год ученья в городском [училище] приходил к концу и нужно было очень серьезно подумать, что делать дальше.

Я выдерживаю экстерном за четыре класса гимназии и иду к инспектору Народных училищ с просьбой разрешить мне ходить шесть месяцев на уроки в одну из школ вверенного ему района, чтобы там присмотреться к школьным занятиям, а потом и самой взяться за любимое дело. Инспектор, видно, был человек очень прямой и добрый, выслушал меня и сказал, что одной охоты для школьного дела мало, нужна серьезная подготовка и посоветовал поступить в только что открывающуюся Соболевскую семинарию. Причем ярко и красиво нарисовал жизнь в семинарии и пообещал, что если я окончу семинарию, он примет меня с распростертыми объятиями и даст хорошую школу в уезде. Радость за светлое будущее и за возможность исполнения намеченной цели приводили меня в какое-то неизъяснимое чувство восторга.

Был темный осенний вечер, шел дождь, когда я подъезжала к Соболеву. На душе у меня было так хорошо, как бывает, возвращаясь с Пасхальной заутрени. Я и мысли не допускала, что меня могут не принять в семинарию, и все мои стремления окажутся – мечтой. Каково же было мое самочувствие, когда после медицинского осмотра узнала, что я по близорукости не допущена к приемным испытаниям. Не дай Бог пережить когда-нибудь такие тягостные минуты, какие я пережила, когда передо мною захлопнулась дверь экзаменационной комнаты.

С отчаянием и надеждой я обратилась к батюшке с просьбой помочь мне поступить в семинарию, и не знаю, чуткость ли педагогов или особое счастье было причиной того, что мне было разрешено держать экзамен, и я была принята в число казенных стипендиаток.

Чувство, которое я испытала при виде своей фамилии в числе принятых, нельзя описать. Скажу только, что с этой поры началась для меня счастливейшая пора моей жизни. Пусть будет легка земля Александру



51

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Отъ Совѣта Соболево-Воробьевской женской учительской семинарiи на основанiй Положенiя объ учительскихъ семинарiяхъ, дано сiе свидѣтельство воспитанницѣ семинарiи Кипрiяновой Евгенiи

въ томъ, что она при отличномъ поведенiи оказала успѣхи:

въ Законѣ Божiемъ весьма удовлетворительные

Педагогикѣ весьма удовлетворительные

Русскомъ и церковно-славянскомъ языкѣ весьма удовлетвор.

Математикѣ: ариѳметикѣ весьма удовлетворительные; алгебрѣ весьма удовлетворительные

Геометрiй и землемѣрiи весьма удовлетворительные

Физикѣ весьма удовлетворительные

Исторiи весьма удовлетворительные

Географiи весьма удовлетворительные

Естествовѣдѣнiи весьма удовлетворительные

Садоводствѣ и огородничествѣ весьма удовлетворительн.

Чистописанiи весьма удовлетворительные

Рисованiи и черченiи весьма удовлетворительные

Практическихъ занятiяхъ въ преподаванiи весьма удовлетвор.

Сверхъ того обучалась ручному труду,

рукодѣлiю

Гимнастикѣ и пѣнiю, въ послѣднемъ оказала успѣхи удовлетвор.

Вслѣдствiе сего она, Кипрiянова, удостоивается званiя учительницы начальнаго училища и при поступленiи на означенную должность имѣетъ пользоваться всѣми правами той должности присвоенными.

С. Соболево-Воробьево. Iюня 16 дня 1914 года.

№ 4

Предсѣдательница Педагогическаго Совѣта, Начальница семинарiи А. Марковичъ.

Члены Педагогическаго Совѣта Законоуч. Свящ. М. Лебедевъ. М. Алферутова. А. Яценко. А. Соколова. В. Голидова. В. Лебедева.

Секретарь Совѣта О. Воронина

Печать: Соболево-Воробьевской женской учительской семинарiи

Смоленская губернская типографiя.

Свидетельство об окончании Е.В. Кiприяновой Соболево-Воробьевской женской учительской семинарии

Николаевичу Попову[1], положившему основу нашей дорогой семинарии. Это учреждение было вверено людям, которые отдали свои лучшие силы и знания для нас – своих воспитанниц. Это не были педанты, нет, они были друзья и педагоги. Некоторых мы любили горячей нежной любовью, остальных уважали. Наши руководители были строги и требовали добросовестного серьезного отношения к делу. Сами же они верили в свое дело, и эту веру они сумели внушить и нам, и с нею, как с горящим факелом, отпустили в бурно несущуюся жизнь.

Три года я работаю в земской школе и чувствую в ней как рыба в воде, и дай Бог, чтобы вода эта была живою.

Отзыв
о воспитаннице, окончившей курс Соболево-Воробьевской женской учительской семинарии в 1914 году, Киприяновой Евгении

Очень экспансивная и живая натура, средних способностей, но благодаря своему трудолюбию, интересу к делу и добросовестному отношению к своим обязанностям, Киприянова училась хорошо. Она проявила большую любовь к школьному делу во время практических занятий и по личному желанию потратила много времени и труда для приготовления наглядных пособий для начальной школы при семинарии. Очень наблюдательная, она имеет склонность относиться ко всему с добродушным юмором; характером очень прямая, в силу чего по временам бывает даже резка; развито чувство личного долга перед общественным делом, с готовностью пренебречь личными интересами, с постоянным желанием постоять за справедливость, но понимает ее несколько своеобразно. Она чрезвычайно общительна, но вместе с тем неуступчива, несколько задорна, ни с кем из воспитанниц не вступала в тесную дружбу и в свою очередь не пользовалась с их стороны большой привязанностью.

Начальница А. Наркович.

ГАСО. Ф. 82. Оп.1 Д. 87. Л. 55-56 об., 60.

---

[1] Попов Александр Николаевич (1840, С.-Петербург – 1910, Соболево-Воробьево Смоленской губ.) – землевладелец, земский деятель, депутат Государственной Думы I созыва от Смоленской губ. Жил в Смоленской губ. с 1882 г. Вместе с женой О.Н. Поповой на свои средства открыл Соболевскую женскую учительскую семинарию.

Клитин Константин,

выпускник четвертого курса Смоленской духовной семинарии

15 марта 1882 года

Родился я в 1862 году 24 мая в Смоленской губернии, в Юхновском уезде, в селе Слободка. Отец мой был тогда священником в этом селе, куда он перешел из Смоленска, оставив там должность учителя духовного мужского училища. Отец и мать моя жили между собой очень хорошо, и, несмотря на то, что я был первый сын у них (еще в Смоленске у них двое было сыновей – младшего у них теперь уже нет в живых), уж как-то особенно любили меня, лелеяли, берегли, как глаз во лбу, заботились о моем здоровье и развитии, старались доставлять мне, по возможности, все, что только могло прийти тогда в мою слабую во всех отношениях головенку, предупреждали всякое мое желание, исполняли всякий каприз – одним словом, первые два года моей жизни, по словам матери и няни-старушки, были для меня блаженным временем.

Нужно заметить, что родился я очень слабеньким, первое время все хворал, а потом, под влиянием благоприятных обстоятельств, сделался веселым и резвым мальчиком и доставлял большое утешение родителям. Отличительной чертой моей в первое время была безграничная любовь и привязанность к моей доброй матери: я ни на минуту не оставлял ее и только с ней был спокоен.

Всегдашним единственным занятием моим было рассматривание книг и картинок. «Был у нас молитвенник с картинками, – говорит мне не раз и теперь моя мать, – который ты по несколько раз в день пересматривал, показывая всем изображения Господа и святых, и ужасно довольный тем, что мог на картинках отличать Господа от святых его».

На третьем году моей жизни в нашем семействе случилось несчастье, которое дурно отозвалось впоследствии – отец мой внезапно заболел умопомешательством. В минуты сильных припадков он был ужасен: кричал, бил все, не щадил даже самых близких к нему людей, и бедной моей матери (в то время носившей в утробе меньшего моего брата) доставалось больше всех терпеть от него, выносить его нередкие побои – такие неприятные сцены не могли благотворно действовать

на малого и слабонервного ребенка, и я из веселого и развязного первоначально сделался робким, пугливым и капризным мальчуганом, стал бояться всего и при виде отца дрожал всем телом: мне всегда представлялось, что вот-вот сейчас он убьет мою мать, так страстно любившую меня.

Не долго, однако, оставался больной отец в нашем селе: скоро мать моя вместе с своим свекром (отцом моего отца) увезла его в Москву лечить, и я оставлен был на попечение няни – это старушка добрая, набожная, очень любившая всех нас – меня и братьев; она сильно заботилась о моем здоровье, всевозможными способами старалась развлечь меня, уговаривала не плакать, не тосковать о матери, обещала за это гостинцев, от которых я был не прочь; уверяла меня, что скоро приедет домой отец мой, уже здоровый, с мамой, которую будет любить, и мы опять заживем по-прежнему; часто водила она меня в церковь и научила Богу молиться; с тех пор постоянно утром и вечером со слезами на глазах я молил Бога «спасти моего болящего отца».

Два месяца мать проездила в Москву, наконец, возвратилась, оставивши отца в московской больнице, откуда он через 9 месяцев убежал и явился к своему тестю (отцу моей матери), а этот определил его в смоленскую больницу.

После постигшего нас несчастья жизнь наша стала очень незавидною, особенно в материальном отношении: что было приобретено отцом, потрачено на его бесполезное лечение (он был признан московскими врачами неизлечимым), а вновь зарабатывать было некому: мать от таких дурных обстоятельств заболела и слегла в постель, детей было трое, и все мал мала меньше, да и четвертый ожидался: в самом плачевном положении очутилось наше семейство после постигшей нас катастрофы! Теперь уже не могли удовлетворять всякое мое желание, прихоть, каприз, теперь матери предстояли другие заботы – нужно было подумать о куске насущного хлеба: и из роскошной жизни мы сразу очутились в крайней бедности, только помощь со стороны деда моего (отца матери) могла поддерживать нашу жалкую жизнь.

Пять лет я пробыл с матерью после постигшего нас бедствия, начал учиться и стал уже хорошо читать. Мне было шесть, когда мать положила учить меня грамоте: она сама научила меня, – заучивать по славянской азбуке, как сама была заучена. Я помню, с какою радостью

принялся в первый раз за азбуку, с какою охотою выучивал первые уроки из нее, как потом, весело выбежав из комнаты, я передавал свои впечатления по поводу выученного урока сверстникам-мальчикам, которые давным-давно дожидали меня на гулянье, сидя на улице, под окнами нашего дома. Я и с малолетства не чуждался обществ и любил проводить время в кругу шумных мальчуганов; и теперь еще помню двух друзей детства – крестьянских мальчиков, с которыми я проводил все свободное от занятий время.

Но не долго мне пришлось пожить в […] обществе, – суждено было расставаться с ними надолго, – быть может, навсегда! Мать моя, за разными домашними работами, не имела достаточно времени специально заниматься со мной: ей без того много было забот по хозяйству – только свободные от домашних дел часы она употребляла на занятие со мной – но этого было мало для первоначального обучения, без сомнения самого трудного и требующего возможно большего времени, притом мать моя думала определить меня в духовное училище; репетитора же нанять не было средств (у матери), поэтому я был взят дедом (отцом моей матери), который был священником в Краснинском уезде, в селе Соболеве.

Не раз я и прежде бывал у этого деда, поэтому семейство его мне было известно – оно было небольшое: дед, жена его и дочь девушка – все они очень любили меня за мой мягкий характер, особенно тетушка, и прежде я с охотою ездил к ним, теперь же с слезами на глазах я оставил родное село, в котором не судил Бог потом ни разу не побывать! Полный тоски безотчетной, я уныло отправился в путь: жаль было матери милой, трудно было покинуть друзей, с которыми провел я лучшую невинную пору жизни. С матерью вышла на улицу няня-старушка проводить в путь-дорожку своего любимого питомца, благословила она меня, наказав учиться хорошо и не забывать ее с моей матерью. Сопровождаемый благожеланиями селян, я отправился в путь и скоро оставил село.

На пятый день мы добрались до дома деда, где с нетерпением ждали меня; все встретили очень радушно и приняли во мне живое участие. Жить у деда мне было хорошо: всего у него довольно, жил он роскошно и меня ничем не обделял, только воспоминания о матери постоянно приводили меня в слезы. Мать часто писала нам, и каждый раз, когда

приходило письмо от нее, я плакал навзрыд. Дед пригласил для меня репетитора, учителя духовного училища в отставке. Человек пожилой, с очень симпатичною личностью, с мягким характером, довольно не глупый, резонный, он скоро так привязал меня к себе, что я увидел в нем второго отца; он любил меня, заступался, когда кто-то обижал меня, учил хорошо, расположил меня к науке, и я с любовью и охотой занялся подготовлением к поступлению в училище, видя в этом первое средство помочь в скором времени бедствующей матери своей.

Успех в приготовлении был порядочный, за мои успешные занятия я еще больше заслуживал расположение к себе всего семейства деда и сделался любимым внуком бабушки; мне уже хорошо было бы и всегда остаться здесь, но мысль о положении матери влекла меня скорей в училище.

На одиннадцатом году жизни повез меня дед в Смоленск. Экзамен в училище был довольно легкий (помню – меня спросили очень немного: прочитать по-славянски, сложить 5 и 7 и написать свое имя и фамилию), я, основательно подготовленный, хорошо отвечал на нем, был принят в училище и, как бедный ученик, остался в корпусе на казенном содержании.

Сначала все меня интересовало в училище: новые товарищи, наставники, самый вид классов, и я был невыразимо рад своей новой жизни, писал даже в письмах к матери, что жизнь в училище едва ли не лучше жизни у деда, но скоро эта радость уменьшилась. Вместо любящей семьи деда и тихого, простого репетитора я встретил здесь грубых, дерзких, строгих, взыскательных наставников, с высоты своего величия смотрящих на учеников, глупо желал пред ними показать свое «я», ни от кого-то не услышишь теплого слова и утешения, от всех веет какой-то спертою холодностью, глупым самолюбием; никто тебя знать не хочет, будто сам он не был таким. Понятно, надменным обращением своим они – наставники – не могли расположить к себе ни меня, ни моих новых товарищей, которые заменили мне прежних моих сверстников, с которыми гуливал, будучи еще ребенком. С многими из них (товарищей) я скоро сошелся, поверял им свои мысли и желания, с ними делился и радостями, и горем. Свободные от занятий часы я проводил или в беседе с товарищами, или в игре вместе с ними.

После обеда я иногда отправлялся в богоугодное заведение[1] к отцу и оттуда выносил подавляющее впечатление: я видел, мучатся, страдают там несчастные больные, как грубо и варварски обращаются с ними больничные сторожа, как доктора, вошедшие в комнату только для примера, подходят к койкам больных и спрашивают о их здоровье, затем не дожидаются ответа их, идут к другим больным и так далее, в две минуты обходят всю комнату, где лежит более 20 человек серьезно больных, требующих лечения, а не небрежного спроса об их здоровье! Все это тяжелым камнем ложилось мне на душу; но мне пришлось смотреть на эти ужасающие картины.

2 декабря 1873 года, т. е. в канун первой трети учебного года, когда я был еще в первом классе, один ученик, живший на Покровской горе, доносит мне, что отец мой, у которого я за неделю перед этим был, умер в богоугодном заведении. Отправился я к смотрителю училища отпрашиваться от уроков, он отпустил меня. Когда пришел я в больницу, мне указали капличку, где лежало тело моего отца, и больше ничего и никого не было; поплакал довольно я над умершим родителем, но, видно, слезами не воскресишь мертвеца! Скоро пришла туда тетка моя, сестра отца, начала утешать меня, а потом отвезла к себе на квартиру. 4-го декабря похоронили тело отца около Верхне-Егорьевской церкви, в ограде, куда потом я часто ходил на могилку.

Матери нельзя было приехать на похороны – 250 верст нельзя проехать в сутки на лошадях; отсутствие матери еще более увеличило мою грусть; будь и она на погребении, обоюдная скорбь наша была бы легче: приятно и отрадно как-то становится на душе, когда около гроба умершего видеть его близких, родных и знакомых, собравшихся отдать ему последний долг – посмотреть на него и попрощаться с ним на веки! Взгрустнулось порядком мне после смерти моего батюшки, теперь уже не было никакой надежды на улучшение нашей жизни; одно средство помочь беде – это хорошо учиться и скоро кончить курс в семинарии.

Я с тех пор еще усерднее занялся учебою и скоро оказал хорошие успехи. Вел себя я безукоризненно. Один только факт, свидетельствующий скорее о грубости и мелочности училищного начальства, нежели о моей неисправности, испортил мое поведение. Я был тогда

---

[1] Богоугодное заведение – в дореволюционной России больница, благотворительное учреждение, богадельня.

в 3-м классе. Не помню, за что, только все мои товарищи, в том числе, конечно, и я, однажды после уроков были заперты в классе до вечера – разумеется, мы шалили там, бегали, кричали, и один из товарищей нечаянно разбил окно. Вечером арест наш кончился. На другой день узнаю, что мне в том месяце будет «тройка поведения», т. е. что инспектор училища думает поставить мне неудовлетворительный балл по поведению. За что же? «А за то, что ты, находясь в карцере, хвалился перед товарищами, что, если захочешь, сможешь один побить все окна в классе», – говорит мне смотритель (царство ему небесное – он в тот год умер) и его помощник. Откуда могли выдумать они такую скабрезную, небывалую штуку, кому поверили они – это им знать, но только этот действительный факт достоин внимания, чтобы видеть, насколько мелочно было тогда (а может быть, оно и теперь таково?! Дай Бог, чтобы нет!) училищное начальство. Поплакал я немало по этому поводу: мне было и обидно, что незаслуженно меня наказывают, и стыдно пред товарищами – будто я хуже всех нас вел себя в карцере, мне было и неловко пред матерью – как я покажусь ей с тройкой по поведению, что скажу в оправдание, чем извинюсь; но к счастью моему, мамаша поверила больше мне (прежде я никогда не лгал ей) и не обратила особенного внимания на отметку по поведению, наказав, впрочем, на будущий раз удаляться от подобных шалостей товарищей.

Надзиратели (впрочем, не все: одного я никогда не забуду!) произвели на меня такое тяжелое и подавляющее впечатление: не раз я бывал свидетелем таких сцен, что они ставили учеников на колена на несколько часов, угощали иных подзатыльниками, драли за волосы и уши (еще и теперь хорошо помню, как в столовой комнате один надзиратель (он потом окончил курс в высшем учебном заведении) схватил за уши двух рядом сидящих учеников, вытащил их из-за стола за то только, что они во время обеда разговаривали, – у тех кровь ручьем пошла из ушей!). Некоторые наставники позволяли себе даже такие дерзости, как удары географической указкой по головам учеников (к несчастью, я слышал, будто и теперь этот способ практикуется в нашем училище!). Помню еще, как я четыре дня во время всех уроков стоял на коленях в классе за то, что после святой приехал в училище не в понедельник, а в четверг.

Разумеется, все эти ненормальные действия не могли не влиять на впечатлительные натуры учащихся. Неудивительно поэтому, если

ученики духовного училища всегда выглядели какими-то забитыми, запуганными, дикими созданиями! Я сам дичился и боялся тогда всех, не мог без боязни посмотреть в глаза немного высшему меня субъекту; в общество явиться не мог, боясь, что […] буду осмеян. И если бы такое ведение воспитательного дела продолжалось и в семинарии, я уверен, что был бы идиотом, но, к счастью, в училище пришлось пробыть только четыре года! Да, мало времени – четыре года! А еще говорю – к счастью!

Нет, при разумной обстановке училищного дела в четыре года можно много пользы принести просвещению; но в духовном училище, не знаю, как теперь, а тогда не задавались, должно быть, этою благой целью. Много еще было тогда (да и теперь, кажется, не меньше) помяловщины в стенах училища. Чтение книг в нашем училище не было развито: должно быть, начальство боялось рано развить умы учеников! И я за все время пребывания в училище прочитал не более 20 книг, да и то самого легкого содержания, – значит, ум мой не мог обогатиться почти никакими познаниями до поступления в семинарию.

В семинарии жизнь совсем иная. Еще на приемном экзамене я удивился хорошему мягкому обращению преподавателей, особенно с молодыми, с учениками; я уже думал и здесь встретить подобие училища, но оказалось маленько иначе. Здесь преподаватели, должно быть, признают и в учениках человеческое достоинство и обращаются с ними, как с людьми. Дисциплина здесь, мне казалась, гораздо легче, разумней. Гуманное отношение преподавателей к ученикам, простота в обращении несколько облагородили и меня.

Свободные от занятий часы я отводил на чтение книг; здесь я впервые познакомился с сочинениями почти всех известных писателей, беря книги из семинарской и публичной библиотек. Чтение книг обогатило мои слабые познания и дало возможность порядочно писать сочинения, которые в семинарии довольно часты.

Будучи еще во втором классе семинарии, я случайно познакомился и близко сошелся с только что прибывшим тогда в нашу семинарию преподавателем Соловьевым. Это ужасно обрадовало меня, тем более, что подобного не могло случиться в училище. Я почти ежедневно бывал у него в продолжение двух лет, пока он, наконец, переехал в Москву. Он много способствовал моему развитию, наделял меня книгами, имел и нравственное влияние, разрешал разные недоумения, сомнения, часто

мы беседовали с ним до позднего вечера; летом мы иногда ходили с ним за город, много полезных советов он давал мне и помогал материально. Я уважал его и предан был ему всею душою.

Уже в 4-м классе я стал подумывать о том, что следует мне предпринять в будущем: оканчивать ли курс семинарии и идти по духовной службе, или из 4-го класса уходить в высшее светское заведение. Я решился на последнее и стал готовиться в Нежинский институт[1], сказал об этом Соловьеву – он не одобрил моего решения, а советовал оканчивать семинарию и идти в академию; несмотря на все его убедительные доводы, я все-таки решился из 4-го класса выбыть, но уже не в институт идти, а держать экзамен на аттестат зрелости в гимназии, чтобы потом отправиться в университет. Соловьев же был тогда в Москве; узнав об этом, он маленько посердился на меня, но все-таки не оставил меня своими советами.

Кончились в семинарии экзамены. Получив свидетельство, я отправился на кондицию к одному уездному лесничему Х. Там-то я натерпелся горошка! Там-то мне пришлось увидеть остатки безобразной барщины – там я убедился, что еще есть на свете создания, только корчащие из себя людей, на самом же деле, не имеющие ни одного качества разумного существа! Лесничий этот – человек дерзкий, грубый и недальновидный (несмотря на свое высшее образование), требует от всех уважения, придает себе непогрешимым авторитетом, во всякой высказанной дельной мысли, не согласной с его личными интересами, он видит вольнодумство, такие органы русской печати, как «Голос», «Русский курьер» он считает почти революционными и увлекается только единственно «Сыном Отечества», потому что, по его же выражению, этот орган «дальше своего носа ничего не видит и не пишет». С таким нравственным уродом с его карикатурными понятиями и взглядами на жизнь я не мог долго ужиться, я страдаю нравственно во все время пребывания у него, наконец терпение лопнуло, и я оставил урок.

Приехав к матери, которая теперь живет с своею матерью, вдовою-священницею в селе Соболево Краснинского уезда, я решился остаться

[1] Нежинский институт – высшее учебное заведение г. Нежин, Украина. В 1805 г. Сенат принял постановление об учреждении и строительстве в Нежине Гимназии высших наук князя Безбородко, ее открытие состоялось в 1820 г. В 1832 г. она была преобразована в Физико-математический лицей, с 1840 г. – Юридический лицей, а с 1875 г. – Историко-филологический институт князя Безбородко.

у нее до времени экзаменов в гимназии. Здесь, благодаря дяде (преподавателю Симбирской семинарии), выславшему мне необходимые книги, я начал готовиться к экзаменам. Но и здесь я не мог спокойно проводить время, я не мог хладнокровно видеть той крайности, какую терпят мои мать и бабушка, а помочь пока ничем не мог; меня всегда тяготила мысль, что я дармоедом живу у матери, но – Бог милостив! – скоро, быть может, он поможет мне выдержать экзамен в гимназии, тогда…, но «тогда» это еще не скоро, – нынче экзамены в гимназию, говорят, трудны: как-то придется мне выдержать их?

ГАСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 560. Л. 52-59 об.

Котикова Елизавета Игнатьевна,
учительница Успенского земского училища Дорогобужского уезда Смоленской губернии

16 августа 1917 года

В одной из глухих улиц города Смоленска имеется маленький домик. Ничем особенным он не отличается и ничьего внимания привлечь не может. Но сегодня какое-то особенное оживление царит вокруг него. Люди снуют возле него, входят внутрь и выходят обратно. Что же их сюда привлекло? В этом доме покойник. Посреди большой комнаты стоит гроб, в нем лежит молодая женщина. Возле гроба стоят мальчик лет десяти и девочка лет восьми с грустными, заплаканными личиками. Здесь же беззаботно бегает девочка лет двух. Ей очень весело. Все для нее ново и интересно – и народ, и огоньки свечей, и блестящее покрывало покойницы. Сестра беспрестанно останавливает ее. Девочка не понимает, почему нельзя бегать, смеяться, почему мама лежит так неподвижно и ничего не говорит. Но вот куда-то уносят маму. Девочка разражается рыданиями, но, понятно, недолгими. Не может она понять, что на всю жизнь она осталась сиротой, что навсегда она лишена материнской ласки и заботливости. Эта девочка была я. Смутно помню я, как меня увезла к себе в деревню двоюродная тетка. С этих пор началась моя одинокая, сиротская жизнь, лишенная ласки, теплоты. Через год умер и мой отец.

Скоро, скоро я поняла, как тяжело жить без родителей. Всюду я была лишняя, ни одного ласкового слова, кроме попреков, я не слышала. Лет с четырех я стала жить в Смоленске у двух двоюродных бабушек. Это были две совершенно различные старушки. Одна была добрая, как ангел. Она хоть немного скрасила мою детскую жизнь. Она баловала меня и частенько ласкала, что для меня было так дорого и необходимо. Благодаря ей у меня выработался все-таки не такой черствый характер, как у человека, не видевшего даже намека на ласку. Но зато другая бабушка была зла и придирчива. Я за все время от нее не услышала ни единого ласкового слова, кроме попреков. Но, несмотря на это, я ее звала «мамой». Мне так хотелось иметь «маму»: у всех моих подруг она была, а у меня ее не было. До семи лет прожила у этих бабушек. Нужно было начинать меня учить, а средства у них были скудные. Они решили

отдать меня в приют. Помню холодный осенний день. Бабушка ведет меня в приют, а я плачу горькими слезами. Привела она меня и оставила среди незнакомых неласковых моих будущих подруг. О, Боже мой! Как у меня тяжело было тогда на душе. Плакала я целый день…

О своей жизни в приюте я ничего особенного сказать не могу. С восьми лет я начала учиться и т. к. была способная, то меня одну из всех приютянок посылали учиться в городское училище. Когда мне было десять лет, во мне начальство приюта заметило педагогические способности и поручило мне выучить грамоте четырнадцать девочек. Правда, любимой моей игрой была игра в «школу», где я всегда была учительницей, но ведь это еще не значило, что я в силах была вести серьезные занятия. И страшно было мне приступать к занятиям, и вместе с тем приятно. Ярко врезался мне в память мой первый урок. Длинный стол стоит посреди комнаты, вокруг него сидят мои ученицы, посреди них сижу я, здесь же сидит заведующая приютом. Как вела я занятия, уже не помню, но заведующая осталась очень довольна мною, и я с этих пор стала учительницей приюта.

Четырнадцати лет я окончила городское училище. Всем хотелось видеть меня в гимназии, но почему-то мне не удалось туда попасть. Наконец, сыскали какую-то сельскохозяйственную школу при монастыре и решили меня туда определить. Но так как знали, что меня не особо интересует сельское хозяйство, и я туда никогда не соглашусь поступать, то меня постарались ввести в заблуждение тем, что я поступаю в учительскую семинарию, которая была при этом же монастыре. Я, понятно, с радостью согласилась ехать. Но какое же было мое разочарование, когда вместо семинарии я очутилась в сельскохозяйственной школе. Кажется, мне надо было бы и смириться со своей судьбой, но нет, у меня откуда-то взялась необыкновенная сила воли, и я во что бы то ни стало решила уехать отсюда. На что я рассчитывала, принимая такое решение, я и сама не знаю. В приют, я знала, меня не примут, а больше мне негде было жить. Но все-таки я уехала.

В Смоленске я на время поселилась у сестры. На мое счастье в Смоленск приехала моя дальняя родственница – сельская учительница и забрала меня с собой в школу. У нее не было второй учительницы, и мне пришлось помогать ей заниматься. И занималась я, кажется, вполне удовлетворительно, так как бабушка была очень довольна мною. Я в школе, среди ребят чувствовала себя как рыба в воде.

Свидѣтельство.

Предъявительница сего, Котикова Елизавета дочь мещанина Игнатія Котиковой православнаго вѣроисповѣданія, родившаяся 25 августа 1894 г., поступила въ 1906 г. въ 1-ое отдѣленіе II класса Смоленскаго городского женскаго начальнаго двухкласснаго училища, въ коемъ при отличномъ поведеніи, успѣшно окончила полный курсъ ученія въ 1908 году и на окончательномъ испытаніи обнаружила нижеслѣдующія познанія:

Въ Законѣ Божіемъ отличныя-5

„ русскомъ языкѣ съ чистописаніемъ отличныя-5

„ ариѳметикѣ отличныя-5

„ исторіи отличныя-5

„ географіи и естествознаніи отличныя-5

„ пѣніи хорошія-4

„ черченіи

Въ чемъ и выдано ей это свидѣтельство за печатью училища.

13 числа мая мѣсяца 1908 г.

А. Семенова

Сахарова

Смирнова

Н. Ворожинская

Смол. Губ. Тип.

Свидетельство об окончании Е.И. Котиковой Смоленского городского женского начального двухклассного училища

Только находясь среди ребят, я чувствовала себя хорошо, в праздники же я умирала с тоски. Теперь я поняла, что школа – это моя жизнь, и решила, что всю свою жизнь посвящу педагогической деятельности. На мое счастье открылась Соболево-Воробьевская семинария, в которую я и поступила.

Четыре года, проведенные в семинарии, пролетели для меня как красивый быстрокрылый сон и оставили по себе самые лучшие воспоминания. Со светлыми надеждами и с жаждой работать в школе выходила я из семинарии. С жаром принялась я за учительское дело. За эти три года много пришлось пережить мне разочарований и невзгод. Резко изменились мои запросы и мировоззрение, но любовь к школе у меня не пропала. Но, живя в деревне, вдали от культурной жизни, я чувствую, что с каждым днем все дальше и дальше отстаю в своем развитии от общего течения культурной жизни. Педагогика быстрыми шагами идет вперед, а я стою на одном месте и чувствую, что через несколько лет я не в состоянии буду вести хорошо педагогическое дело, я буду не у места, а потому мне безумно хочется продолжить свое педагогическое образование, не хочется отставать от жизни. Хочется быть вполне подготовленной к такому трудному делу.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 87. Л. 66-68 об.

Макаев Федор Тихонович,

учитель Бобровской школы I ступени Гомельской губернии[1]

5 июля 1919 года

Окончивши в 1916 году курс Краснинского высшего начального училища, я, за неимением средств к дальнейшему образованию на звание учителя, вынужден был поступить на службу в почтово-телеграфное ведомство, в котором по окончании школы электротехников был назначен окружным чиновником в Управление почт и телеграфов Западной коммуны. Однако, не находя в себе призвание к почтово-телеграфной службе, а чувствуя таковое к делу народному образованию, я в свободное от служебных занятий время посещал педагогические курсы, которые прослушал в течение 1918 года.



Здание Смоленской мужской классической гимназии

Считая удостоверение об окончании педагогических курсов для себя недостаточным, я осенью того же года держал при Смоленской

[1] Представленный документ озаглавлен «Заявление».

казенной гимназии экзамен на звание учителя с правом преподавать во второклассных училищах, который успешно выдержал. Считая это педагогическое образование недостаточным, я решил продолжить его путем поступления в учительский институт.

Когда я обратился со своим ходатайством в учительский институт, то мне сказали, что ходатайство мое не может быть удовлетворено, как не имеющего учительской практики, при этом сказали, что если бы я имел хотя бы годичную учительскую практику, то меня могли бы принять.

Веря в слова, сказанные мне в учительском институте осенью 1918 года, оставил почтово-телеграфное ведомство и поступил в ведомство по народному образованию, в котором получил место учителя I ступени, прослужа таковым весь 1918-1919 учебный год.

С языками французским, немецким и латинским я вполне знаком, так как еще в бытность мою окружным чиновником изучал их в течение года на курсах за 6 классов среднеучебных заведений, устроенных ведомством почт и телеграфов при учительском институте в 1917-1918 году.

В настоящем 1919 году с 1 июля уездным отделом по народному образованию открыты в гор. Горки двухмесячные курсы для лучших учителей уезда. В число этих лучших учителей уезда включен и я. Занятия на курсах ведутся в течение 8-ми часов. Цель курсов – всесторонне развить учителей и познакомить их с новыми методами и трудовыми принципами.

Имея в настоящее время годичную учительскую практику, прошу зачислить меня слушателем Смоленского учительского института на естественно-географический отдел. Если по каким-либо причинам нельзя будет зачислить на этот отдел, то прошу тогда зачислить на словесно-исторический отдел.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 99. Л. 290-291.

Недорубкова Евдокия Филипповна,

учительница Смоленского одноклассного образцового училища при педагогических курсах

Август 1917 года

Родилась я в 1893-м году. Той обстановки, среди которой прошло мое детство, я в настоящее время не могу представить себе ясно, так как семье моей часто приходилось кочевать по Смоленской губернии в зависимости от служебных перемещений отца. Крайне тяжелое материальное положение родителей рано познакомило меня с нуждой и со всевозможными невзгодами жизни, а поэтому детство не было для меня порой беззаботного веселья, порой забавных игр и развлечений.

Первоначальное обучение я получила в сельской школе, которая находилась в двух верстах от нашего местожительства. В это время мне пришлось испытать все те невзгоды, которые выпадают на долю крестьянских ребятишек, т. е. – переносить зимний холод и стужу, вязнуть в сугробах и сидеть по несколько часов в плохом, ветхом школьном помещении, лишенном света, тепла и уюта. Но закончить образование в сельской школе мне не пришлось, так как […] я была взята родственником и перевезена в Смоленск.

Для дальнейшего обучения меня определили в городское двухклассное училище. Четыре года моего пребывания в училище прошли незаметно; учение давалось мне легко, и я на 17-м году своей жизни весьма успешно закончила образование.

Жизнь семьи за все время моего учения не улучшилась, так как кроме меня было много детей, которых также необходимо было учить, и вследствие этого я должна была явиться помощницей отцу и матери в материальном отношении. Но у меня было сильное желание продолжить начатое образование, и эта возможность, к великому счастью, предоставилась. В том же 1909-м году открылась Соболево-Воробьевская учительская семинария, в которую я была принята в числе казенных студенток. Пребывание в семинарии является самым счастливым временем моей жизни. Она дала возможность продолжить развитие, в котором я ощущала главный недостаток, так как прежняя обстановка жизни была крайне неблагоприятна для более или менее правильного

развития. В семинарии я впервые встретила людей чутких, отзывчивых, принимавших живое участие во всевозможных переживаниях, горестях и неприятностях. Словом, те люди, которым было поручено наше воспитание, дали нам много весьма ценного, необходимого для жизни, и отправили на трудную, тяжелую [стезю] сельской учительницы.

В 1914 году я окончила семинарию, и вот прошло уже три года моей учительской деятельности, три года самостоятельной жизни. Но сколько за эти три года пришлось пережить тяжелых разочарований, различных неприятностей, переиспытать всевозможные удары судьбы.

На втором году моей учительской деятельности положение семьи еще более ухудшилось после того, как отец на своей работе лишился правой руки, а брата – главного помощника семьи – взяли на военную службу. Осталась я с сестрой, тоже учительницей, ведя борьбу за существование, чтобы дать возможность продолжить образование своим двум братьям-подросткам и маленькой сестренке. Усиленно приходилось работать не только зимой в школе, но и летние месяцы.

Мечты о дальнейшем образовании оставались мечтами, так как не имела возможности уделить для себя хоть часть времени, чтобы подготовиться к какому-нибудь экзамену. Предоставленная же ныне возможность поступить в институт без затраты времени на экзамены явилась для меня счастливой неожиданностью, и я, не обращая внимания на то, хватит ли у меня сил, учась самой, оказывать вместе с тем и материальную поддержку семье, решила «ковать железо, пока горячо».

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 87. Л. 102-103 об.

Нечаев Михаил Петрович,

священник села Колковичи
Духовщинского уезда Смоленской губернии

29 августа 1916 года

Родился я в 1881 году ноября 6 дня в бедной семье псаломщика села Аполья Духовщинского уезда. Воспитание я получил строгое, мать не позволяла мне проспать никогда не только обедни, но даже и утрени, требовала строгого соблюдения постов, следила за выбором хороших игр и добрых товарищей и тщательно оберегала от дурных поступков и дурных примеров.

С 8 лет я стал обучаться в церковной школе села Аполье, которая не отличалась хорошим обучением: при поступлении в духовное училище я не мог разделить, когда меня спросили, пятьдесят пополам и еле подписал свою фамилию. В духовном училище я стал усиленно стараться и учился все время в первом разряде.

В 1902 году окончил духовную семинарию; семинария своей системой образования и воспитания принесла мне большую в жизни пользу: суровым режимом она как бы выковала характер, приготовила к труду жизни, не избаловала, а это в жизни очень пригодилось, так как жизнь больше богата терниями, темными тонами, чем светлыми тонами и радостями.

В 1902 году летом я был правлением семинарии отправлен на педагогические курсы для учителей второклассных школ в г. Великий Новгород на 2 месяца, где слушал лекции по физике и ботанике. О Новгороде я оставил самые лучшие воспоминания; мне понравилась его спокойно величавая тишина и его знаменитые памятники древности: собор Св. Софии, памятник «Тысячелетие России», река Волхов и другие достопримечательности этого, как бы почившего после славных, кипучих деятельности времен, седого города.

В 1904 году я поступил священником; на эту должность я пошел по призванию, так как еще с детства получил религиозное воспитание, люблю церковную службу, люблю петь и читать на клиросе.

В своей пасторской деятельности я нахожу нравственное для себя удовлетворение; иногда тяжело бывает от материальной

необеспеченности и зависимости от прихода, но смиряешься с этим и безропотно идешь по избранному пути, стараясь сеять разумное, доброе и вечное среди своих овец духовного стада.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 70. Л. 77-78.

Олехнович Дмитрий Семенович,

член Рабпроса, учитель Руднянской 9-летней школы[1]

15 июля 1929 года

Прошу Гороно назначить меня в одну из школ повышенного типа гор. Смоленска преподавателем физики и математики.

До настоящего времени я был заведующим и преподавателем физики и математики в Руднянской 9-лет[ней] школе с педуклоном.

После обследования школы комиссий Губоно я снят с заведования и оставлен рядовым учителем в этой школе за то, что комсод[2] школы в некоторых случаях при обложении платой за обучение в договорных группах искривил классовую линию, хотя это больше моя беда, чем вина, т. к. обстоятельства работы в Руднянской 9-лет[ней] школе давали возможности уделить достаточно внимания работе комсода.

Не считая нужным хлопотать о восстановлении меня в должности зав[едующего] Руднянской 9-лет[ней] школой, так как я сам предполагал уходить с этой должности ввиду того, что, с одной стороны, эта работа меня сильно утомляла, а с другой стороны, ввиду того, что на педфаке Смолуниверситета обучается мой пасынок, находящийся на моем иждивении, благодаря чему нам приходится жить на два дома, и я еще в прошлом году просил перевести меня в Смоленск и в настоящий момент повторяю мою просьбу, т. к. нам очень тяжело жить на две семьи.

Родился я в 1891 году. По социальному происхождению я сын служащего. Отец мой, ввиду материальной необеспеченности не окончив Петербургского университета, принял предложение служить в Сибири. Прослужив там в качестве следователя несколько лет, он простудился, заболел, потерял возможность ходить, вернулся на родину в Могилевскую губернию, выхлопотал пенсию 30 руб. в месяц, как потерявший здоровье на службе, и проживал в городе Могилеве. При этом матери приходилось держать настольников для заработка средств к существованию личным трудом. Отец же, не вставая с постели, умер в 1913 году.

---

1 Представленный документ озаглавлен «Заявление».

2 Комсод – комитет содействия.

В 1910 году я окончил Могилевскую гимназию и поступил в Ленинградский (тогда Петербургский) университет, в котором окончил два курса физико-математического факультета; в 1912 году перевелся на юридический (в настоящее время советского права) факультет, который окончил весною 1917 года. (Смотри прилагаем[ые] документы.)

Во время обучения в старших классах гимназии и все время пребывания в университете занимался уроками для заработка средств к существованию. В университете я получал небольшую стипендию, которая была мне предоставлена благодаря настоянию студенческих организаций.

После окончания университета весною 1917 года я работал в канцелярии Могилевского губернского комитета по народному образованию. В декабре 1918 года поступил учителем физики и математики в Досуговскую школу II ступени (Смоленского уезда). В мае 1919 года перевелся в Привольскую школу II ступени (сперва Оршанского, затем Смоленского уезда), в которой проработал в качестве заведующего и преподавателя физики и математики до 1922 года, когда эта школа была закрыта ввиду сокращения сети школ II ступени. В этом же году я был назначен Смолуоно преподавателем физики в Руднянскую школу II ступени, через год, т. е. в 1923 году я был назначен заведующим этой школой, и она была преобразована в девятилетку, я до настоящего времени в течение шести лет заведовал этой школой и преподавал в ней физику.

Еще будучи в средних классах гимназии, я интересовался вопросами общественной жизни и принимал активное участие в гимназическом революционном движении в 1905 году.

В университете беспрерывно принимал участие в работе Могилевского студенческого землячества.

В 1911 году был обыскан и арестован за участие землячества в революционном движении; я в то время был казначеем землячества. Два месяца находился в заключении под следствием за Петербургским губернским жандармским управлением. Во время империалистической войны 1914 года был обыскан Могилевским жандармским управлением вследствие инцидента, имевшего место в Могилеве во время патриотической манифестации в честь взятия Перемышля[1].

[1] Взятие Перемышля – австрийской крепости русскими войсками произошло 9 марта 1915 г. Осада Перемышля была крупнейшей осадой Первой мировой войны.

Во время Февральской революции принимал участие в организации учащихся гор. Могилева, в частности, в организации студенческого Социалистического союза в том же городе.

С самого начала знакомства с общественной жизнью пришел к глубокому убеждению в необходимости самой усиленной работы по поднятию культурного уровня широких масс трудящихся нашей страны и для осуществления этой цели направился на педагогическое поприще.

В политических партиях не состоял.

За все время работы при Советской власти, при которой я и начал впервые работать в школе, т. к. до 1917 года я учился, я принимал и принимаю активное участие в советской общественной и профессиональной работе по выборам в порядке общественной работы. В 1926-27 году был избран в члены впервые организованного Руднянского Горсовета и был руководителем секции Руднянского Горсовета по народному образованию. В дальнейшем беспрерывно работал и в настоящий момент работаю членом этой секции. (См[отри] прилагаем[ые] документы.)

С момента организации общества «Долой неграмотность»[1] работаю беспрерывно по выборам или в волсовете, или в ревиз[ионной] комиссии волсовета о[бщества] [«]Д[олой] н[еграмотность»]. (См[отри] прилагаем[ые] документы.)

С момента организации в 1919 г. Союза Рабпрос почти беспрерывно работаю по выборам или в месткоме, или в ревиз[ионной] комиссии м[естного] к[омитета], или в кассе взаимопомощи при м[естном] к[омитете] Рабпроса. (См[отри] прилагаем[ые] документы.)

Принимал участие в различных кампаниях по поручению волкома ВКП (б).

В школьной работе в качестве заведующего и учителя делал все от меня зависящее и возможное для поднятия школы на должную высоту.

Старался сократить количество договорных групп при школе. В результате чего число договорных групп сократилось в настоящее время до четырех, когда как одно время оно доходило до 12.

[1] «Долой неграмотность» – Всероссийское добровольное общество. Основано в 1923 г., ставило своей задачей всемерное содействие проведению мероприятий по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения СССР.

Взамен параллельных договорных групп открыты сетевые еврейская школа I ступени и латышская шк[ола] I ст[упени].

В течение последних двух лет у нас организован педуклон, который в настоящем 1928-29 уч[ебном] году выпустил 21 учителя для школ I ступени.

В истекшем 1928-29 уч[ебном] году при нашей школе на средства, заработанные школой путем субботника, организованы переплетная и столярная мастерские, и таким образом положено начало фактического перехода к организации обстановки для политического образования.

Все другие стороны трудовой советской школы были отражены в нашей школе.

В заключение повторю мою просьбу о предоставлении мне работы преподавателя физики и математики в одной из школ гор. Смоленска, это мне крайне необходимо потому, что, как я сказал уже выше, на педфаке Смолуниверситета обучается мой пасынок, находящийся на моем иждивении, таким образом нам приходится жить на две семьи, а это при моем заработке и при отсутствии каких бы то ни было других источников средств к существованию приводит к полуголодной жизни.

Сведения о мне и моей работе может дать инспектор Губоно т. Фалалиев, который был председателем комиссии, обследовавшей нашу школу, и Губпрос, который я одновременно прошу о содействии в получении работы в гор. Смоленске.

При сем прилагаю шесть копий с документов, удостоверяющих мое социальное происхождение, образование и общественную работу.

О результатах заявления прошу сообщить по следующему адресу: г. Рудня Смоленского окр[уга] и Зап[адной] области, школа 9 лет. Олехновичу Д.С.

ГАСО. Ф. 453. Оп. 1. Д. 261. Л. 86-90 об.

Полосин Василий Борисович,

учитель Брянского училища железных дорог

27 июля 1918 года

Родился я 24 января 1890 г. в селе Свишни Елецкого у. Орловской г[убернии]. Родители мои – бедные крестьяне того же села. Отца я лишился на первом году жизни, а на втором – лишился и матери, вышедшей по смерти отца вторично замуж, а я остался жить у дедушки (отца матери), за бездетством усыновившего меня.

Рос я в обстановке крестьянской жизни, в непосредственной близости к нищете и природе. Так как в нашей семье кроме меня детей не было, то у меня развивалась замкнутость и расположение к одиночным играм и занятиям. С самого раннего детства я полюбил вырезание из бумаги, а потом и рисование, в чем первым моим наставником и был дедушка, кстати сказать, слывший в среде крестьян за большого начетника[1].

Семи лет я поступил в свою сельскую школу. В последний год моего там пребывания появился у нас новый учитель, личность по своей энергии далеко не заурядная; этот человек в моей жизни сыграл самую крупную роль. Это был один из редких преподавателей лучшего типа учительства, не ограничивавшийся казенными расписаниями и экзаменами, нет, он стремился вывести деревню из ее беспросветности. Не буду перечислять всех его трудов в этом направлении, скажу только, что он вздумал отдать меня и еще одного моего товарища в 2-кл[ассное] М[инистерства] н[ародного] п[росвещения] училище, как единственную ступень грамоты, доступную мужику. Больших трудов стало ему уговорить наших родителей отвести нас в село за 15 верст, где было такое училище.

Жизнь в «министерском» училище ничего особенного не дала мне. Последний год я пользовался казенной стипендией (по 5 р[ублей] в мес[яц]).

На 15-м году я поступил в Карачаевскую учительскую семинарию казенным стипендиатом. Стипендия, хотя и до крайности скудная

[1] Начетник – тот, кто много читал; мирянин, допущенный к чтению священных текстов в церкви или на дому у верующих.

(10 р[ублей] в м[есяц]), дала возможность просуществовать в семинарии до конца курса. Семинарские годы в общем оставили одно из лучших воспоминаний в моей жизни. Молодость ли тому виною, или гуманное и честное общение с нами преподавателей, но мы с грустью покидали ветхие стены семинарии и в то же время были полны веры в себя, свои силы; хотелось большого, серьезного дела, хотелось быть как можно более полезным для тех деток, которых предстояло нам учить. Правда, теперь, более чем когда-либо раньше, тянуло к свету разума, к науке, хотелось хоть на шаг приблизиться к вершинам человеческого знания, но… тут встречалось именно проклятое, непреодолимое «но» в виде нищеты и пустого желудка своего и семьи.

С 1-го сентября 1909 г. я был назначен учителем в Кокинское образцовое 2-классное М[инистерства] н[ародного] п[росвещения] училище (Трубчевск[ий] у., Орловская г[уберния]), где и проработал 4 года по обязательству за семинарскую стипендию. После этих 4-х лет я все еще не мог продолжить своего скудного образования; причина была все так же – полное отсутствие средств, т. к. теперь я содержал престарелых приемных родителей.

С 1-го августа 1913 г. я перевелся на Полесскую железную дорогу. Сначала был назначен учителем в Барановичское 2-кл[ассное] М[инистерства] н[ародного] п[росвещения] ж[елезно]-д[орожное] училище, где вскоре (помимо учительства) получил под свое руководство общежитие из 90 воспитанников-сирот ж[елезно]-д[орожных] служащих. Кроме школьной работы, здесь пришлось работать с детьми-питомцами в огороде, наблюдать за работой их в столярной мастерской, за ведением всего хозяйства общежития, а главное – за воспитанием детей. Задача огромная и в идее своей как нельзя более благородная. Но, с одной стороны, чудовищная скаредность ж[елезно]-д[орожного] начальства (на воспитанника в месяц отпускалось 6 р[ублей]), а с другой – невозможный качественный состав питомцев, большинство из которых представляли собою детей виленских училищ, да притом еще отсутствие помощников, недостаток времени и всевозможные интриги и неурядицы в учительской семье не давали возможности выполнить удовлетворительно эту задачу.

В Барановичах я проработал до момента эвакуации Западного края. Общежитие было спешно ликвидировано, и я прикомандирован

к Брянской 2-кл[ассной] Полесской ж[елезно]-д[орожной] школе, а с 3 сентября 1917 г. и перечислен в штат этой школы, где и работаю по настоящее время.

В 1916 г. я лишился своих приемных родителей, и в том же году я женился. За этот последний период особенно выдающихся событий в личной жизни не было, в общем же приходится сказать, что жить необыкновенно трудно. Но судьба в эти тяжелые времена ко мне была несколько благосклонна, она обнесла меня одной из своих переполненных бедствием чаш, я говорю о солдатчине, – как железнодорожник я не был призван в ряды армии.

Вместе с революцией учащие на Полесских ж[елезных]-д[орогах] объединились в профессиональный союз. Я возлагал большие надежды на эту организацию, которая, помимо чисто професс[иональных] интересов, брала на себя и большую часть культ[урно]-просв[етительного] дела на дороге. С марта с[его] г[ода] я был избран председателем этого союза. Я и мои товарищи напрягали все усилия для достижения основных целей союза, но приходится сказать, что почти все наши начинания остались благодаря дальнейшему продвижению немцев только проектами.

Вот и все, что можно вложить в тесные рамки личной биографии, разве прибавлю еще, что семья моя в настоящее время состоит из жены и дочери полутора года, да еще, что, несмотря на сквернейшее материальное положение, я последний раз хочу бросить вызов судьбе и вновь взяться за «букварь да за азбуку», но и этот мой шаг обусловлен многочисленными «если», в ряду которых первое место занимает казенная стипендия.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 94. Л. 95-96.

Поляков Василий Филиппович,

учитель Овстугского двухклассного училища Брянского уезда Орловской губернии

22 июля 1918 года

По происхождению я крестьянин. Родился в с. Овстуг Брянского уезда Орловской губ. (26 февраля 1892 г.). Жизнь моя протекала среди простой и однообразной сельской обстановки. Отца у меня не было. Я и две сестры находились исключительно на попечении матери, которая, в силу неблагоприятных обстоятельств, лишена была возможности пользоваться землей, необходимой принадлежностью всякого крестьянина. В виду этого матери много приходилось работать, чтобы устроить маломальскую сносную жизнь.



Василий Филиппович Поляков

Тяжелые материальные условия заставили меня, мальчика, помогать матери в различных ее работах. С течением времени я стал сознательнее относиться к плохим условиям своей жизни. Мысли о лучшей жизни чаще и чаще стали возникать в моем сознании. Все это побуждало меня интенсивнее помогать матери.

Но я все же имел достаточно свободного времени, которое и любил проводить у одних знакомых, где было несколько мальчиков-учеников. Я был принят ими в свой кружок и участвовал в их различных играх. Мне особенно нравилась игра в «учителя и учеников», хотя непосредственного участия в этой игре я и не принимал, как не умеющий читать и писать. Эти игры пробудили у меня интерес к учению, и я стал просить мать, чтобы она отдала меня в школу.

Мать очень довольна осталась моим желанием и, как только исполнилось мне 8 лет, отдала меня в двухклассное училище. Здесь я с особенным интересом стал заниматься, когда моим учителем оказался заведующий школой Б.Г. Марочкин. Он так умело и интересно проводил уроки, так оживлял и заинтересовывал класс, что невольно чувствовалась авторитетная и властная рука педагога, всей душой преданного и любящего свое дело. Идти в класс этого доброго и уважаемого всеми учениками учителя, не зная урока, считалось преступлением. Только благодаря ему я стал внимательнее относиться к занятиям, благодаря ему у меня зародилась мечта быть учителем.

Наконец, в 1906 году я окончил двухклассное училище. Учитель посоветовал мне ехать в учительскую семинарию. Я с удовольствием согласился с его советом и в 1909 году, пробывши при школе 3 года стипендиатом, поступил в Каричевскую учит[ельскую] семинарию. Радости моей не было предела. Мечта моя стать учителем стала на путь осуществления.

В семинарии меня главным образом интересовали практические занятия, а ко всему остальному я относился не особенно добросовестно. Практические занятия в преподавании показали мне, как трудно вести обучение и воспитание детей и какая тяжелая ответственность лежит на учителе начального училища.

В 1913 году я окончил семинарию и в том же году поступил учителем в школу, где был учеником и где по-прежнему работал мой добрый учитель и воспитатель Б.Гр. Марочкин. Помню мое первое впечатление от посещения начальной школы. Не скажу, что оно было для меня

приятным. Объясняется это отчасти новой непривычной ролью учителя, а отчасти и сознанием, что для учителя необходимы более солидные знания, чем они имелись у меня. Работа среди мальчиков, это живое и интересное дело, скрашивало это впечатление и создавало намерение заняться собой, глубже и сознательнее войти во все тонкости живого и интересного дела – учительства.

В дальнейшей моей учительской работе было немало разочарований. Но уважаемый учитель мой, а теперь коллега по работе Б.Гр. Марочкин, умело рассеивал мои сомнения и вселял мне бодрость и уверенность в дело преподавания, а потому я не могу не выразить благодарность этому учителю за его идеальный пример в деле преподавания, ибо множество наставлений могут не стоить одного хорошего примера, а он дал мне не один, а несколько, заставивших меня глубоко задуматься.

В общем, уже я убедился, что знания мои недостаточны для педагогической работы и очень жалею, что я пренебрегал занятиями в семинарии. Это, главным образом, и побудило меня поступить в тот или другой учительский институт.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 94. Л. 124-125 об.

Пупкис Иван Юрьевич,

учитель начального училища
Сувалкской учебной дирекции

26 июля 1918 года

Родился [13 июня 1893 г.] и вырос я в деревне в небольшой крестьянской семье. С шести лет родители стали посылать меня в сельскую школу. В младших классах учился плохо, но потом поправился, а в старших классах учился довольно хорошо.

После окончания училища очень хотел поступить в какое-нибудь среднее учебное заведение, особенно тянуло меня в гимназию, но у родителей не было средств на это, и я принужден был остаться дома при хозяйстве и помогать отцу в сельских работах.

Летом на каникулах приезжали на отдых мои бывшие товарищи по школе, теперь уже гимназисты, семинаристы. Я с завистью смотрел на них, прислушивался к их разговорам, новым словам и фразам и старался по старой памяти поддерживать с ними дружбу. В постоянных веселых встречах, прогулках и беседах со своими ровесниками-гимназистами и семинаристами прошло лето, а с ним и каникулы. Не имея возможности поступить в среднее учебное заведение, я продолжал ходить к своему сельскому учителю, который за небольшое вознаграждение взялся подготовить меня в первый курс семинарии. Я, в свою очередь, помогал учителю заниматься в младших классах – исправлял работы письменные, иногда даже совсем заменял учителя, а в последнее время учитель стал доверять мне и все три младших класса на целый день, только к концу последнего урока приходил и требовал отчет от меня и от учеников. Таким образом целых два года я и сам учился, и помогал учителю учить младшие группы.

С наступлением каникул я стал ходить заниматься к сыну одного нашего соседа, только что окончившему семинарию, который обещал за лето подготовить меня к экзаменам в I курс семинарии. Проработав целое лето над приготовлением, в августе 1909 г. я поехал держать экзамен, но так как в этом году были повышены требования при поступлении, я экзамен не выдержал.

Потерпевши неудачу, временно бросил учение и занялся хозяйством, но к весне следующего года, после довольно большой […]

моим годам поездки в Сибирь (Омск) к крестному отцу и массы впечатлений пережитых за это путешествие, у меня вновь появилось непреодолимое желание учиться и масса силы и энергии. Не имея соответствующего учителя, я взялся за самообразование, а на лето, когда приехали учащиеся, я снова стал ходить к одному из своих товарищей, раньше учившемуся вместе со мной, а теперь уже семинаристу 3-го курса учительской семинарии.

Этим летом я чувствовал какое-то особенное возбуждение и проявлял особенные успехи в науке, так что за это лето я успел сделать громадный скачек вперед. Поехал на экзамен добрый, полный уверенности, что теперь я уже не провалюсь, и я не ошибся. Таким образом я добился семинарской скамьи.

За всё время пребывания в семинарии проявлял успехи выше средние, был зачислен на казенную стипендию, окончил семинарию с отличием, с правом преподавать в двухклассном училище. Окончивши семинарию, в 1913 г., с наступлением осени, был временно назначен сверхштатным учителем в своем родном селе. Пробыв здесь недели две, получил самостоятельную штатную должность – был назначен учителем Довилайуского пол. училища Волковышкого уезда Сувалкской губернии. Это была вновь открытая школа на самой границе Германии, и мне пришлось самому найти временное помещение для училища, оборудовать его, обеспечить книгами и учебными пособиями.

На первых порах потребовалась масса хлопот и усилий, пока удалось все более или менее надлежащим образом оборудовать. Так я проучительствовал целый учебный год, с осени 1913 г. до лета 1914 г. За это время, казалось, все школьное дело было налажено, занятия были поставлены на должную высоту. Я взял к себе свою сестру, стал приготавливать ее на звание учительницы, на досуге и сам изучал немецкий язык.

В июле 1914 г. вспыхнула война. Вся пограничная полоса исчезает в зареве пожаров. Улетали с дымом сначала казенные пограничные кордоны, за ними деревни, села и города. Тогда-то и потянулись во все концы света белого целые вереницы беженцев-скитальцев. В силу таких же обстоятельств и я очутился в России.

Не имея хороших знакомых, ни близких родственников в России, я поехал в Полтаву, куда была эвакуирована наша Сувалкская учебная

дирекция. Здесь я вскоре получил учительскую должность, где в земском сельском училище и проучительствовал целый год.

Весной, окончив занятия в школе, в продолжение всех каникул принимал деятельное участие в благоустройстве беженцев, комитетов, школ и приютов. Открыл приют для детей беженцев в г. Александровске Екатерин[ославской] губернии, устроил школу, в которой некоторое время и учительствовал, ездил по различным делам в Киев, Харьков и др. города. Наконец к осени поселился в Москве, где занял учительскую должность в одной из беженских школ. Я был очень рад, что мне удалось получить место в Москве, так как я здесь мог посещать различные курсы.

Первым делом я поступил на курсы для учителей-беженцев, устроенных при универ[ситете] Шанявского[1], окончив их, поступил тут же на курсы по внешкольному образованию, об окончании коих у меня имеются свидетельства. Наконец была объявлена мобилизация моих ровесников. Дабы не пришлось прозябать простым солдатом, я поступил в Киевское Константиновское военное училище, окончив которое, 1 апреля 1917 г. был произведен в прапорщики. Служил в Москве в 194 пех[отном] зап[асном] полку. 20 июля 1917 г. отправлен на Юго-Западный фронт. После октябрьского переворота – в Литовский батальон. При демобилизации армии освобожден от воен[ной] службы, и теперь, пока еще есть желание и сила, хочу во что бы то ни стало поступить в институт и продолжить свое образование.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 94. Л. 112-113 об.

[1] Московский городской народный университет имени А.Л. Шанявского – негосударственное (муниципальное) высшее учебное заведение, существовавшее в Москве в 1908-1920 гг.

Ракеев Георгий Федорович,

статистик Смоленского губстатбюро[1]

15 сентября 1924 года

Ракеев Георгий Федорович род[ился] 5/III 1860 г., в Ленинграде[2].

Образование: 1. начальное в Германии, в г. Висбаден, 2. среднее – в объеме курса реального училища и специальное – в объеме курса военного училища – в Ленинграде, в военно-учебном заведении, курс которого

---

[1] Представленный документ озаглавлен «Анкета».

[2] Род Ракеевых прослеживается с середины XVII в., он внесен в 6-ю часть (древние благородные дворянские роды) родословной книги Смоленской губернии в конце XVIII в. Все известные предки были людьми служилыми: рейтарами, драгунами и т. п.

Отец Г.Ф. Ракеева – Федор Спиридонович Ракеев – родился 18 августа 1797 г. 12-летним подростком был определен на гражданскую службу по ведомству Смоленской военной палаты, в 1814 г. получил чин коллежского регистратора. Последующие годы он быстро продвигался по служебной лестнице. В 1827 г. уволился по собственному желанию, с чином коллежского асессора и дозволением носить мундир Военного министерства.

Увольнение было связано с женитьбой на А.Е. Ромели и появлением детей. Пять лет Ф.С. Ракеев жил в доставшейся по наследству д. Витязи Смоленской губернии. Осенью 1832 г. он возвратился на службу. По Высочайшему повелению был прикомандирован к Образцовому кавалерийскому полку, а уже через четыре дня зачислен в С.-Петербургский жандармский дивизион штабс-капитаном, вследствие чего новым местом жительства стал С.-Петербург.

Ф.С. Ракеев сопровождал тело А.С. Пушкина в Святогорский монастырь, на место захоронения. В том же 1837 г. он встречал и препровождал Черногорского владетеля архиепископа Петра Петровича Негоша из Вены в С.-Петербург. В 1845 г., уже в звании полковника, Федор Спиридонович был назначен жандармским штаб-офицером С.-Петербургской губернии. Примерно в это же время становится владельцем большого каменного дома в центре С.-Петербурга (дом 4 по Николаевской улице) и приобретает в родной Смоленской губернии усадьбу в Смогирях (Николо-Ядревичах).

В 1847 г. Ракеев с сыном включены в VI часть Дворянской родословной книги С.-Петербургской губернии.

Летом 1862 г. Ф.С. Ракеев выполнил еще два поручения, получивших резонанс в обществе: арест критика Д.И. Писарева и известного публициста Н.Г. Чернышевского. В 1863 г. Федор Спиридонович (с повышением чина до генерал-майора) был назначен состоять при С.-Петербургском военном генерал-губернаторе. По упразднении этой должности в августе 1867 г. назначен состоять при Министерстве внутренних дел по армейской кавалерии. В декабре 1870 г. Ф.С. Ракеев вышел в отставку с награждением чином генерал-лейтенанта и правом носить мундир. Умер Федор Спиридонович в 1879 г. Похоронен в селе Николо-Ядревичи.

Мать Г.Ф. Ракеева – Мария Петровна Шупинская (вторая жена Ф.С. Ракеева).

окончил в 1878 г.[1] 3. высшее – Ленинградском университете (1882-1885 гг.), где вольнослушателем прослушал курс естественного отделения физико-математического факультета. Звание учителя математики получил по выдержании специального испытания в особой комиссии при Мин[истерстве] нар[одного] пр[освещения]. Звание учителя рисования начальной школы получил на учительских курсах в г. Лозанне (Швейцария). Звание техника-строителя – в особой комиссии при Мин[истерстве] вн[утренних] дел, по выдержании специального испытания. В 1923 г. в г. Смоленске прослушал временные курсы для учителей железнодорожных школ, с целью ознакомления с новейшими методами преподавания.

Служба по учебно-воспитательной части

С 1887 г. по 1914 г. состоял на службе по ведомству Человеколюбивого общества[2] заведующим приютом и учебно-ремесленным отделом Попечительства для сбора пожертвований на ремесленное образование бедных детей в Ленинграде. Занимал в П[опечительст]ве должности товарища председателя и председателя (1907-1914 гг.). За время своей службы в П[опечительст]ве имел более 3500 воспитанников и воспитанниц в возрасте от 12 до 18 лет. Более 20 лет заведовал школами Спасской и Владимирской, с воскресными и вечерними классами для учеников и учениц частных ремесленных мастерских. В школах этих безвозмездно преподавал геометрию и черчение. Обе школы состояли в ведении Русского технического общества[3] и его постоянной комиссии по техническому образованию, членом совета которой я был избран.

С 1900 по 1905 г. был директором Дома призрения[4] малолетних бедных ведомства Человеколюбивого обществ, в котором служил

[1] В 1878 г. по первому разряду окончил Пажеский корпус и был зачислен в Преображенский полк, где прослужил по 1882 г., в сражениях и войнах не участвовал, по увольнении был зачислен в запас гвардейской пехоты.

[2] Императорское Человеколюбивое общество – крупнейшая благотворительная организация, существовавшая в XIX – начале XX вв. в Российской империи. Основана 16 мая 1802 г.

[3] Русское техническое общество – научное общество, основанное в 1866 г. в С.-Петербурге, ставившее перед собой задачу содействия развитию техники и промышленности в России. Закрыто в 1929 г.

[4] Дом призрения – в дореволюционной России название благотворительных заведений с характером богадельни, дававших приют престарелым, убогим и сиротам. Дома призрения были сословные и всесословные.

безвозмездно, жертвуя положенный по должности оклад в пользу заведения.

Чтобы ускорить преобразование этого заведения, бывшего интернатом на 125 мальчиков, в возрасте от 8 до 18 лет, с 6-летним курсом двухклассного сельского училища, открыл на свои средства при Доме призрения частную торговую школу, которая через два года была принята в число заведений ведомства, а затем, вместе с Домом призрения, преобразована в 8-классное коммерческое училище, с обособлением бывших при заведении малолетнего отделения типографии и переплетной.

Состоял заведующим и преподавателем учрежденных обществом «Народный политехникум» Охтенских вечерних классов для рабочих.

В 1904 г., посетив Всемирную выставку в г. С[ент]-Луи в Североамериканских Соединенных Штатах, ознакомился с постановкою начальной школы 8-летки и привез коллекцию из более чем 700 рисунков учеников школ I ступени и по ним делал доклады об американском методе рисования (система Пранга[1]), принятой теперь в школах СССР.

Ознакомившись с занятиями педагогическим ручным трудом на курсах Отто Саломона[2] в Нэсской учительской семинарии (в Швеции) и изучив датскую методику ручного труда у Акселя Миккельсена в Копенгагене (Дания), командировал, на свой счет, преподавателя Д[ома] пр[изрения] мал[олетних] бедн[ых] И.К. Карелля на курсы Миккельсена в Данию, а затем дал возможность напечатать переведенный им

[1] Пранг Луи (1824-1909) – создатель «натурального» метода преподавания рисования. Он рассматривал предмет «Рисование» как предмет, способствующий общему развитию личности. Занятия, согласно его курсу, посвящаются не только рисованию, но даются и упражнения на развитие наблюдательности, памяти, эстетического вкуса, технической ловкости, восприимчивости к красивому в природе и искусстве. На первых порах больше внимания уделяется восприятию эстетически значимых явлений в природе, непосредственному (тактильному) изучению формы предметов, игровым методам, привлечению в преподавании рисования различных видов искусства (поэзии, скульптуры, архитектуры).

[2] Саломон Отто (1849-1907) – шведский педагог, создатель шведской системы трудового обучения и инициатор введения его в народную школу. С 1872 г. директор школы кустарных ремесел в Нэссе, с 1874 г. – учительской семинарии. Главное место в школьном образовании отводил ручному труду. При этом считал, что обучение нужно начинать не с отдельных упражнений, а с конкретных заданий, следующих друг за другом по нарастающей сложности.

с датского яз[ыка] учебник[1], одобренный Мин[истерством] нар[одного] просвещения. Система датского ручного труда лежит в основе принятой в наших школах программы ручного труда.

В 1919-21 г. состоял в Пятигорске: 1. учителем в школе I-й ступени для детей рабочих Государственного стекольного завода (бы[вшая] ст[анция] Минеральн[ые] Воды) по избрании совета рабочих этого завода; 2. на том же заводе учредил детский сад для детей рабочих; 3. занимался с неграмотными взрослыми. Во время закрытия белыми названной школы служил учителем больных I-го Военного госпиталя.

В 1922 г. состоял один учебный год учителем школы Александровской М[осковско]-Б[рестской] ж[елезной] д[ороги], на станции Присельской. В 1922/23 уч[ебном] г[оду] занимался частными уроками в Духовщинском уезде[2] с группой учеников, готовившихся к поступлению в школы II ступени.

С 1923 12/VI служу статистиком в Смоленском губстатбюро и ныне рискую остаться за штатом ввиду предполагаемого сокращения числа служащих на 40%.

Знаю практически языки: немецкий, французский и английский.

Преподаю живую немецкую разговорную речь по методике Берлица и Розенталя[3] (американской).

Деятельность по ремесленному образованию и по вопросам об улучшении правового и бытового положения учеников и учениц частных ремесленных мастерских и о предоставлении им общего образования

Вступив в 1887 г. в члены Попечительства для сбора пожертвований на ремесленное образование бедных детей и ознакомившись с совершенно бесправным и беззащитным положением детей в мастерских, этих малолетних рабов, беззастенчиво эксплуатируемых и дурно

[1] Карелль И.К. Педагогический ручной труд по датской системе: указания для начинающих учителей: по соч. Акселя Микельсона. С-Пб., 1905.

[2] Долгие годы Г.Ф. Ракеев до событий 1917 г. был церковным старостой с. Николо-Ядревичи Духовщинского уезда.

[3] Метод Берлица – методика преподавания иностранного языка, которая основана на погружении обучаемого в иноязычную среду. Методика Берлица до сих пор очень популярна и востребована.

обучаемых и содержимых владельцами частных мастерских, я выступил в 1890 г. на первом съезде по техническому и профессиональному образованию с докладом об улучшении положения ремесленных учеников и с тех пор неотступно, в ряде докладов, читаемых в о[бщест]ве содействия промышленности и торговли, в Русском техническом о[бщест]ве и других обществах проводил эту мысль. На 2-м и 3-м съездах по техническому и профессиональному образованию вопросы ремесленного ученичества были переданы специальным секциям, в которых я избирался товарищем председателя секции и заведующим выставками ученических работ. На съездах выяснилась необходимость полной реорганизации всего ремесленного устройства и составления нового ремесленного устава взамен устаревшего устава времен екатерининских.

По инициативе моей Русское техническое общество возбудило ходатайство о созыве 1-го Всероссийского ремесленного съезда, на котором я был избран председателем секции по ремесленному ученичеству, через 4 года состоялся Второй Всероссийский ремесленный съезд, которого я состоял секретарем и председателем ученической секции. Перед съездом я ездил в Германию и Францию для изучения вопроса об ученичестве у мастеров и ознакомления с устроенными по проекту Кергиенштейнера[1] школами для дополнительного ремесленного и общего образования учеников в мастерских гор. Мюнхена (Бавария).

2-й съезд в течение 3-х недель рассмотрел постатейно проект нового ремесленного устава, который был внесен в Министерство торговли, которое, однако, не успело представить его на обсуждение в Государственную Думу.

Деятельность по вопросам общественного и частного призрения

Убедившись, что наше общественное призрение и частная благотворительность, несмотря на значительные ежегодные расходы, не приносит нуждающемуся населению существенной помощи вследствие разрозненности обществ и деятелей, а также благодаря полному отсутствию системы и знания дела благотворителями, я примкнул к небольшому кружку лиц, основавших сперва «Союз учреждений детской помощи», а затем и Всероссийский союз учреждений, обществ и деяте-

[1] Кершенштейнер Георг (1854-1932) – представитель немецкой педагогики, теоретик «гражданского воспитания» и его средства – «трудовой школы».

лей по общественному и частному призрению. Состоя казначеем обоих союзов, я принимал участие в чтении публичных лекций по общественному призрению.

На созванном Первом съезде деятелей по общественному призрению и частной благотворительности (Всероссийском) был председателем секции по ремесленному образованию.

Выступал в качестве докладчика на съезде по общественному призрению, созванному Мин[истерством] внутр[енних] дел.

Состоял 2 1/2 года попечителем мастерских для взрослых слепых имени К.К. Грота (около 120 слепых, изготовлявших работ на р[ублей] 65.000). Был в числе учредителей, а затем членом совета Попечительства об охране материнства и младенчества[1]. Читал лекции по общественному призрению на курсах для заведующих приютами. В течение 5 лет был редактором журнала «Призрение и благотворительность в России»[2], издававшегося Всероссийским союзом. Участвовал в международных конгрессах по общественному призрению в Милане и Копенгагене.

Деятельность по статистике, благотворительности

Мною в течение 25 лет велась статистика в попечительстве Человеколюбивого общества о детях-ремесленниках. В 1912 г. был

---

[1] Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества было учреждено указом императора Николая II от 31 мая 1913 г. Оно состояло под покровительством императрицы Александры Федоровны. Попечительство имело целью путем охраны здоровья женщин и детей младшего школьного возраста, особенно грудных младенцев, способствовать уменьшению детской смертности и росту здорового населения в России.

[2] «Призрение и благотворительность в России» – издание Всероссийского союза учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению. Выходило в С.-Петербурге с февраля 1912 г. по апрель 1917 г. Первоначальное название – «Общественная и частная благотворительность в России», выходил ежемесячно. В журнале печатались статьи и сообщения по вопросам общественного призрения, частной благотворительности; справочные материалы о законах и правительственных распоряжениях; объявления благотворительных обществ, ответы на вопросы читателей и т. д. В 1913 г. журнал получил название «Призрение и благотворительность в России», выходило десять номеров в год. Тогда же редактором стал Г.Ф. Ракеев. В новом формате журнал состоял из общей части и тематических разделов. С началом I мировой войны журнал уделял значительное место освещению вопросов, касавшихся помощи семьям военнослужащих.

командирован в Высшие статистические курсы при Мин[истерстве] вн[утренних] дел. С началом империалистической войны состоял заведующим отделом статистики при Верховном совете по призрению семей лиц, призванных на войну. Успел закончить только обзор учреждений Москвы и Ленинграда, но эта работа погибла при разгроме толпою помещения канцелярии совета.

Участие в выставках:

1. Пом[ощник] генерального комиссара 1-й Всероссийской выставки произведений детского труда;
2. Зав[едующий] отделом благотворительности на Царской юбилейной выставке;
3. Пом[ощник] генерального комиссара Всероссийской гигиенической выставки;
4. Ежегодные отчетные выставки ученических работ в попечительстве Человеколюбивого общества.

Во время войны (1914 г. август) по моей инициативе предпринято т[оварищест]вом учреждение для детей воинов:

1. детского сада;
2. бесплатных курсов бухгалтерии;
3. учебной мастерской дамских нарядов.

Учреждение общества взаимопомощи бывших воспитанников и воспитанниц попечительства.

Остаюсь беспартийным, т. к. по возрасту не могу быть принятым в партию.

Смоленск, Молоховская пл., д. № 12, кв. 6.

ГАСО. Ф. 453. Оп. 1. Д. 234. Л. 63-64 об.

Редков Николай Никитич,
преподаватель[1]

3 октября 1918 года

Покорнейше прошу Вас ходатайствовать перед педагогическим советом о допущении меня к чтению лекций по истории литературы с методологией из числа обязательных предметов на словесно-историческом отделении института по русской литературе с семинаром на художественно-словесном цикле.



Николай Никитич Редков

Я – уроженец Смоленской губернии. Обучался в Смоленском духовном училище и семинарии. Высшее образование получил в Киевской духовной академии на словесном отделении. Еще на школьной скамье

[1] Представленный документ озаглавлен «Заявление».

русская художественная литература с критикой и публицистикой была любимым моим предметом. В семинарии увлекали меня появлявшиеся тогда песни С.Я. Надсона, очерки В.Г. Короленко, повести А.П. Чехова и пр[очих]. Прочитаны были мною статьи Чернышевского, Л. Толстого, Михайловского, Лаврова и т. д. В академии с особым удовольствием слушал я лекции о Пушкине, Гоголе, Тургеневе, Л. Толстом. Пользуясь библиотекою академии, я постарался перечитать Герцена и других запретных корифеев литературы, изучил представителей критики, начиная с Белинского, Писарева, Добролюбова и кончая Скабичевским[1], Протопоповым[2] и пр[очими]. На последнем курсе я писал сочинение на ученую степень на тему: «Литература и просвещение России в XIII веке».

По окончании образования я 10 лет преподавал русский язык, литературу и педагогику в Паричском женском училище духовного ведомства (Минской губернии). Затем 8 лет я преподавал русский язык, психологию, педагогику и методики разных предметов в Смоленском епархиальном женском училище. Наконец, 4 года я преподавал географию в Смоленском мужском училище. Не удовлетворяясь служебными занятиями, я изучал историю и Смоленска, и его края, а также продолжал следить за появлявшимися лучшими созданиями художественной литературы, а также трудами в области критики, истории общественной мысли и жизни, истории культуры и цивилизации. Сейчас я искренно желал бы со всем усердием поработать для новой трудовой школы над преподаванием русской литературы.

Художественная литература, по моему взгляду, есть выражение социальных стремлений русского народа к свободе, правде, счастью, братству. Литература вместе с критикой, публицистикой, историей общественной и политической мысли и жизни есть история социальной борьбы и социального прогресса. В моих лекциях я изложил бы историю литературы в таком именно освещении – я изложил бы ее живо, образно и увлекательно.

---

[1] Скабичевский Александр Михайлович (1838-1911) – литературный критик и историк русской литературы либерально-народнического направления.

[2] На рубеже конца XIX – начала XX вв. известно несколько Протопоповых. Вероятно, речь идет о: Протопопов Михаил Алексеевич (1848-1915) – литературный критик. Печатался в «Отечественных записках», в «Устоях», «Слове», «Деле» и «Русском богатстве».

Печатные мои труды, список которых имеется на обратной стороне обложки прилагаемой брошюры «Игнатий Смолнянин»[1], касаются более истории Смоленска; но некоторые затрагивают вопросы древней литературы.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 100. Л. 13-14 об.

---

[1] «Игнатий Смолнянин, паломник конца XVI в.» – [Смоленск, 1915]. Одноименная статья опубликована в «Смоленских епархиальных ведомостях». 1915. № 6 неофициальный отдел. С. 207-218. В публикации есть указание: «Доклад, читанный в собрании Смоленского отдела православного палестинского общества 30 марта 1914 г.».

Рубо Татьяна Ивановна,

учительница Рябцевской одноклассной школы Смоленского уезда Смоленской губернии

19 августа 1917 года

Родилась я в глухой деревушке Смоленской губ., верст за 70 от железной дороги. Мои родители имели там небольшой домик и хозяйство. Впечатлений раннего детства у меня сохранилось мало, м[ожет] б[ыть], от слишком однообразной жизни. Помню, что мы с братом бегали с крестьянскими ребятишками играть на лужайку, которая называлась «Среднее поле»; в отсутствие хозяев забирались в чужие сады и огороды, за что нам, конечно, доставалось и от владельцев, и от родителей. Еще помню, что я очень любила забраться к дедушке (он жил в этой же деревне) на пчельнике, лечь в траву и слушать, как жужжат пчелы, кружась над густой желтой акацией.

Лет с семи меня начали учить грамоте по старому букво-слагательному методу. Трудна ли была для меня эта наука – не помню. Знаю только, что я читала по Псалтири и некоторые псалмы должна была заучивать наизусть. Для внешкольного чтения у меня была книга, называвшаяся «Училище благочиния», и еще какая-то с картинками, изображавшими сердце человека в моменты его добрых и злых дел. Других книг для чтения не было, т. ч. родители мои, люди малограмотные, сами учившиеся когда-то по церковным книгам, не приобретали других для детей.

Первая книга не религиозного содержания, которую мы прочли с братом, была «Громобой, витязь новгородский». Сколько нового, помню, внесло содержание этой книги в наш детский духовный мир! И сейчас живо представляю, как мы с братом толковали о стене, в которую была замурована злой колдуньей красавица на 300 лет, и которая разрушилась от одного прикосновения Громобоя. Это мгновенное разрушение стены нас почему-то очень поражало.

Когда мне было лет 9, а брату – 7, родители продали домик и переехали в Смоленск, чтобы дать нам образование. С этого времени идут самые тяжелые воспоминания в моей жизни. Отец все время болел и уезжал лечиться по святым местам. Деньги, полученные за дом, скоро вышли, и мать принуждена была поступить на должность. Мы с бра-

том представлены были сами себе. В это время мы учились в начальной школе и жили в чужой семье.

Дальше – годы мелькали за годами… Я окончила городское училище под руководством заведующей А.В. Замятиной[1], которая приняла большое участие в моей судьбе и позаботилась о моем поступлении в гимназию[2]. О гимназии я всегда вспоминаю с благодарностью: она дала мне много хорошего.

В гимназии я пристрастилась к чтению. Хотя я и читала все без разбора, но не нахожу, чтоб это дурно на меня повлияло. Правда, м[ожет] б[ыть], более чем следует, у меня развилась фантазия, но и это, пожалуй, было неплохо, т. к. окружавшая меня действительность была слишком сера и неприглядна, а уходя в другой мир, живя жизнью героев, я забывала о ней. Вероятно, книги мне попадались хорошие даже тогда, когда я не могла сознательно различить, хороши они или дурны, потому что, как вспоминаю, я часто заставала себя на мысли, как я, сделавшись взрослей, буду делать много добра людям.

С 4-го класса гимназии меня начали мучить «проклятые вопросы» о цели жизни, о Боге… Обратиться с этими вопросами мне было не к кому, кроме гимназических подруг, но они знали ответов на них не более меня. Я опять бросилась к книгам. Где-то я прочла, что «цель жизни – служение обществу, а счастье – отдых от него». Глубоко понять это я, конечно, могла, и решила, что это самый верный ответ. Он стал руководящим в моей жизни…

---

[1] Замятина Александра Викторовна (1860 – ?) – урожденная Шереметьева, происходила из бедной семьи священника, получила образование в Смоленской Мариинской женской гимназии. Ее мужем стал преподаватель Смоленской духовной семинарии, после смерти которого, оставшись без средств к существованию, занялась преподавательской деятельностью. В 1890 г., оставаясь преподавать в женском городском училище, она была направлена Смоленским отделением Мариинского попечительства о слепых, членом которого являлась, в Александро-Мариинское училище слепых в С.-Петербурге для изучения опыта обучения слепых детей. В 1891 г. стала первой заведующей Смоленского училища слепых.

За свои заслуги на ниве просвещения в 1912 г. она была награждена золотой нагрудной медалью на Аннинской ленте. С началом Первой мировой войны А.В. Замятина направилась на фронт военных действий в качестве сестры милосердия.

[2] Поступила во 2-ю Смоленскую женскую гимназию, которую окончила в 1907 г. с золотой медалью.



Педагогический персонал Смоленской 2-й женской гимназии

В последнем классе гимназии с подругами я много говорила о курсах. Я знала, что, не имея средств к дальнейшему образованию, не могла подъехать на курсы, но мечтать об этом не переставала.

После окончания гимназии мне необходимо было искать какой-либо платной работы, т. к. средства к существованию в нашей семье были слишком скудны, а родители старели и слабели. Я поступила в одну контору, но пробыла в ней недолго. Тяжелое впечатление оставили во мне эти первые шаги моей самостоятельной жизни. Здесь мне впервые пришлось увидеть, не только читать об этом, как люди берут взятки. Помню, как я рыдала дома после этого и решила, что оставаться в этой конторе мне дольше нельзя. И, действительно, скоро я ушла оттуда.

При содействии моей дорогой учительницы А.В. Замятиной я поступила в Дровнинскую церковно-учительскую школу Гжатского уезда. Страшно мне было начинать учительствовать в такой большой школе с широкой программой. Помню, какой ужас охватил меня при одном виде огромного трехэтажного здания этой школы, и я чуть не верну-

лась домой. Я сознавала, что у меня слишком мало знаний для учительства в этой школе. Единственно, что меня заставило поехать туда, это – предложение преподавать русский язык, который был моим любимым и специальным предметом в гимназии. Много дурного и хорошего пришлось пережить мне в Дровнине. Но я об этом не жалею, так как узнала там больше, чем где-либо жизни и людей и полюбила детей и свое дело.

После четырехлетней жизни в Дровнине [в 1912 г.] я поступила на должность учительницы русского языка в частную прогимназию в г. Климовичи Могилевской губ. Когда же эта прогимназия была преобразована в казенную гимназию, я осталась в ней классной надзирательницей с преподаванием географии в младших классах. В Климовичах прослужила 5 лет, но обстоятельства военного времени заставили меня уйти оттуда и заместить моего брата – учителя, призванного в действующую армию, в Рябцевской одноклассной школе, где живут мои родители.

Узнав о возвращении учителей из действующей армии и надежде на возвращение брата, я решила подать прошение в учительский институт, чтобы продолжить свое образование, так как школа изменяется и гимназических знаний становится недостаточно для учительства.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 111. Л. 176-178.

Рыкова Антонина Михайловна,

учительница Краснинского
мужского начального училища

2 июля 1918 года

Я, Антонина Рыкова, родилась в городе Рославле в 1898 году 10 июня. Отец мой[1] был чиновник, мать – дочь псаломщика. Недолго оставались мои родители жить в Рославле. Едва мне исполнилось два года, как отца с повышением по службе перевели в Дорогобуж, где мы и прожили около семи лет. Вся же последующая наша жизнь есть почти непрерывные переезды из одного города в другой, вследствие перемещения отца по службе.

В Дорогобуже провела я все свое раннее детство, из впечатлений которого особенно неизгладимо осталось в моей памяти одно: огромный пожар Дорогобужа, когда выгорела значительная часть города, а в том числе улица и дом, где мы жили. В то время мне было три года, и с этого момента я начинаю себя помнить. Далее мне вспоминается неровная улица на окраине города с ее деревянными домиками, утонувшими в зелени садов и палисадников, в одном из которых наше семейство, т. е. отец, мать, маленькие брат и сестра, поселились после пожара. Недалеко от нашего дома кончалась улица и начиналась живописная местность: поле, овраги, кусты, ручей и «святой колодец», а дальше кладбище и лес.

С ранних лет любила я природу и проводила среди нее летом целые дни. Подруг у меня было много, и я любила уходить с ними куда-нибудь в поле или в кусты к святому колодцу и заставляла их рассказывать что-нибудь таинственное про русалок и водяных.

Некоторые из моих подруг были старше меня и уже ходили в школу. Незаметно я от них научилась читать, когда мне исполнилось семь лет, отец стал со мной заниматься и готовить меня к экзамену в гимназию. Сильно волновало меня приближение дня экзамена, но на экзамене я быстро освоилась, отвечала довольно бойко и была в числе первых принята в приготовительный класс.

---

[1] Рыков Михаил Григорьевич, по сведениям на 1903 г., титулярный советник, полицейский надзиратель 2-го участка г. Дорогобужа.



Здание Дорогобужской женской гимназии

С восторгом стала уж я думать о книгах, занятиях, но, прейдя домой, мне пришлось сильно разочароваться. Как раз в тот день отец получил перевод по службе в город Белый, и нам предстояло немедленно переехать туда. Меня это известие страшно поразило и обеспокоило относительно моего учения, но отец успокоил меня, говоря, что переведет меня в Бельскую гимназию.

Начались сборы к отъезду. Предстояло весь путь, сто двадцать верст, проехать на лошадях. Собравшись наконец, мы в одно хорошее августовское утро выехали из Дорогобужа. Я плакала, прощаясь с любимыми уголками природы, где я провела лучшие годы своей жизни. Наше путешествие тянулось несколько дней и с большими трудностями и неудобствами. Новые места и люди меня интересовали, и я внимательно наблюдала окружающее. Через несколько дней после приезда я отправилась в гимназию и стала продолжать учение.

Всего два года прожили мы в Белом. Отец вдруг заболел. Пришлось подать в отставку и переехать на лечение в Смоленск. С этого времени положение наше в материальном отношении очень пошатнулось. На лечение отца пошли все бывшие у нас сбережения. Отец вскоре

оправился от болезни, но службы себе найти не мог, и три года мы прожили в Смоленске в бедственном положении. Я училась в то время в Смоленской Мариинской гимназии. Переход из одной гимназии в другую, болезнь отца и бедность сильно отразились на моем ученье. Положение становилось все хуже. Но вот, к счастью, родной дядя моей матери – полковник предложил отцу ехать на службу в Оренбург, где он обещал просить у губернатора, служившего с ним когда-то в одном полку, дать моему отцу место. Отец согласился, т. к. ничего не оставалось более делать. Место было выхлопотано в Оренбург.

Оренбургские степи произвели на меня сильное впечатление своим необъятным простором. В Оренбурге я поступила в 4 класс гимназии. Отец служил за двадцать верст от Оренбурга в одном татарском местечке, раскинувшемся среди степи. Зимой отец жил там один, а мы, т. е. я, сестра и три брата должны были учиться в Оренбурге и жить с матерью.

По окончании ученья мы переезжали жить к отцу и проводили лето среди дикой природы и среди одних татар. Меня интересовала жизнь и обычаи татар, и, находясь постоянно среди них, я понемногу стала их понимать и говорить на татарском языке.

Тяжелая служба снова расстроила здоровье моего отца, и пришлось ее оставить. В это время умер мой дедушка, оставивший отцу небольшой домик в городе Красном. Отец решил поехать на родину и поселиться в своем доме. Я в то время училась в 6 классе гимназии. Не дожидаясь окончания моего ученья, родители оставили меня одну в Оренбурге, уехали в Смоленскую губернию. Я же через два месяца, выдержав экзамен в 7 класс, одна приехала в Смоленск, с большими трудностями в пути по железной дороге.

С переездом в свой дом материальное положение наше не изменилось. Отец был без службы и хотя и получал небольшую пенсию, но ее не хватало на содержание семьи, тем более, что мне необходимо было кончить гимназию и жить одной в Смоленске. Мне приходилось или бросить ученье, или самой зарабатывать себе денег уроками на жизнь в Смоленске. Я решила последнее, и мне вскоре удалось найти урок за стол и квартиру. Благодаря этому я имела возможность учиться в 7 классе.

Учась в 8 кл[ассе], я тоже имела несколько уроков, и так в 1915 году окончила гимназию. Приехав по окончании гимназии в Красный, посту-

пила учительницей в городское начальное училище и прослужила один год. После окончания школьных занятий мне предложено было место учительницы и воспитательницы детей в Краснинский приют на летние месяцы. Работа в приюте мне понравилась, и я решила остаться в нем служить, оставив городское училище. Я прослужила в приюте два года.

Продолжить учение свое дальше всегда было моей мечтой еще с окончания гимназии, но материальные условия не позволяли этого, и каждый год приходилось откладывать. Но все же надеюсь, что когда-нибудь это осуществится.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 94. Л. 136, 136 об., 141, 141 об.

Сидорович Василий Александрович,

смоленский мещанин

20 июля 1916 года

Родился я 30 января 1898 года в небольшом имении «Площино» Могилевской губернии Оршанского уезда. В 1902 году отцом моим был куплен в этом же уезде фольварк[1] «Стаи», куда в начале 1903 года перебралось все наше семейство.

До семи лет детство мое протекло в довольно благоприятных условиях, но в 1905 году дела отца сильно пошатнулись, и с этого времени жизнь стала тяжелая. Семи лет я стал работать, поскольку позволяли мои силы. 8 лет я стал ходить в школу в соседнюю деревню. Даже в учебные дни мне приходилось работать дома, но все-таки учебных дней не пропускал и через три года окончил земскую школу.

Учился я хорошо, так как обладал хорошей памятью и любовью к учению. Отец хотел, чтобы я прекратил свое учение и помогал ему работать, так как дела его были все еще в скверном положении. Но благодаря моим мольбам и просьбам бывшего моего учителя меня пустили учиться в 2-классное училище М[инистерства] н[ародного] п[росвещения] в местечке Микулино.

В 1911 году я окончил курс 2-классного училища. В этом же году я поступил во 2-й класс 3-го Смоленского высшего начального училища и в 1914 году окончил курс. К этому времени у меня уже ясно определилось стремление к педагогической деятельности, и я поступил слушателем педагогических курсов при 1-м Смоленском высшем начальном училище. Здесь у меня развилась любовь к педагогическому делу.

В 1915 году я держал вступительный экзамен в Смоленский учительский институт, но не имея средств и времени на основательную подготовку, не мог выдержать. В 1916 году закончил курс Педагогических курсов, и, стремясь к своей заветной цели, решил держать вступительный экзамен в институт, несмотря на свое тяжелое материальное положение.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 111. Л. 218, 218 об.

---

[1] Фольварк – усадьба, обособленное поселение, принадлежащее одному владельцу, помещичье хозяйство.

Сильвестрова Юлия Сергеевна,

учительница Балтутинского двухклассного училища Ельнинского уезда Смоленской губернии

16 июля 1918 года

Дочь бедного и многосемейного крестьянина, родилась 12 декабря 1888 г. в деревне Петричино Смоленской губернии и уезда. Семья, в которой я жила первые двенадцать лет, состояла из семнадцати человек. Много тяжелых картин и произвола насмотрелась я здесь. С тревогой вспоминаю те ссоры, брань, ругань и даже побои, которые происходили между членами семьи, обиженную и оскорбленную маму, нас, детей, плачущих вместе с нею, и отца, утомленного работою, угрюмого и всегда молчаливого, который бывал дома только по праздникам, а будни работал у соседей и который никогда никому не возражал. Заработанные деньги всегда отдавал дедушке. От этих мрачных семейных сцен я часто зарывалась в постель, затыкая уши пальцами, или убегала из дому. Простояв где-нибудь час-два, возвращалась в избу, дрожа, как в лихорадке. Идешь, бывало, в поле работать и прислушиваешься ко всяким спорам и крикам, боишься за родителей. Тяжелы эти воспоминания, они всегда тревожат и терзают мою душу до глубины. Сохранилось приятное воспоминание о подругах, с которыми я так любила играть в куклы, шить им наряды, строить из газет и коробок домики и стряпать обед. В общем же детство, как детство заброшенных детей невежественной деревни, прошло бледно, скудно и однообразно.

Восьми лет меня отдали в сельскую одноклассную школу, где я проучилась три года. Помню нашего доброго учителя, который сообщал нам грамматические и арифметические правила, сказок почти не читал и на дом не давал. Ясно представляю, как мы, ученики, барахтались в снежных сугробах и, несмотря на глубокие снега и сильные морозы, ежедневно посещали училище, до которого от нашей деревни было 1 1/2 версты.

В 1901 году, по совету учителя, родители определили меня в Талашкинскую с[ельско]-х[озяйственную] школу, которая находилась в шести верстах от дома. Несколько первых месяцев и здесь жилось несладко, дедушка, дядюшки и тетушки ворчали на родителей за ту провизию, которую мама доставляла мне в школу еженедельно;



М. и В. Тенишевы, гости, учителя и ученики перед зданием сельскохозяйственной школы во Фленове. Из частного собрания

недовольство это продолжалось до тех пор, пока меня приняли на казенный стол (все ученики старших классов пользовались казенным столом).

Остальное время, школьную жизнь вспоминаю с восторгом. Жизнь совсем иная. Работа в поле, огороде, саду, лугу, на пасеке и скотном дворе сопровождалась песнями и смехом, доставляла большое удовольствие; она исполнялась всеми учениками, девочками и мальчиками, под руководством и наблюдением учителей. Здесь можно было свободно и легко доставать книги для чтения, многому научиться, развить память, мышление, воображение, наблюдательность.

Благотворительница и попечительница этой школы княгиня Тенишева[1] устраивала спектакли, экскурсии в Смоленск, вечера, на которых частенько раздавались сладости, существовал балалаечный оркестр – словом, жизнь была светлым днем, о ней сохранились самые хорошие воспоминания.

Окончив эту школу в 1904 году, я при содействии княгини занималась несколько месяцев с учителем и в августе 1905 г. держала экзамен при Смоленском Александровском реальном училище на звание учительницы, а в сентябре того же года поступила учительницею в Талашкинскую одноклассную школу (с[ельско]-х[озяйственная] школа была уже закрыта).

Началась трудовая самостоятельная жизнь. С тревогой я приступала к новому для меня делу. Боялась своей неопытности, непослушания ребят, боялась быть не на месте; но, к счастью, скоро привыкла к ребятам, и работа пошла сравнительно ровно. В этой захолустной, одинокой, серенькой жизни учительской ребята, эти милые, простые и безобидные дети, были единственным утешением. Частенько проявлялось желание поговорить с кем-нибудь, поделиться впечатлениями, спросить совета, почитать, но все это оставалось желанием, осуществить же [его] немыслимо при тех условиях, в которых жил наш народный учитель.

[1] Тенишева Мария Клавдиевна (урожденная Пятковская, 1858, С.-Петербург – 1928, пригород Парижа) – княгиня, русская дворянка, общественный деятель, художник-эмальер, педагог, меценат и коллекционер. Основательница художественной студии в С.-Петербурге, Рисовальной школы и музея «Русская старина» в Смоленске, училища ремесленных учеников в городе Бежица, а также художественно-промышленных мастерских в собственном имении Талашкино.



Здание Смоленского Александровского реального училища



Здание Смоленской Мариинской женской гимназии

За три года учительства я могла только съездить в Москву, с которой познакомилась отчасти. Семейное положение в это время изменилось: дедушка отделил отца, дав ему 6 десятин земли на 10 человек, следовательно из своих жалких грошей (20 руб[лей]) я должна была часть давать отцу.

Чувствовала я и недостаточность своих знаний, стремилась пополнить их. Не имея ни гроша в кармане, поддержки тоже не от кого было ожидать, надеясь на свои силы и добрых людей, в 1908 году я поступила в VI класс Смоленской Мариинской жен[ской] гимназии. Трудновато приходилось, но, несмотря на все трудности и горечи, которые выпадали на мою долю, я не падала духом, нравственное удовлетворение всегда поддерживало меня, и я была довольна и счастлива. После занятий бегала по частным урокам и тем добывала для себя все необходимое.

Было искреннее желание продолжить образование после гимназии, но силы надорвались, и я в 1911 году поехала в деревню учительствовать. На этот раз материала для школьников больше, учительствовать легче, занятия не затрудняли, но зато общественное и материальное положение народного учителя не изменилось, все та же картина: книг нет, газет нет, общества нет, гнет попечителей и, наконец, нищенское жалование.

Полагала проучительствовать года два, заработать денег и двинуться вперед, но это желание не оправдалось. В семье недостаток, там сестра поступила в семинарию, а прошлый год и брат, помощь нужна усиленная. Чтобы покрывать недочеты, приходилось каждое лето, вместо необходимого для учителя отдыха, усиленно работать. Ждала улучшения в жизни, более благоприятных условий и, не дождавшись, решила, пока есть желание и силы, поступить в Смоленский учительский институт. Это мое искреннее желание, и я буду счастлива, если удастся поступить.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 99. Л. 273-274 об.

Сокович Николай Иванович,

учитель начального училища
Климовичского уезда Могилевской губернии

25 сентября 1918 года

Я сын бедного крестьянина, родился [4 декабря] 1894 года в Могилевской губернии Климовичского уезда, в деревне Жуковке. Первоначальное воспитание я получил в своей родной семье, а на 10 году меня отдали в начальную школу – соседнюю деревню. Здесь мне пришлось учиться четыре года, которые всецело были связаны с моей родной семьей. Так что школа, семья и деревня не покидали меня, и я – их.

Путешествуя каждый Божий день за две версты в школу со своими товарищами, мне пришлось с малолетства приучить себя к различным изменениям погоды: холоду, вьюге и морозу. Все это упорно и даже с каким-то удовольствием переносил я, надеясь, что скоро окончу курс начальной школы. Действительно, по прошествии четырехлетнего учения мне первый раз пришлось испытывать страх и радость, когда я был представлен к экзамену. Мне живо вспоминается все – как мы готовились к нему, как я робел и как возвращался домой. Казалось, что дальше учиться мне не было никакой возможности. Я думал, что придется горестно разделить крестьянский труд вместе со своей семьей. Хотя, правда, было желание и стремление поступить в двухклассную школу. Но об этом желании никто не знал до осени.

За месяц до начала учебного года я стал просить отца отдать меня в двухклассное училище – ближайшее местечко. Долго не соглашался отец. Но потом, видя мою неотвязчивую просьбу, решил отдать меня учиться и только на одну зиму. С большим трудом и со слезами мне пришлось учиться два года в двухклассной школе. По окончании ее мне предложили быть помощником в одном народном училище. Я с радостью согласился, надеясь получить все от добра и учителя.

Петр Сергеевич полюбил меня, часто беседовал со мной, давал мне читать книги, а с наступлением летних каникул я начал готовиться у него к поступлению в Могилевскую учительскую семинарию. Неоценимый Петр Сергеевич часто уговаривал моего отца, который хотел взять меня на летние работы, оставить меня у него. Я теперь должен признаться, что только благодаря Петру Сергеевичу мне пришлось

поступить в семинарию, во время четырехлетнего пребывания в которой мне пришлось работать, сознавая, что я будущий работник на ниве народной. Живя этой мыслью, для меня незаметно прошло семинарское время, и я осенью очутился уже учителем начальной школы.

В одной из школ с крестьянскими детьми мне пришлось работать два года, после чего я был призван на войну, где и пробыл один год. Может, если бы война не разъединила меня с детьми и со школой, то я бы и сейчас не решился поступать в учительский институт. Сознавая, что я больше принесу пользы в педагогическом мире, и несмотря на бедное мое материальное положение, я все-таки решил учиться.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 94. Л. 188-189 об.

Соколов Евдоким Елисеевич,

учитель-заведующий Чернопенским двухклассным Министерства народного просвещения училищем Костромского уезда Костромской губернии

18 июля 1916 года

Обыкновенный человек в состоянии воспроизвести в памяти события более зрелого своего возраста. Многие из людей могут вспоминать случившееся только на седьмом году их жизни, а о своем предыдущем существовании знают только по рассказам других. К последней категории людей, к сожалению, принадлежу и я. О своих первоначальных годах у меня сохранились обрывочные воспоминания из рассказов бабушки-няни.

Родился я в тысяча восемьсот восемьдесят пятом году, 26 июля, в бедной крестьянской семье, в небольшой деревушке Смоленской губернии Бельского уезда Шантовской волости, прозываемой «Вараксино-Михеево». Неустанными трудами известного педагога С.А. Рачинского и в нашем захолустном уголке возникла церковно-приходская школа. Покойный учитель не только плодил школы, но всеми мерами старался расположить к ним население и показать на примерах пользу образования. С этою целью многих крестьянских детей он сам учил и содержал на личные средства, а потом, в зависимости от способностей и призвания каждого, направлял в другие учебные заведения, расчищая дорогу многим талантам-самородкам. Неоднократно он заглядывал в убогие хибарки крестьян, просиживал там целыми часами, уговаривая отцов посылать детей в школу. Под влиянием его бесед мои родители, несмотря на беспросветную бедность, на восьмом году заставили меня посещать церковно-приходскую школу.

Учитель, питомец Рачинского и педагог по призванию, заинтересовал нас учебными предметами и всеми мерами старался приохотить к учению. Немало помогали ему посещения школы Сергеем Александровичем: они были просветом в нашей трудовой жизни.

Три года учения в родной школе прошли незаметно. На следующую осень я числился учеником Шантовского 2-классного училища, отстоящего от нашей деревеньки в пяти верстах. Ни бедность отца, ни холод, ни ежедневный десятиверстный путь, заносимый в зимнюю

Гербовая марка шестьдесят коп. 1910 г.

Гербовая марка пятнадцать коп. Дек. 27/9

Московской Синодальной Типографии

ВЫПИСЬ ИЗЪ МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, О РОДИВШИХСЯ, ЗА 1885. ГОДЪ.

Счётъ родившихся. Мужеска пола.	Счётъ родившихся. Женска пола.	Месяцъ и день рожденія.	Месяцъ и день крещенія.	Имена родившихся.	Званіе, имя, отчество и фамилія родителей, и какого вероисповеданія.	Званіе, имя, отчество и фамилія воспріемниковъ.	Кто совершалъ таинство крещенія.	Рукоприкладство свидетелей записи по желанію.
43	—	Июль 26	28	Евдокимъ.	Шопотовской волости, дерев. Михеева военный Елисей Евдокимовъ и законная жена его Матрена Гаврилова, оба православные	Той же волости, дер. Саввина Гаврiилъ Федотовъ и Бельскаго уезда Ивана Яковлева Шишлакова жена Екатерина Егорова	Священникъ Іоаннъ Лидовскій съ псаломщикомъ Иваномъ Романовскимъ	

1910 г. Декаб. 27 дня. № 1404

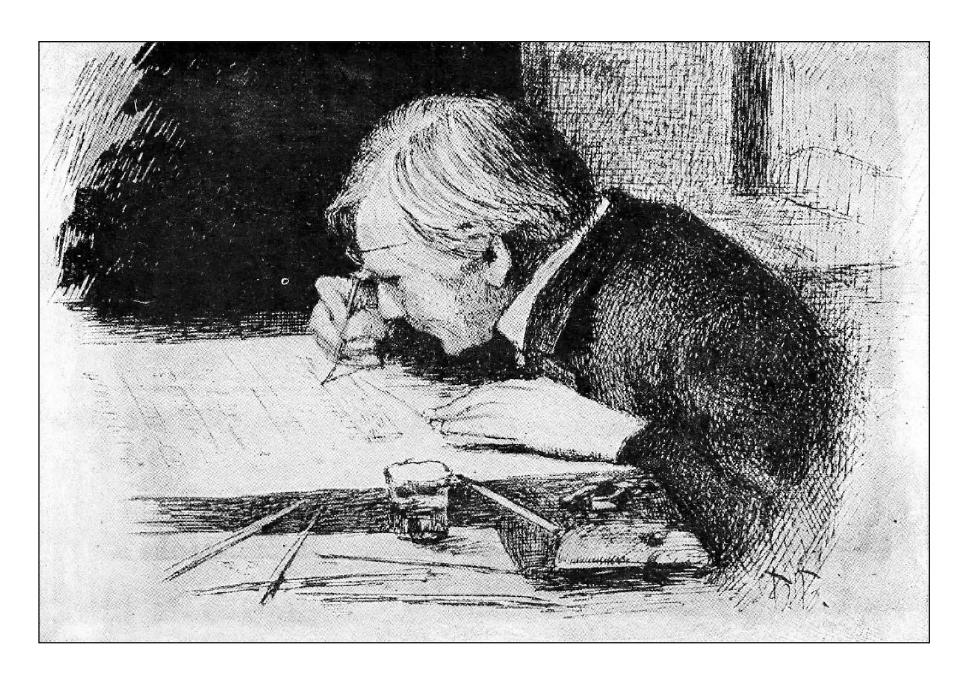
Выпись сія съ копіей метрической книги во всемъ согласна. Выдана учителю Евдокиму Елисееву Соколову для представленія въ пенсіонную кассу, что съ приложеніемъ церковной печати и гербовой марки в 75 к. удостоверяемъ своими подписями съ приложеніемъ церковной печати Смоленской Епархіи Бельскаго у. Успенской церкви с. Шопотова Священникъ Димитрій Журавлевъ.

Діаконъ Симеонъ Васильевъ

И. д. псаломщика Михаилъ Логиновъ

(Печать: Бельскаго уезда села Шопотова Успенской церкви)

Метрическое свидетельство о рождении Е.Е. Соколова



С.А. Рачинский за работой. Художник Н.П. Богданов-Бельский

бездорожицу огромными сугробами, – ничто не мешало мне и моим товарищам сравнительно аккуратно посещать школу.

Наш обожаемый учитель Рачинский, как попечитель училища, не забыл «милых деток» и здесь. Его посещения неизменно сопровождались подарками и беседами, а в год окончания курса мы два весенних дня провели в дорогом ему Татеве[1], носясь по саду, парку, роскошным цветникам и оранжереям в обществе чрезмерно любимого «отца детей».

В день акта С[ергей] А[лександрович] в последний раз приехал в Шантово (с 1903 года по болезни он редко покидал имение). Помню, как сейчас помню, маленькую фигурку седенького старичка,

[1] Татево – усадьба, купленная дворянами Рачинскими в начале XIX в. Располагалось в Бельском уезде Смоленской губернии, ныне – в Оленинском районе Тверской области. Здесь в 1870-х гг. выдающийся педагог С.А. Рачинский создал первую в России школу с общежитием для крестьянских детей.

одетого с ног до головы в белое одеяние, с ясным светлым взором и сияющим любовью лицом, окруженную «детками» и учительским персоналом. «Покровитель народного образования» взял с наших отцов обещание не препятствовать нашему стремлению учиться. Рекомендовал он по преимуществу Дровнинскую церковно-учительскую школу Смоленской губернии, где один из его любимейших помощников, В.А. Лебедев, исполнял обязанности заведующего и во всем следовал примеру покровителя.

Через три года я уже покидал гостеприимный кров Дровнинской школы с дипломом народного учителя. С какой неохотой мы расставались с незабвенными преподавателями, так много хорошего сделавшими для нас, тем более, что дальнейшая жизнь для нас была полна неизвестности. В прощальной речи В.А. Лебедев, стараясь ободрить нас, напутствовал такими словами: «В жизни много хорошего, верьте правде, ищите ее и, уча других, учитесь сами, старайтесь быть мудры, как змеи, и просты, яко голуби». С такими заветами выходил я на самостоятельную дорогу и с 1-го ноября 1905 года вступил в отправление обязанностей учителя Феодоровской церковно-приходской школы Рославльского уезда Смоленской губернии.

Желание устроиться вблизи более или менее культурного центра побудило меня перевестись на должность учителя Михейковской церковно-приходской школы Смоленского уезда. Трехгодичная учительская практика в заброшенных и забытых всеми церковных школах, практика, полная огромных усилий и разочарований, а также личное знакомство с постановкой учебного дела и условиями учительства в министерских и земских училищах, привели меня к убеждению, что большей глубины бороздку я могу проехать на ниве народного просвещения, служа в народных земских школах. Фортуна улыбнулась мне. По предложению господина директора народных училищ Костромской губернии я переведен был на службу вторым учителем Саметского 2-классного М[инистерства] н[ародного] п[росвещения] училища Костромского уезда. С 1-го января 1912 года, помимо моего желания, я назначен заведующим Чернопенского 2-классного М[инистерства] н[ародного] п[росвещения] училища, где состою учителем и по настоящее время.

Помня заветы дорогих учителей: «учи других честно», я припомнил и вторую часть их добрых пожеланий: «учиться никогда не поздно и,



СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Предъявитель сего Соколовъ Евдокимъ Елисеевъ, сынъ крестьянина д. Михъевой, Шопотовской волости, Бѣльскаго уѣзда, Смоленской губерніи, родившійся тысяча восемьсотъ восемьдесятъ пятаго года двадцать шестого іюня обучался съ 1902 года въ Дровнинской церковно-учительской школѣ, въ которой и окончилъ курсъ ученія въ 1905 году, оказавъ при поведеніи отличномъ (5) слѣдующіе успѣхи:

1) по Закону Божію отличные (5)
2) Церковной исторіи, общей и русской отличные (5)
3) Дидактикѣ и главнымъ основаніямъ педагогики очень хорошіе (4)
4) Церковному пѣнію, съ обученіемъ регентованію и музыкѣ (теорія) хорошіе (3)
5) Церковно-славянскому языку хорошіе (3)
6) Русскому языку, словесности и исторіи литературы очень хорошіе (4)
7) Исторіи всеобщей и русской отличные (5)
8) Географіи всеобщей и географіи Россіи очень хорошіе (4)
9) Математикѣ: ариѳметикѣ, главнымъ основаніямъ геометріи и землемѣріи очень хорошіе (4)
10) Свѣдѣніямъ о природѣ, ея силахъ и явленіяхъ очень хорошіе (4)
11) Черченію и рисованію отличные (5)
12) Гигіенѣ очень хорошіе (4)

за каковые и удостоенъ Совѣтомъ сей школы, на основаніи ст. 56 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 1 апрѣля 1902 года Положенія о церковныхъ школахъ, званія учителя начальнаго училища.

По отбыванію воинской повинности онъ, С-о-к-о-л-о-в-ъ, пользуется, на основаніи п. 1 отд. II ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго 1 апрѣля 1902 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, льготою II разряда, установленною п. 2 ст. 64 Устава о воинской повинности.

Въ удостовѣреніе чего и дано ему, С-о-к-о-л-о-в-у, сіе свидѣтельство отъ Совѣта Дровнинской церковно-учительской школѣ, за надлежащимъ подписаніемъ и приложеніемъ печати Совѣта.

Исп. обяз. Завѣдующаго школою свящ. Н. Виноградовъ

Учители: Василій Кедровъ

№ 63

1905 г. ав. 13 ч.

Гжатскъ, тип. В. И. Подосѣнова.

Свидетельство об окончании Е.Е. Соколовым
Дровнинской церковно-учительской школы

уча других, сам учись». Долго сдерживаемое родной семьей, где я был опорой, страстное желание учиться сильно и тревожно забилось с уходом годов и потерей дорогого времени в злобной борьбе с постыдной нищетой, окружающей очаг старика-родителя. Созрело непреклонное решение оставить на время летом отцовскую соху и борону с косой и приняться за учебники. С другой стороны, первоначальное честное труженичество ради хлеба насущного сменилось от времени, фактора, изменяющего все, побуждениями высшего порядка. Подновить те отжившие приемы и методы, которыми руководствовались десятки лет тому назад, приобрести новые знания и более серьезную подготовку, дабы с большей пользой распространять вокруг себя свет, знания, добро и правду – вот мотивы, побудившие меня робко, но настойчиво постучаться в дверь Смоленского учительского института.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 71. Л. 31-36.

Старченков Михаил Васильевич,

учитель Сасовского двухклассного Министерства народного просвещения училища Тамбовской губернии, личный почетный гражданин, родившийся 3 ноября 1871 года

1 ноября 1916 года

Я происхожу из крестьян села Ново-Никольского Козловского уезда. Домашнее воспитание получил под руководством деда, заштатного священника, который оказывал материальную помощь семье. Благодаря заботам деда я рано выучился грамоте.



Михаил Васильевич Старченков

Когда в нашем селе впервые открылась земская школа, то я поступил в старшее отделение училища. По окончании начальной школы я стал готовиться в Козловское уездное училище. Выдержав экзамен во 2-й класс этого училища, я успешно через 2 года окончил его.

Но полученное образование в уездном училище меня не удовлетворяло. Имея с ранних лет влечение к учительству, я решил добиться этого звания. С этою целью я отправился в Тамбов, где по выдержании конкурсного экзамена был принят в приготовительный класс Екатерининского учительского института, который через 4 года в 1891 году окончил в числе лучших учеников. В том же году, по рекомендации институтского начальства, был определен учителем в Сасовское 2-классное министерское училище, где и состою преподавателем 2-го класса в течение 25 лет.

Кроме занятий в своей школе, я преподаю пение в 2-х Сасовских гимназиях и состою регентом в приходской церкви.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 70. Л. 117.

Сычеников Александр,

учитель Зайцевского двухклассного Министерства народного просвещения училища

12 августа 1917 года

Родился я в 1893 году 29 августа. На пятом году от рождения я лишился своего отца, после смерти которого вся забота о семействе перешла к матери. Когда мне исполнилось девять лет, она отдала меня учиться в соседнюю школу, которую я и окончил через три года.

По окончании этого училища мать стала усматривать во мне помощника в своей жизни и поэтому послала меня на плохой лошаденке торговать по деревням мелким товаром. Не стану описывать тех затруднений и бедствий, которые я пережил за это время. В круговороте этого бытия я находился около двух лет, после чего я стал проситься у матери, чтобы она отдала меня учиться в двухклассную школу, которая, к великому моему счастью, открывалась в том же селе, где проживала мать. Этому желанию мать не стала противиться, и я поступил в Батуринское двухклассное училище, которое и окончил в 1910 году.

По окончании этого училища местный учитель стал мне советовать поехать поступать в одну из учительских семинарий. С этих пор я стал горячо упрашивать свою мать, чтобы она отпустила меня учиться. Мать, мотивируясь критическим положением семейства, долго не соглашалась, но потом, благодаря советам учителя, отдала меня в семинарию. После этого я стал усердно готовиться, ввиду слабой подготовки (я готовился три недели). Я не решился поехать в свою ближайшую Алферовскую семинарию, а поехал в Прибалтийскую, где сравнительно легче было поступать. Цель моя оправдалась успехом.

Пережив все эти затруднения, мне казалось, что моя жизнь потечет тихим и спокойным темпом. Но оказалось противное. На третьем году обучения у меня умер брат, бывший до своей смерти кормильцем матери. После смерти его я по семейным обстоятельствам был взят домой. Прожив год дома, я опять возобновил учение и в 1915 году окончил семинарию.

По приезде из семинарии у меня померла мать, завещав мне некоторую сумму денег (300 рублей). Осенью 1915 года я подал прошение

о назначении меня народным учителем, в должности которого я и пробыл два года.

За все время моего пребывания в должности учителя у меня была единственная мечта – поступить в институт. Мечта эта ныне исполнилась, и я чувствую духовную удовлетворенность. Приходится только опасаться за источники своего существования. Но при этой мысли мне хочется верить словам, и я верю им: «Бог не без милости и свет не без добрых людей».

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 99. Л. 52-53 об.

Толчинская Евгения Филипповна,

бывшая учительница Мошевского начального училища Краснинского уезда Смоленской губернии, родившаяся 18 января 1888 года

25 июля 1917 года

Раннее детство помню смутно, гимназистские годы оставили самые светлые воспоминания. После окончания гимназии я уехала на урок к брату в Минскую губернию, где готовила его сына в первый класс гимназии, кроме этого я сама брала урок английского языка. Возвратившись в Смоленск, я снова давала уроки.

Решив на будущую зиму ехать на курсы новых языков Лохвицкой-Скалон (Петроград), я начала заниматься французским языком для того, чтобы пройти за весь год то, что проходят на первом курсе. Обстоятельства в это время изменились так, что мне нечего было и думать ехать на курсы.

Было очень тяжело… Я подала прошение инспектору народных училищ о зачислении меня на службу земской учительницей. Меня назначили недалеко от Смоленска. С чувством самой безграничной апатии поехала я в первый раз в школу. Боже, как все показалось мне убого! Квартира учительницы была в избе, мебели почти никакой. Поступила я сюда в январе и пробыла до окончания зимы, а потом была переведена в министерскую школу Краснинского уезда. Заведующим этим училищем был муж моей сестры, т[ак] что я жила снова в семье.

Я полюбила свое дело. Я вела первое отделение, и были все такие славные ребятишки. И как жаль их бывало по временам! После уроков на большой перемене уплетают свой хлеб, а если останутся ночевать в школе и есть же даже нечего, то ведь целый день на сухоедении.

Бывали страшные морозы, вьюги, занесет все сугробами, страшно вылезти из комнаты, а поглядишь на дорогу – ползут маленькие человечки, ежеминутно утопая в снегу, иногда идут версты за три. Такая удивительная выносливость и такое желание учиться! Невольно почувствуешь уважение к этим маленьким людям. Они так не избалованны, так ценят те маленькие удовольствия, которые им иногда доставляешь, как, напр[имер], елка или же бесплатные лотереи.

Из министерской школы я перешла в Краснинское женское городское училище. Здесь я вела третье отделение, а также преподавала рисование в старших отделениях. В числе учениц, к моей радости, оказалось много способных. С каким увлечением они рисовали программы к своему школьному празднику. Ставили детский спектакль «Снежная королева». Много пришлось поработать нам, учительницам над этой вещью, но зато действительно вечер удался. Все лампы в зале (ставили в Народном доме) были затянуты зелеными абажурами, с потолка спускались гирлянды из елок, засыпанные ватой, как снегом, на стене была огромная афиша, где масляными красками был изображен зимний пейзаж. Перед сценой в размер ее была сделана рамка, затянутая бледно-голубой кисеей, так что, глядя на сцену, казалось, что все видишь в сказке…

Я всею своею жизнью мечтаю о путешествиях, но как же путешествовать, имея мало денег. Служа в Красном и имея частные уроки, я немного собрала денег и с одной своей подругой поехала с экскурсией по Волге и Каме до Перми. Все экскурсанты должны были собраться в Москве. Я выехала за неделю для того, чтобы хорошенько изучить Третьяковскую галерею. Наконец-то передо мной не копии, не открытки, а подлинные Репин, Васнецов, Шишкин и др.

Помню, долго я стояла перед небольшой картиной Саврасова «Грачи прилетели». Нежно-голубое небо, чуть-чуть тает снежок, видна белая церковка и много, много грачей. Так от нее и повеяло ранней весной. А «Березовую рощу» Куинджи. Копии дивных солнечных пятен! Вообще много я пережила хорошего в этой галерее! Нечего говорить, что я осталась очень довольна своим маленьким путешествием. Часто, сидя в школе и вспоминая свои переживания, я думала с тоской: «Какая масса красоты еще не видана и неужели не удастся побывать в Италии, в Крыму, на Кавказе!»

В Красном сокращали комплект учительниц, из учительниц оставили только трех, самых пожилых. Я уехала в земскую школу того же Краснинского уезда. Меня в земстве предупреждали, что школа очень опущена, но сил у меня было еще много тогда, и я с увлечением принялась за работу.

Условия для жизни были довольно плохие, неудобная квартира и много другого. Особенно тяжело пришлось в эту последнюю зиму, я долгое время, на обе школы (два здания для четырех отделений

на некотором расстоянии друг от друга), занималась одна, в результате оказалось сильное малокровие и полный упадок сил.

Прослушав педагогические курсы в Смоленске, я уехала помогать лекторше, командированной на нашу Княжинскую волость. Я пробыла там весь июнь и так рада, что принесла хотя крошечную пользу, иначе на всю бы жизнь осталось недовольство собой: могла сделать и не сделала.

Узнав, что в учительский Смоленский институт будут в этом году приниматься и женщины, я спешу подать прошение и, нечего и говорить, что я буду бесконечно рада попасть сюда.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 94. Л. 216-217 об.

Федоров Николай Михайлович,

председатель педагогического совета Смоленской духовной семинарии

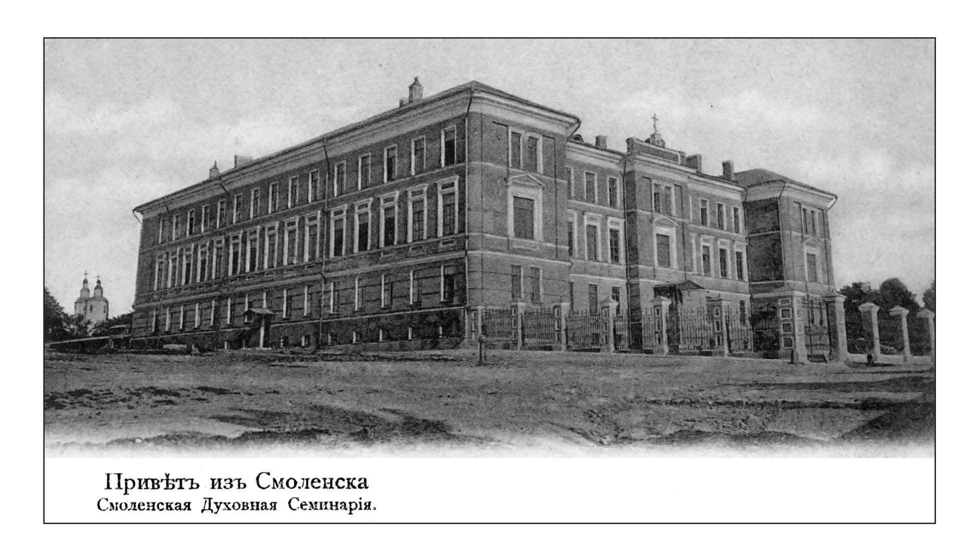
30 сентября 1918 года

Заканчивая 13 лет своей службы в закрываемой ныне Смоленской духовной семинарии, я чувствую себя в полных силах, чтобы продолжить службу педагогическому делу и очень хотел бы продолжить ее именно в Смоленском учительском институте, к которому переходит все наследие бывшей духовной семинарии. Ввиду вакансий в институте я прошу иметь меня кандидатом при избрании на должность преподавателя: педагогики и соединенных с нею предметов, а также – истории и теории литературы.

О своем образовании и предшествующей службе даю следующие справки.

Я окончил курсы Киевской духовной академии в 1905 году, по отделению словесных наук, в числе первых по списку, с правами магистранта – с правом получения степени магистра без новых устных испытаний, по напечатании и защите моего курсового сочинения. Советом академии я предназначался в заграничную командировку в звании профессорского стипендиата при кафедре Церковной археологии и церковно-литургической письменности. По сложившимся обстоятельствам я командировкой не мог воспользоваться и с 1905 года, 17 сентября, поступил на должность преподавателя Смоленской духовной семинарии по предмету теории словесности и истории русской литературы. Одновременно почти я был назначен попечителем Московского учебного округа и преподавателем педагогики в VII-VIII классах 1-й Смоленской Мариинской женской гимназии. В этих должностях я и состоял до назначения моего в должность инспектора Смоленской духовной семинарии. В этой последней должности я состоял до упразднения ее, а с 1 июня с. г., по избранию педагогического совета, несу обязанности и звание председателя педагогического Совета упраздненной ныне духовной семинарии.

Отдавая свои силы преподаванию названных выше предметов, к числу которых в последнее время присоединилось и преподавание немецкого языка, я нес на себе в течение 8 1/2 лет тяжелую административно-педагогическую работу, являясь ответственным руководителем



Здание Смоленской духовной семинарии

по воспитательной части такого значительного учебного заведения (до 500 чел[овек]), каким была семинария, имея постоянно дело с юношеством в возрасте 14-20, а то и выше лет. За все время службы я не видел ни одного раза неодобрения, а одобрительные аттестации имею в формуляре и отзывах в немалом числе.

В отзыве ревизора, официально приложенном к делам семинарии, я (по должности преподавателя словесности и литературы) аттестован как «выдающийся человек, как по своим способностям, так и по серьезному отношению к своим обязанностям; обладающий живою, свободною, одушевленною речью» (из отзыва ревизора, выписка при журнале педагогического собрания от 17/VIII 1918 г. № 8). Отзывом председателя педагогического Совета Мариинской гимназии моя деятельность в должности преподавателя педагогики названа «добросовестною и усердною» (отзыв от 26/III. № 62. 1918 г.). Указом Святого Синода по поводу бывшей ревизии мне поставлено в заслугу «установление надлежащих по всем сторонам учебно-воспитательной жизни порядков семинарии, нуждавшейся в благоустроении после ряда бывших в ней неспокойных лет» (Указ от 20/ VII. 1912 г. № 12. 451). За службу в должности преподавателя литературы я был на четвертом году ее, по представлению ревизора, награжден в чрезвычайном порядке. Кроме того,

имею в формуляре благодарности: a) «за внимательное отношение к своим обязанностям» (1911 г. 9/X); b) «за энергичное и тактичное исполнение обязанностей инспектора» (1907 г. 9/XII); c) «за разработку вопроса об источниках помощи нуждающимся ученикам и проекта открытия “Общества вспомоществования бедным воспитанникам семинарии”» (1913 г. 29/V); d) «за разработку вопроса об организации учебных занятий семинарии при особо тяжелых обстоятельствах (только что закончившейся)[1] войны» (1915 г. 7/VIII). Неся постоянно свои обязанности при ободрении со стороны, я неоднократно был удостаиваем и особых поручений по представительству от учебного заведения и в одном случае производил, по особым обстоятельствам, ревизию одного из духовных училищ Смоленской губернии.

О моей способности к научно-литературной работе может свидетельствовать печатный отзыв профессоров Киевской духовной академии А. Булгакова[2] и Ф. Мищенко[3] о моей ученой работе, законченной мною теперь на степень магистра (отзыв в коей будет представлен дополнительно. Напечатан в журнале «Труды Киевской духовной академии». 1905 г. кн. XI. Протокол Совета стр. 475-480), а также ряде моих литературных печатных работ по разным научным и практическим вопросам.

Перечень моих некоторых литературных работ:

1. Причины общественной симпатии к графу Л.Н. Толстому и задачи прав[ославного] богослова ввиду широкого распространения в обществе Толстовских идей (по поводу смерти Л.Н.Т.). Смоленск. 1911 г., стр. 47[4].

---

[1] Так в тексте.

[2] Булгаков Афанасий Иванович (1859, с. Бойтичи Брянского у. Орловской губ. – 1907, Киев) – русский богослов и историк церкви, профессор Киевской духовной академии. Отец писателя Михаила Булгакова.

[3] Мищенко Федор Герасимович (1848, Прилуки Полтавской губ. – 1906, Киев) – профессор, русский историк античности, переводчик с классических языков, член-корреспондент С.-Петербургской академии наук.

[4] Причины общественных симпатий к графу Л.Н. Толстому и задачи православного русского богослова и пастыря ввиду широкого распространения в обществе толстовских идей // Смоленские епархиальные ведомости. 1911. – № 2 неофициальный отдел. – С. 41-56; № 3 неофициальный отдел. С. 90-104; № 4 неофициальный отдел. С. 127-142.

2. Об источниках веры и неверия. Серг[иев]-Посад. 1912, стр. 38 ([...] этюд).

3. Религиозно-нравственное мировоззрение древнерусского народа и влияние его на усвоение ими христианской веры. (Историко-литературный очерк). Журнал «Духовное чтение». Сергиев-Посад. 1914, стр. 35.

4. К вопросу о материальной необеспеченности учеников семинарии (Доклад). Смоленск. 1913 г., стр. 8[1].

5. Положение квартирного вопроса для воспитанников семинарии (Проект устройств общих ученических квартир). Смоленск. 1914 г., стр. 12[2].

6. Противоалкогольные организации Москвы. (Доклад Совету Смоленского общества борьбы с алкоголизмом о командировке в Москву с целью изучения противоалкогольных дел). Смоленск. 1916, стр. 51[3].

Отзывы о нем смотреть в «Отчете Смоленского общества борьбы с алкоголизмом за 1916 г.» в журнале «Вестник трезвости». Январь-март 1918 г.

7. Духовно-учебные заведения и предстоящий учебный год (К вопросу о преобразовании духовно-учебных заведений). Смоленск. 1917, стр. 16[4].

8. Первый Всероссийский съезд духовенства и мирян в Москве. 1917 г. июнь 1-12 (Отчет о грандиозном съезде, имевшем целью пере-

---

[1] Нам известен одноименный доклад П. Смирнова: К вопросу о материальной необеспеченности воспитанников Смоленской духовной семинарии. В Правление Смоленской духовной семинарии преподавателя семинарии Павла Смирнова. Доклад // Смоленские епархиальные ведомости. 1913. № 9 приложение. С. 1-16; № 10 приложение. С. 17-33.

[2] Положение квартирного вопроса для воспитанников Смоленской духовной семинарии (К сведению духовенства) // Смоленские епархиальные ведомости. 1914. № 10 неофициальный отдел. С. 337-348.

[3] О деятельности некоторых столичных противоалкогольных организаций (Из доклада Н.М. Федорова Совету Смол[енского] общества борьбы с алкоголизмом) // Смоленские епархиальные ведомости. 1916. № 22 неофициальный отдел. С. 513-517.

[4] Духовно-учебные заведения и предстоящий учебный год // Смоленские епархиальные ведомости. 1917. № 13 неофициальный отдел. С. 335-349.

оценить положение церкви в государстве в связи с временем 1-й революции). Смоленск. 1917, стр. 45[1].

9. К вопросу об авторе Псалтыри. (К характеристике библейской лирики). Смоленск. 1912, стр. 11[2].

Некоторые работы прилагаются. Многие мною не упомянуты за невозможностью дать их в отдельных оттисках и точно указать издания, где они помещались, а также год и №№-ра.

Давая такие справки о себе и своей деятельности, я очень хотел бы, чтобы и продолжение ее нашло себе место в стенах тех учебных заведений, которые наследуют владения бывшей Смоленской духовной семинарии, где мне многое очень близко сердцу, – ибо там приложены были мои первые преподавательские силы, – где все мне знакомо, как человеку, стоявшему непосредственно у административно-хозяйственного дела.

Прошу предоставить мне должность преподавателя института по предмету педагогика и дополнительно – уроки русской литературы в школе 2-й ступени при институте. О результатах прошения прошу уведомить.

Приложение к прошению в педагогический Совет Смоленского учительского института от 30-го сентября с. г.

Дополнительно к сказанному в прошении даю следующие о себе справки:

1. В академическом дипломе я имею по всем предметам словесного отделения академии и по предмету педагогики высшую аттестацию.

2. Копия отзыва профессоров о моей ученой работе на тему: «Способы воссоединения с церковью еретиков в первые десять веков ее существования». (Работа ныне мною исправлена, восполнена, почти

---

[1] Первый Всероссийский съезд духовенства и мирян в Москве (1917 г., 1-12 июня) // Смоленские епархиальные ведомости. 1917. № 13 неофициальный отдел. С. 319-332; № 14 неофициальный отдел. С. 359-369; окончание статьи не удалось установить.

[2] К вопросу об авторе Псалтири и характере псалмов. (По поводу высказанного в западной науке взгляда на Псалтирь, как на сборник партийных песен) // Смоленские епархиальные ведомости. 1912. № 2 неофициальный отдел. С. 66-71; № 3 неофициальный отдел. С. 134-140; № 4 неофициальный отдел. С. 188-193.

приготовлена на магистерскую степень. Для этого я провел недавно все летнее время в Киеве, занимаясь при Академии и ее богатейшей библиотеке.)

А. Отзыв экстраординарного профессора А. Булгакова

«В предисловии к своему труду Федоров обозревает и оценивает скудную литературу по вопросу о воссоединении еретиков, себе самому он ставит задачу "обратить внимание на богатую область материала… сопоставить этот материал (читая: исторические данные) с данными вселенского канона и отсюда попытаться создать себе возможно наглядную картину практики до соборного и соборного периодов". Для выполнения этой задачи автор обратился к выходящему снова в свет изданию Marsi. "Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio" и др. изданиям, русскому переводу "Деяния вселенских соборов", а также к историческим памятникам и творениям христианской древности как в переводах, так и в подлинном тексте, а именно к творениям: Евсевия, Сократа, Созомена, Феодорита, Руфина, Григория Великого, Льва I и других. Пособиями ему служили труды Гефеле, Conciliengeschichte, Штокмана, Elucidarind heceresium, Schismatum и др.

Собранный в указанных древних и новых произведениях и изданиях историко-канонический материал автор систематизировал и представил в следующих трех главах: 1) Воссоединительная практика Церкви первых трех веков; 2) Практика воссоединения с Церковью еретиков вообще в период Вселенских соборов; 3) Воссоединительная практика Церкви до Вселенского и Вселенского периодов относительно еретических клириков.

Федоров удачно справился с взятым на себя трудом, обнаружив во время его способность выделять из множества данных существенное и давать собранному стройный научный вид. Конечно, от его труда и нельзя требовать широкой постановки вопроса и вполне научной разработки в применении к настоящему времени и его запросам: материал его работы весьма обильный, трудный для усвоения и допускающий партийные перетолкования почти по каждому вопросу и требующий критического отношения почти к каж-

дому историческому известию. Однако, несмотря на эти трудности, автор, в первый раз выступающий с серьезным научным трудом, – не растерялся и довел свою работу до конца, так что сочинение его самостоятельно по плану, не менее самостоятельно и по изложению материала и его критической оценке. На мой взгляд, Федоров обнаруживает задатки серьезного церковно-исторического исследования. Недостатки своего труда, неизбежные в каждом первом ученом опыте, он сам ясно видит и сожалеет, что не располагал большим временем для их устранения.

Он последовательно, в строго выделенном плане обозревает практику перекрещивания еретиков и споры по этому вопросу между Римом с одной стороны и Востоком и Африкою с другой, довольно убедительно разъясняет несоответствие теории и практики в вопросе о перекрещивании; обозревает практику принятия еретиков через миропомазание или через таинственное возложение рук для низведения св. Духа; уясняет значение практики принятия еретиков через рукоположение в знак отпущения грехов и практики воссоединения еретиков через исповедание веры и отречения от ересей, а в последней главе, особенно важной для настоящего времени, излагает материалы, говорящие о воссоединении клириков в период Вселенского единства Церкви. Было бы желательно, чтобы свой труд, вполне достойный признания его очень хорошим, Федоров не забросил в архив, а продолжил то, что начато, дополнил недостаточное, разъяснил некоторые темные места и более легким языком изложил свои соображения; его работа не осталась бы – как мне кажется – без должной оценки со стороны любителей церковно-исторической науки».

Б. Отзыв доцента Ф. Мищенко

«Сочинение, кроме краткого предисловия и нескольких строк послесловия, состоит из трех глав: I гл. – о присоединении еретиков мирян к Церкви в первые 3 века, II гл. – о том же в период Вселенских соборов и III гл. – о присоединении еретических клириков в оба эти периода (стр. 1-402)».

В основных своих взглядах автор, по-видимому, склоняется к строгой Киприановской точке зрения, по которой всякое еретическое крещение признается недействительным, и потому нормальной формой

принятия крещеных вне единой Церкви должно быть перекрещивание. Значительную часть первой главы автор посвящает доказательствам того, что строгая практика перекрещивания ведет свое происхождение от апостолов, тогда как обычай более снисходительного отношения к еретикам – позднейшего западно-римского происхождения. Так как древние Тертуллиана прямых свидетельств в пользу исключительности перекрещивания автор не находит, то доказательства его являются не вполне убедительными, несмотря на искусство их построения. Во второй период, период Вселенских соборов практика более снисходительная, признававшая, при известных условиях, силу еретического крещения, возобладала над практикой более строгой; в этом автор видит уступки со стороны Церкви обстоятельствам времени. В отношении к клирикам действовали те же принципы, что и в отношении к мирянам, и в гл. автор излагает историю вопроса о воссоединении клириков с Церковью главным образом с фактической стороны.

Хотя и не все высказанные в сочинении взгляды являются убедительно обоснованными, и не все факты достаточно освещены, тем не менее сочинение производит в высшей степени впечатление научными приемами и постановкой исследования, изобличающими в авторе человека серьезной школы. Особенно надо поставить в заслугу автору его неуклонное тяготение к первоисточникам: свои выводы и суждения, свое изображение исторических фактов он всегда старается обосновать не на чужих взглядах и мнениях, а на твердом основании текста источников. Правда, заявление его, что у него не было "надежных руководств и пособий", должно быть принято с большими ограничениями: уже одно издание Marsi давало ему материал в таком подборе и с такими иногда примечаниями, которые в значительной степени облегчали ему разрешение его задачи, большую благодарность должен принести он также такому руководителю своему, как источник Hefele; обязан он кое-чем и другим пособиям, до специальной диссертации на его тему Серафимова включительно. Но, действительно, пособиями своими он пользовался только как средством найти доступ к первоисточникам, даже в указаниях общего характера и на общеизвестные исторические факты он предпочитает делать ссылки не на курсы истории и новейшие исследования, а на подлинные произведения первоисточников – Евсевия, Сократа, Созомена и др. Вообще источники все время занимают центральное место в поле зрения ав-

тора, и на них главным образом фиксировано его внимание. В самом пользовании источниками автор также обнаруживает чисто научное к ним отношение, стараясь всегда принять в соображение сведения касательно исторической достоверности и исторического значения источника, а также предлагая, где нужно, свои разъяснения смысла исторических свидетельств. Правда, не всегда с этими разъяснениями можно согласиться, но никогда в то же время он не высказывается голословно, без известной мотивировки.

Путем такого исследования материала в сочинении г. Федорова воссоздается фактическая история рассматриваемого вопроса с такой полнотой, с какой доселе в русской литературе она не представлялась.

Излагая факты, автор старался, конечно, уразуметь и внутренний смысл их, уяснить те исторические, канонические и догматические начала, которые определили такое именно, а не иное развитие исследуемого им предмета. Многое автором сделано в этом отношении, но еще немало, по нашему мнению, остается сделать: не все факты достаточно освещены с их внутренней стороны, и недостаточно привлечен к делу и исследован материал, могущий служить к выяснению движущих принципов изложенной истории. Исследователю надо было бы выяснить в каждом отдельном случае, почему церковь поступила так, а не иначе, и для этого обратить особенное внимание в источниках на места, имеющие характер мотивировки, тогда только открылась бы возможность сделать твердо обоснованные обобщения, и тогда автор точнее, а быть может, и несколько иначе формулировал бы свои выводы.

Но такие требования, конечно, можно предъявлять только как задачу дальнейшей переработки труда, а не как критерий для оценки сделанного. В этом последнем отношении важно, что автор сознавал необходимость такой постановки вопроса и по мере того, насколько позволяло время (в первой главе больше, чем в следующих), вел свое исследование именно в этом направлении.

Сочинение в том виде, как оно есть, читается с большим интересом и в качестве первой научной ступени к решению поставленного вопроса производит самое благоприятное впечатление.

В качестве диссертации сочинение должно быть признано весьма хорошим».

«Труды Киевской духовной академии» за 1915 г. Кн. XI.
Протоколы совета академии. Стр. 475-480.

3. Выписка из отчета ревизора – члена Учебного комитета при св. Синоде М. Савваитского[1] о ревизии Смоленской духовной семинарии (приложение к журналу Педагогическое собрание семинарии от 17 августа 1910 г. № 8)

«Словесность с историей литературы преподает кандидат Киевской духовной академии выпуска 1905 г. Н. Федоров; это выдающийся наставник как по своим способностям, так и по серьезному отношению к своим обязанностям; его уроки, излагаемые живой, свободной, одушевленной речью, представляют плод основательной вдумчивой работы.

Являясь по своим педагогическим взглядам сторонником строгой школьной дисциплины, он оказывал семинарскому начальству существенную помощь в деле поддержания надлежащего порядка в семинарии как строгой оценкой ученических поступков при обсуждении их в правлении семинарии, так и непосредственным участием в воспитательном надзоре в те нередкие в последние годы периоды семинарской жизни, когда ему приходилось исполнять должность инспектора семинарии».

(лист 3-4-й выписки)

Председатель педагогического совета бывшей Смоленской духовной семинарии

1918 – 1/X.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 100. Л. 15-18 об.

[1] Савваитский Михаил Иванович (1861, Расстригино Гороховецкого у. Владимирской губ. – 1932, Москва) – российский и советский ученый-библиограф, педагог, инспектор Могилевской духовной семинарии, член Учебного комитета при Святейшем Синоде.

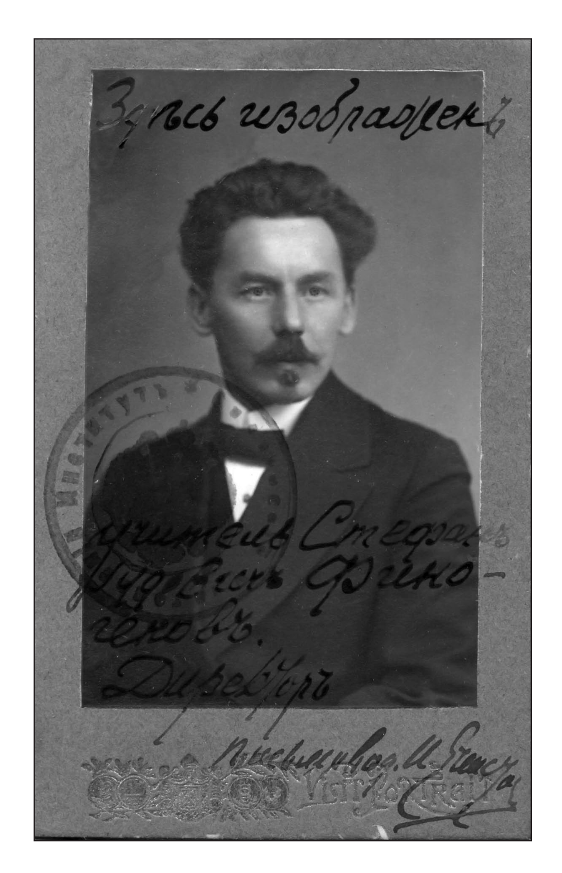
Финогенов Стефан Иудович,

учитель Смоленского ремесленного училища

28 декабря 1916 года

Родился я [24 марта 1878 г.] в городе Витебске, но скоро после моего рождения мои родители переехали в местечко Лезну при станции Шебекино Риго-Орловской железной дороги. Здесь и протекло мое раннее детство.

Мое детство не было особенно красочным и радостным для меня; про него нельзя сказать, что оно было для меня «золотым действом».



Стефан Иудович Финогенов

Воспоминаний из этой поры моей жизни у меня осталось немного, да и те по большей части были печального свойства. Помню я тяжелую и продолжительную болезнь отца. Помню, как мать сильно горевала и плакала. А когда я просыпался, бывало, ночью, то часто видел мать, стоявшую на коленях в углу перед образом: она горячо молилась, и глаза ее были полны слез. Мы со старшим братом были тогда еще совсем маленькие, мы многого не понимали, но и мы как-то приуныли, притихли и все ждали чего-то страшного и очень боялись этого. Но несчастье, готовое обрушиться на нашу семью, миновало: отцу стало легче, и он стал медленно поправляться.

Вскоре после этого мне суждено было пережить одно трагическое событие в моей жизни, которое сильно потрясло мою детскую душу и надолго оставило в ней свой след. Это был пожар, случившийся по моей вине. Дело было так: недалеко от нашей квартиры (квартировали мы у одного зажиточного крестьянина) протекала небольшая речушка. Однажды, играя на берегу этой речки, я увидел плывущий по реке плотик с горящей на нем кучей хвороста. Это было очень красиво, и мне захотелось устроить что-нибудь в этом же роде. Я связал несколько небольших палок и сделал подобие плотика. Оставалось только что-нибудь зажечь на нем и пустить по реке. Неподалеку от берега стояло хозяйское гумно, а около гумна лежали огромные кучи соломы. Своим маленьким умом я не сообразил, что надо было взять охапку соломы, снести ее на плотик, а потом зажечь. Я зажег эту охапку соломы около самой кучи, хотел схватить ее и бежать к плотику. Но неожиданно для меня вспыхнула солома в куче. Я стал, было, ее растаскивать и тушить ногами, стал забрасывать пламя землей, но ничего не помогало. Загорелись другие кучи, и пламя стало быстро приближаться к гумну. На гумне работал хозяин. Я вскочил к нему, что-то крикнул и бросился бежать в поле. Гумно сгорело. Хозяин, вытаскивая вещи из гумна, сильно обгорел и долго лежал больной. Когда кончился пожар, стали искать меня и только поздно вечером нашли где-то за местечком, в поле. В полубессознательном состоянии меня привели домой. Мальчишки из местечка после этого долго меня преследовали, называли «поджигателем» и часто били, когда я выходил на улицу. Последствия этого случая – ребенком я боялся решительно всего: темной комнаты, одиночества, ночной тишины; когда просыпался, бывало, ночью, то начинал плакать и кричать, пока не вставал кто-нибудь из стар-

ших и не успокаивал меня. Эта нервность и пугливость потом долго мучили меня и отравляли мне жизнь.

Когда мне было около 7 лет, я сильно простудился и заболел. Меня долго сначала лечили дома в местечке, а потом свезли в земскую больницу в Смоленск. В больнице я пролежал около полгода. О моей болезни и о пребывании в больнице у меня остались тусклые воспоминания. Помню, что в больнице меня все любили, а старший врач, лечивший меня, часто приносил мне конфеты. Когда меня увозили из больницы, мне было жаль покидать ее.

После этого мои родные скоро переехали в Смоленск. У нас часто в это время гостил мой дядя, брат матери, он тогда учился в Алферовской учительской семинарии. Дядя стал меня учить грамоте и очень скоро приготовил меня в 1-й класс 1-го городского училища. Мне было тогда лет восемь. С этих пор началась для меня новая жизнь, более радостная и интересная.

Городская обстановка, масса товарищей, разнообразные игры – все это очень занимало меня и увлекало. Учиться я ленился; кроме того был я очень живым и шаловливым мальчуганом. Все это, очевидно, очень раздражало моих учителей и создавало у них самое нелестное обо мне мнение. Я помню, был там один учитель (инспектор училища), который никак не любил меня и настолько считал меня неспособным к ученью, что совершенно не допускал и мысли, чтобы я мог что-нибудь знать из его предмета. Только что я открывал, бывало, рот, чтобы ответить ему на его вопрос, как он выразительным жестом снова сажал меня на место, говоря: «Садись! Ведь я и забыл, что ты ровно ничего не знаешь». Я садился, искренне веря тому, что действительно я ничего не знаю. Скоро я настолько твердо поверил в это, что уже и не делал попыток отвечать на вопросы учителя: я безнадежно поникал головой и не пытался и рта раскрывать.

Отец принужден был меня взять из этого училища и перевести во 2-е городское училище. Здесь я оказался счастливым: преподаватели были снисходительней ко мне, ученье скоро наладилось, и я в следующий класс перешел с наградой. Я помню, каким счастливым я чувствовал себя, когда получил эту первую награду. Я шел домой такой радостный и сияющий, и мне казалось, что все люди кругом замечают мою радость, видят мою награду и сочувственно мне улыбаются. Дома, конечно, все порадовались моим успехам, больше всех обрадовался отец.

Весь этот день все домашние были со мною очень приветливы и ласковы, и я чувствовал себя героем дня. Этот мой первый успех в науках ободрил меня, придал мне новые силы, и с этих пор я стал учиться уже без всяких печальных для меня инцидентов.

Скоро я полюбил чтение. Моими первыми любимыми книгами были сказки. Стоило было мне иногда (это случалось, правда, редко) получить три копейки или пятачок на булку, как я сейчас же стремглав бежал на Толкучий рынок и там, у букиниста покупал себе новую сказку. В сказках меня больше всего привлекало героическое: подвиги богатырей, их приключения, борьба их с разными темными силами, поединки, сражения – и пр[очее]. Моими любимыми сказочными героями были Бова-Королевич, Гуак, Франц Венециан и др.

Через некоторое время от сказок я перешел к другим книгам с идейным уже героическим содержанием. В школьной библиотеке я случайно напал на Майн Рида и Жюль Верна. Вот они-то надолго сделались моими любимцами. Позднее к ним присоединились еще более любимые мной в то время Купер и Вальтер Скотт. Бывало, я с нетерпением ждал ночи, когда все дома улягутся спать, и вот тогда-то начиналось мое блаженство: я садился за только что полученный из библиотеки новый томик Купера и весь уходил в чтение. Мои мысли витали в Америке, где-нибудь на берегах озера Онтарио, среди непроходимых первобытных лесов или среди пустых, необузданных мексиканских степей. Душою я был вместе с моими любимыми героями, я вместе с ними переживал все их приключения, их опасности и тревоги. Когда случалось, что кто-нибудь из них погибал наконец, я искренне горевал и плакал.

Вальтер Скотт меня поражал мрачной таинственностью своих рассказов: рыцарские замки с их подземными ходами и лабиринтами, прекрасные женщины, томившиеся в неволе и ожидавшие своего избавителя, какого-нибудь благородного рыцаря или прекрасного пажа; различные измены, интриги и предательства – с одной стороны, и непоколебимая верность своему рыцарскому служению, готовность на всякие жертвы ради своей «прекрасной дамы», изумительное мужество и благородство с другой, все это увлекало и поражало воображение своеобразной мрачной красотой.

К этому времени у меня появился кружок близких товарищей, моих единомышленников, так же, как и я, увлекавшихся чтением моих

любимых авторов. Летом мы целые дни пропадали, бывало, за городом, строили там себе шалаши и воображали себя европейцами-пионерами среди американских лесов и степей. Мы были вооружены стрелами, копьями, деревянными ружьями и бродили по загородным оврагам и трущобам, скрываясь от воображаемых индейцев или от диких зверей. Наши кустарники казались нам непроходимыми лесами, полными всяких зверей, а рвы и овраги представлялись недоступными чащобами, в которых, по нашему мнению, обитали наши враги – краснокожие индейцы. На каждом шагу нас подстерегала опасность или в виде дикого зверя, или в виде притаившегося где-нибудь за камнем или за кустом индейца. Иногда мы отправлялись в более далекие путешествия – в ближайшие к городу леса и рощи. Там и открывали «новые страны» с совершенно иной флорой и фауной, чем наши прежние, где мы обитали.

Недалеко от наших шалашей, по другую сторону огромного рва, возвышалось большое белое здание земской больницы[1], обнесенное кругом высокой каменной оградой. В то время в земской больнице находились на излечении душевнобольные или «сумасшедшие», как мы их называли тогда. В летние дни мы их часто видели в больничном саду. Бывали случаи, что какой-нибудь из больных тайком перелезал через каменную ограду и скрывался в кустарниках и рвах, пока больничные служители не находили его и не уводили снова за ограду. Бежавший сумасшедший всегда наводил панику не только на детей, но и на взрослых. А мы, дети таких побегов боялись больше всего. И вот, чтобы найти себе надежное убежище от сбежавших сумасшедших, мы решаем рыть себе потайной подземный ход.

Работали мы долго и усердно. Почва была песчаная, и работа подвигалась быстро. Мы уже выкопали подземный ход длиной в 2 или 3 сажени. Но каково же было наше разочарование, когда, придя однажды на работу, мы увидели на месте нашего подземного хода огромную осыпавшуюся яму. Только тогда мы поняли, какой действительной опасности подвергалась наша жизнь, если бы обвал этот случился во время

[1] В 1866 г. в здании богоугодного заведения была открыта Смоленская земская губернская больница (ныне клиническая больница № 1, ул. Фрунзе, 40). Она принимала на лечение соматических и душевнобольных. А к началу XX в. в больнице открылись глазное, сифилитическое, терапевтическое, хирургическое, гинекологическое, родильное отделения, а также для заразных больных и подкидышей.

нашей работы. Эта огромная яма среди кустарников видна и до сих пор и служит как бы живым памятником наших былых игр и проказ.

Среди игр летние каникулы пролетали удивительно быстро, и незаметно подкрадывалась осень. Но и эту пору мы любили, и она нам приносила много хороших и радостных минут. После школьных занятий мы нередко отправлялись в загородные путешествия, мы уже не воевали там с индейцами и с дикими зверями, не играли в путешественников, открывавших «новые страны» – мы зажигали костры, садились вокруг них и пускались в дружеские излияния. И о чем только мы не говорили тогда. Где только не летала наша пылкая фантазия! Какие только самые красивые и несбыточные планы не создавались в наших возбужденных головах! Наступал вечер, кругом становилось темно; откуда-то поднимался к нам осенний холодный туман. Мы подбрасывали побольше сучьев в костер. Костер разгорался сильнее, гуще сыпались искры. Мы поближе пододвигались к огню и продолжали наши дружеские беседы или подолгу сидели молча, зачарованные красотой окружающей обстановки. Уже очень поздним вечером мы расходились, бывало, по домам.

Мир, в котором мы жили тогда, казался нам удивительно красивым и интересным. В него мы уходили, спасаясь от неприглядной действительности нашей жизни. Ведь большинство из нас были дети бедных семей. Дома мы видели только нужду, слышали большей частью жалобы да упреки, да семейные ссоры. Школа в то время не казалась нам ни приветливой, ни интересной. Мы и создавали свой мир, в котором находили все, что искали наши юные души и чего не находили мы ни дома, ни в школе. И я думаю сейчас, что, уходя в свой воображаемый мир, мы действительно спасали наши юные души от опошляющей и пригнетающей действительности. Кто знает – может быть, благодаря этому, многие из нас надолго сохраняли в своей душе красивые героические образы, благородные и чистые побуждения сердца, светлый взгляд на жизнь и людей, а не загрубели, не озлобились и не опошлились.

Мы выросли, сделались юношами: нас перестали удовлетворять игры в индейцев, путешествия к «новым странам», горящие костры, но прежние романтические настроения наших душ долго еще оставались у нас. Кроме того, постоянно пропадая в полях и лесах, мы привыкли любить природу. У меня эта любовь так и осталась на всю жизнь.

И впоследствии, когда я сделался уже сельским учителем и судьба иногда забрасывала меня куда-нибудь в глушь, где не было ни книг, ни интеллигентных людей, то любовь часто спасала меня от тоски и отчаяния.

Я перешел в последний класс городского училища. До этого времени, как я уже упоминал, школьная жизнь и уроки как-то мало занимали меня. Ходить в школу и учить уроки было лишь обязанность и притом иногда очень тяжелая и скучная обязанность. Школа не интересовала особенно меня и не увлекала. Все самое интересное и самое радостное было вне школы и помимо школы.

В шестом классе мы стали изучать впервые историю русской литературы и знакомиться с произведениями русских классиков. Классным преподавателем у нас в то время был наш общий любимец И.Ф. Малюжинец[1]. Из всех своих многочисленных учителей, бывших до и после него, это единственный преподаватель, которого я искренне любил и воспоминание о котором я свято храню и сейчас, как воспоминание о лучшем из людей, встречавшихся в моей жизни. И в самом деле, это был великолепный педагог и чудный человек. Его отношения к нам были в высшей степени гуманные и искренние; они исходили от чистого и доброго его сердца; в них не было ни фальшивого заигрывания с учениками, ни сентиментальной слащавости в обращении с ними. Он часто был строг по отношению к нам; глупых наших шалостей нам не прощал и нередко наказывал нас; но он искренне любил нас и желал нам добра. Такой же искренней любовью и уважением отвечали и мы ему.

Как преподаватель он был великолепен: его изложение предмета всегда было такое ясное и в то же время очень интересное и увлекательное. Особенно он любил русскую литературу и умел ее преподавать. Этих уроков мы ждали всегда с особенным интересом. Кроме того, это был настоящий художник в чтении. Когда он читал какое-нибудь литературное произведение, тот день всегда был для нас праздником. Я сейчас вспоминаю его чтение и нахожу, что мне очень редко после приходилось слышать такое роскошное чтение даже среди лучших наших артистов. Он еще больше усилил мою любовь к книгам;

[1] Малюжинец Иван Фомич, по сведениям за 1904 г., надворный советник, учитель 2-го городского училища г. Смоленска.

он заставил полюбить и научил понимать русскую литературу, он научил нас выразительному чтению и многим из нас привил любовь к театру. Я знаю многих моих товарищей, которые и до сих пор подвизаются на сцене или в качестве профессионалов, или любителей. Я сам до сих пор очень люблю театр и в течение многих лет продолжаю принимать участие в постановках серьезных спектаклей.

Влияние на нас И.Ф. Малюжинца таким образом было огромно и в высшей степени благотворно. Благодаря ему у нас появилась жажда знаний и стремление к дальнейшему образованию. Насколько мне помнится, немногие из нас остались потом с образованием городского училища: большинство стремилось продолжить свое образование в средних учебных заведениях, а некоторые были счастливее, имели возможность впоследствии попасть и в университеты.

Еще учась в последнем классе городского училища, мои товарищи и я часто обсуждали вопросы: как устроить свою будущую жизнь? В каком учебном заведении продолжить свое образование? Несколько моих закадычных друзей, товарищей моих детских и школьных игр, выбрали себе военную карьеру. К ним присоединился и я. Нашим желанием было получить офицерское звание. А офицер в нашем тогдашнем представлении был рыцарем, защитником отечества, поборником чести и справедливости. Кроме того, нас привлекала офицерская блестящая форма, офицерская ловкость и изящество. Это стремление пойти на военную службу было как бы отголоском нашего прежнего романтического настроения, в этом сказывалось еще влияние наших прежних игр и наших прежних любимцев – Купера, Вальтера Скотта и др.

Но моему желанию не суждено было сбыться. Когда после получения свидетельства об окончании училища я пришел домой и заявил родным, что хотел бы выбрать себе военную карьеру, отец и слушать не захотел. Он самым решительным образом заявил, что на военную службу меня не пустит. Как ни тяжело мне было, но я должен был отказаться от всех своих планов, созданных и взлелеянных с такой любовью. Нужно было выбирать другую дорогу.

Мой отец был человек бедный, и он не мог платить за меня ни в одно училище. Нужно было выбирать такое учебное заведение, в котором можно было бы учиться на стипендии. Мой старший брат учился в то время в учительской семинарии. Решено было и меня определить туда же. Не хотелось мне поступать в семинарию, не прельщала меня

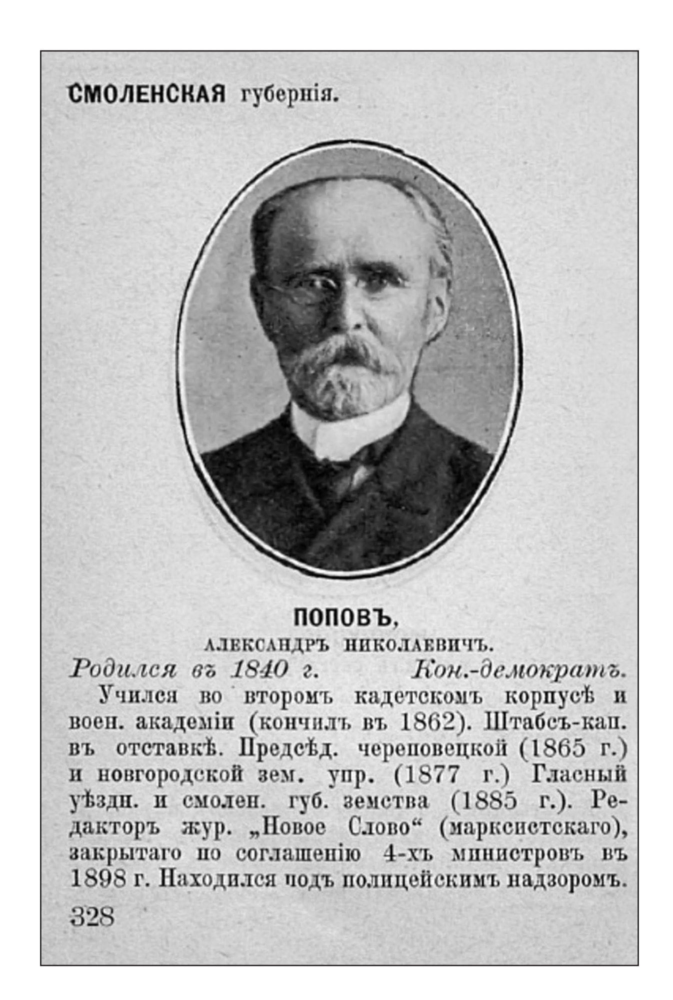
скромная должность сельского учителя, не соответствовала она моим тогдашним стремлениям, но поступать надо было, так как в противном случае я совершенно лишался возможности продолжать свое образование. Таким образом, вопрос о моей будущей жизни и о моей карьере решился помимо меня и вопреки моему желанию.

Поступил я в Алферовскую учительскую семинарию в 1894 году. Проучился я в ней три года. Тяжелое это было время для меня. Отец в это время заболел туберкулезом легких, принужден был оставить службу. Семья бедствовала. Состояние духа все эти три года было очень подавленное. Учиться при таких условиях мне было очень тяжело. Тогдашняя обстановка в семинарии и условия жизни в ней мало давали отрадного. Все эти три года были для меня какими-то тусклыми и серыми.

Окончил я семинарию в 1897 году и оставил ее без особенного сожаления. Теперь у меня было только одно желание: поскорей получить школу, стать на свои ноги, чтобы не быть семье в тягость. Немного пугала перспектива очутиться где-нибудь в глуши, без живых людей и без книг. Но судьба была милостива ко мне. Первая моя школа оказалась очень хорошей. Она находилась в деревне Цикуновке Краснинского уезда. Место было очень красивое и совсем не глухое. Крестьяне меня встретили очень приветливо, и у меня создались с ними самые хорошие, сердечные отношения. Работать было легко и весело. Скоро ко мне приехали две моих маленьких сестрицы, с которыми я прожил весь этот год.

Верстах в пяти от меня было село Соболево, где жил попечитель моей школы, известный земский деятель Александр Николаевич Попов. В Соболеве было великолепное образцовое земское училище. Там были очень симпатичные учителя, была роскошная учительская библиотека, получалось много журналов и газет. Там часто устраивались литературные чтения, лекции, собиралось много окрестных учителей, велись горячие споры по самым животрепещущим литературным и педагогическим вопросам – одним словом, жизнь там была в высшей степени интересная и кипучая.

Я стал частенько бывать в Соболеве, а через год я получил предложение от А.Н. Попова занять освободившуюся должность 2-го учителя в Соболевском земском училище. С моим переходом в Соболевское училище начинается самое лучшее и самое интересное время



СМОЛЕНСКАЯ губернія.

ПОПОВЪ,

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Родился въ 1840 г. *Кон.-демократъ.*

Учился во второмъ кадетскомъ корпусѣ и воен. академіи (кончилъ въ 1862). Штабсъ-кап. въ отставкѣ. Предсѣд. череповецкой (1865 г.) и новгородской зем. упр. (1877 г.) Гласный уѣздн. и смолен. губ. земства (1885 г.). Редакторъ жур. „Новое Слово“ (марксистскаго), закрытаго по соглашенію 4-хъ министровъ въ 1898 г. Находился подъ полицейскимъ надзоромъ.

328

А.Н. Попов

моей жизни. После семинарских серых будней, после только что пережитого гнета болезней и лишений я как-то снова ожил душою, снова проснулись во мне и былой юношеский энтузиазм, и молодая энергия, и я с жаром принялся и за работу в школе, и за чтение.

Работы было много; на каждого учителя приходилось чуть ли не по сотне ребят, ибо двери школы для приема были открыты круглый год и дети валили гурьбой. Да и как им было не стремиться в школу, когда их так ласково и приветливо принимали там, кормили зав-

траками, поили чаем, давали книги, письменные принадлежности, а зимой для них устраивали роскошную елку с богатыми подарками. Учились дети охотно и весело. Было что и почитать там: помимо большой учительской библиотеки, выписывались лучшие в то время журналы, получалось много новых книг: ведь жена нашего попечителя, известная книгоиздательница О.Н. Попова[1], любила детей и школу и принимала в них самое горячее участие: любила она и учителей и старалась, чем могла, скрасить их жизнь. Жилось в Соболеве тепло и радостно. Работы было много, но как-то в то время и усталость не чувствовалась.

Но вот наступало лето, и начиналась иная жизнь. Приезжала сама Ольга Николаевна из Петербурга в свое имение[2], а с ней вместе целая компания молодежи – студенты, курсистки, артисты. Стекались в Соболево и окрестные учителя. Открывались двери Соболевского народного театра, и начиналась другая веселая работа. Народные спектакли были бесплатные, устраивались каждое воскресенье. Публика валила валом. И кого здесь только не было! И крестьяне из окрестных деревень, и помещики из соседних имений, и духовенство, и евреи из ближайшего местечка. Соболево это было центром, куда тянуло всех и куда каждый стремился попасть.

Рамки нашей учительской работы раздвинулись, мы из школы вышли на сцену и оттуда при помощи серьезного классического репертуара продолжали воспитывать взрослое население. За десять-двенадцать лет существования Соболевского народного театра его влияние на местное население сказалось с самой лучшей стороны. Уже я имел возможность наблюдать, что крестьяне, живущие в окрестностях Соболева, отличались и большим умственным развитием, и большой широтой своих интересов, они заметно были и культурнее, и нравственнее,

[1] Попова Ольга Николаевна (1848, С.-Петербург – 1907) – дворянка, издавала журналы «Воспитание и обучение», «Русское богатство», «Новое слово». Книгоиздательскую деятельность начала в 1894 г. В 1906-1907 гг. выпускала дешевое серийное издание «Темы жизни». В 1908 г. издательство преобразовано в «Товарищество издательского дела и книжной торговли О.Н. Поповой».

[2] Имением Воробьево (Воробьево-Соболево) Краснинского у. во второй половине XIX в. владела дочь титулярного советника Е.А. Страхова, а до 1910 г. – ее племянник А.Н. Попов, после его смерти до 1917 г. «Товарищество книгоиздательского дела и книжной торговли А.Н. Поповой». В конце XIX в. в Воробьеве работали известные общественные деятели, публицисты Н.В. Шелгунов и М.К. Цебрикова.

чем остальные крестьяне. Нигде потом мне не приходилось наблюдать такого повышенного интереса среди крестьян к книге и газете. Читальня-библиотека[1], устроенная для них в имении А.Н. Попова, была почти всегда полна народом. Книг разбиралось очень много. Каждый год библиотека пополнялась.

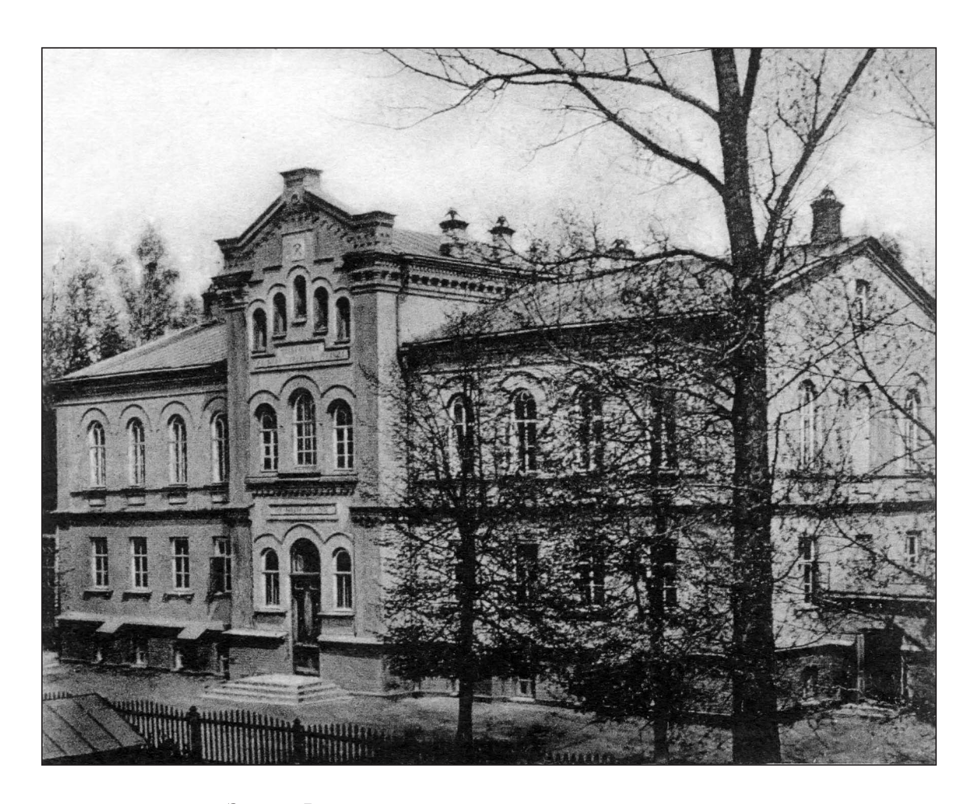
Пять лет я прослужил учителем в Соболеве и до сих пор считаю эти годы лучшими годами своей жизни. После моего ухода из Соболева скоро умерла О.Н. Попова, а через год после ее смерти умер и муж ее А.Н. Попов. Ушли от жизни хорошие, светлые люди, но память о них никогда не умрет у тех, кто имел счастливую возможность знать их и жить вместе с ними. Не умерла никогда эта память и у населения, среди которого они жили и работали.

С большой грустью и болью я расставался с Соболевым. Но и покинув Соболево, я много лет поддерживал с ним связь и живо интересовался всеми его событиями.

Из Соболева я перешел учителем в Рославльское железнодорожное училище. Училище это было очень хорошее, великолепно обставленное всякими учебными и наглядными пособиями; был довольно богатый физический кабинет, была хорошая библиотека как ученическая, так и учительская. Заниматься мне пришлось здесь с последним классом, где были уже совсем взрослые ученики. Класс был небольшой, но работать приходилось много, так как к урокам почти всегда нужно было готовиться самому, особенно вначале. В общем работать в этом училище было очень интересно. Но прослужить мне здесь пришлось всего один год. По причинам, не зависящим от меня, мне пришлось снова перебраться в сельскую школу.

Назначили меня в Мархоткинское министерское двухклассное училище Ельнинского уезда. Место это было страшно глухое. Негде было достать ни одной порядочной книги, газеты приходили очень поздно и неаккуратно, письма часто пропадали или получались распечатанными. Обитатели села были люди в большинстве случаев нехорошие. Пьянство, картежная игра, сплетни и самые грязные доносы друг на друга – все это было любимым удовольствием и развлечением местных обитателей. Жить с ними было тяжело и тоскливо.

[1] «Соболевская» народная бесплатная читальня-библиотека была открыта в имении Воробьево Краснинского у. недалеко от чайной в январе 1899 г.

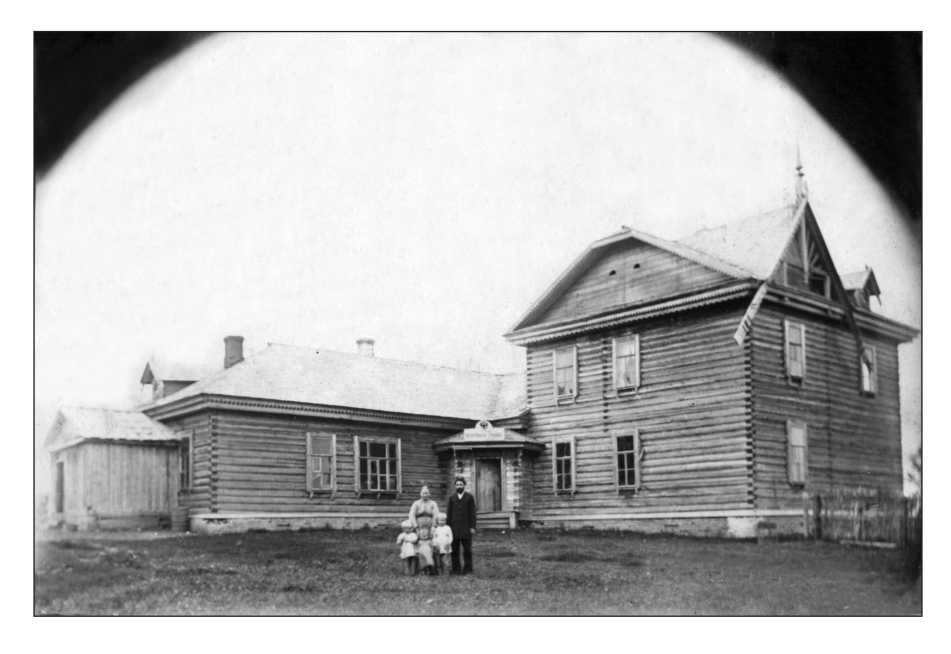


Здание Рославльского железнодорожного училища

А время-то было тогда у нас на Руси не глухое: была Японская война, а затем и 1905 год. Хотелось поспеть за событиями, хотелось знать, где и что творится, хотелось и крестьянам помочь разобраться в свершавшихся кругом событиях, а помочь необходимо было, так как в наше глухое место стали проникать самые нелепые слухи и стали смущать окрестное население. Да и сами мужички стали частенько заглядывать ко мне с просьбами почитать газетку, растолковать что-нибудь непонятное, попросить совета. Волей-неволей приходилось выступать перед маленькими собраниями в роли как бы «агитатора», приходилось делиться с мужичками тем, что я сам знал и как понимал происходящие тогда события.

Я прослужил учителем в Мархоткине около трех лет и затем был переведен в другое министерское училище, находящееся близ станции

железной дороге в селе Ивонино Ельнинского уезда. Жить здесь было уже гораздо лучше, чем в Мархоткине, особенно с тех пор, как вместо прежнего заведующего училищем, человека консервативного и косного в педагогическом отношении, назначили нового заведующего. Все мы, преподаватели жили здесь дружно между собой, охотно делились друг с другом своими знаниями и опытами, охотно помогали друг другу советами. Я помню, особенно мы увлекались тогда устройством по праздникам ученических литературных и вокальных вечеров. Заведующий училищем был выбран товарищами руководителем вокального отделения, а меня избрали режиссером по драматической части. На этих вечерах присутствовали не только дети, но и их родственники. Дети разыгрывали небольшие сценки, читали в лицах стихи и басни, пели хором русские песни, а после всего этого были общие игры и танцы. Все были довольны и веселы, а больше всех, конечно, сами исполнители-«артисты». На Рождественских праздниках мы всегда, бывало, устраивали скромную, но веселую детскую елку. Это было



Ивонинское двухклассное Министерства народного просвещения
училище Ельнинского уезда



Учительница Ивонинского училища
Фаина Яковлевна Чубарова (Макарова) с учениками

уже огромное событие в нашей школьной жизни, и дети всегда ждали его с особенным интересом.

Через два года я получил предложение от директора народных училищ перейти учителем в Смоленское ремесленное училище, где я и до сих продолжаю служить. Таким образом, сбылось мое давнишнее желание получить место учителя в губернском городе.

В Смоленске я служу учителем уже 9 лет; здесь я женился и обзавелся семьей; я привык к городу и к условиям городской жизни; но все-таки вспоминая иногда свои долгие учительские годы в деревне, мне становится как будто чего-то жаль, как будто я оставил там что-то бесконечно дорогое мне и невозвратное. Ведь там, в деревне, в сельской школе протекла большая половина моей учительской службы, там прошла моя молодость. Много было там пережито тяжелого



Учителя Ивонинского училища
И.М. Одоевский и И.М. Макаров

и печального; были ошибки, разочарования и обиды, но было много радостных и светлых минут. А главное – тогда кипели во мне молодые силы, не знавшие, казалось, устали; душа полна была искренних восторгов и горячих порывов, была в ней непоколебимая вера в людей, в свои силы и в свое учительское дело. Была и еще одна в высшей степени отрадная сторона в моей прошлой учительской жизни – это почти полное отсутствие мелочных забот о материальном благополучии, о карьере и прочее. Несмотря на ничтожное в то время учительское содержание, материальная необеспеченность, так называемые «желудочные вопросы» не чувствовались тогда особенно остро, не беспокоили сильно, не угнетали и не отвлекали в сторону от настоящего дела. Душа горела чистым огнем идеализма, который согревал и освещал безотрадную и мрачную подчас об-

становку жизни и давал силы и мужество переживать самые тяжелые испытания.

Здесь, в городе мне скоро пришлось убедиться, что мои желания лучшей жизни и интересной работы в большинстве случаев оказались обманутыми. Условия службы в Смоленском ремесленном училище очень безотрадны. Училище бедное и плохо обставленное в учебном отношении. Здесь нет почти никаких учебных и наглядных пособий; совершенно отсутствует ученическая библиотека. Преподавание поэтому носит чисто теоретический и отвлеченный характер. У учителя почти нет средств украсить свои уроки, сделать их живые и интересные. Да и главная цель училища по мнению начальствующих-заведующих лиц такова, чтобы научить детей главным образом ремеслам, а их общее образование и развитие – это, мол, не суть важно. Поэтому преподавание общеобразовательных предметов здесь не стоит на той высоте и не занимает того центрального положения, какое оно занимает в общеобразовательных школах. Отсюда – невнимание со стороны хозяев училища к постановке обучения общеобразовательным предметам, отсюда – ненормальная постановка этого обучения и крайне тяжелое положение учителей общеобразовательных предметов.

Тяжела и неблагодарна работа учителя здесь и в материальном отношении. Получаемое содержание здесь настолько ничтожно по сравнению с дороговизной городской жизни, что на него положительно нельзя жить семейному человеку. Приходится много набирать посторонней работы, чтобы хоть немного улучшить положение. Заботам о куске хлеба приходится уделять слишком много времени и сил. В последние годы все чаще и чаще начинает чувствоваться переутомление и недовольство службой; появилась нервозность со всеми своими мучительными последствиями. Очень хочется хоть последние свои учительские годы проработать в нормальных и здоровых условиях; с спокойной и удовлетворенной душой.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 88. Л. 57-64.

Флеров Григорий Алексеевич,

выпускник Везенбергской учительской семинарии

3 августа 1918 года

Родился 27 января 1895 года. Сын бывшего гражданина Алексея Ивановича Флерова, проживающего в Явосинском поч. Кузминской вол. Тихвинского уезда. Родители всецело заботились о том, чтобы дать мне образование и на 9 году определили в местную бывшую церковно-приходскую школу, по окончании которой я поступил в Яковлевское двухклассное училище, находящееся в 20-ти верстах от родины. Здесь я столкнулся со всеми лишениями жизни, т. е. ощущал и голод, и холод, потому что учиться приходилось на полном иждивении родителей, лишенных каких-либо средств. Сила воли преодолела этот тернистый путь, упомянутую школу я кончил с мыслью о продолжении образования дальше.

Летние каникулы пролетели незаметно – в это время удалось подзаработать по выгонке дров. Подходит осень – время возобновления занятий в учебных заведениях и отец ведет меня в гор[од] Тихвин в городское училище, после предварительных испытаний меня принимают в III класс. Условия изменились в лучшую сторону, я поступаю под наблюдение моих тетушек и на полное их иждивение, не нужно заботиться об обеде или о завтрашнем дне.

Перейдя в IV класс, последний я бросаю и еду поступать в учительскую семинарию, побывал в Новгородской, Гатчинской, Выборгской и Петрозаводской, всюду потерпел полную неудачу и том же 12 году, наконец, без испытаний поступаю в Везенбергскую семинарию.

Наступили великие июльские дни 14 года, когда поднялась Россия и под знаменем многомиллионная армия – все поднялось и двинулось против врага немца. Мои товарищи уже на войне, кто из них ранен, кто убит, кто с высокой наградой за подвиги. Сердцем рвался туда к ним, нашим защитникам, но родители не пускали на этот подвиг, и приходилось сидеть за той же скамьей в III классе.

Наконец наступил час исполнения моего долга – перейдя в апреле месяце 15 года в IV класс, последний, с разрешения родителей, оставил и поступаю добровольцем в ряды действующей армии, отсюда в июне того же года меня командируют в Виленское военное училище,

по окончании которого 1 октября того года в чине прапорщика уезжаю на позицию, поступил в 65 пехотный полк.

В бою 7 июля 15 года был тяжело контужен (первое боевое крещение). В лазарете надоело лежать, и через полмесяца я выписался – активные действия были непрерывно, в эту войну лишился моих родителей.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 99. Л. 7, 7 об., 10.

Хенкина-Бейлинзон Сарра Иосифовна,

заведующая библиотекой Губвоенкома

19 марта 1919 года

Педагогическая деятельность нравилась мне всегда. Еще будучи совсем ребенком, я играла, как говорится, «в учительницы». Первоначальное свое образование я получила в бывш[ем] 6-м начальном училище. Училась хорошо, преподавательница всегда заставляла меня заниматься с неуспешными товарищами. По окончанию названной школы мечтала поступить в гимназию, но не смогла выполнить этой мечты, потому что нечем было платить, а тогда плата была большая; бедному человеку нельзя было получить дальнейшего образования.

Я дочь бедных родителей; отец мой школьный работник, обремененный большой семьей, обучать всех детей не в состоянии. Приходилось самой пробивать путь к знаниям. Таким образом, я вынуждена была распроститься с мыслью о гимназии. Пришлось поступать в городское высшее начальное училище. Учась в этой школе, я брала частные уроки и этим самым имела возможность собрать немного денег для продолжения своего учения, ибо все-таки надеялась попасть в среднюю школу. Брала в ученики себе и детей, и иногда постарше себя чуть ли не в 2 раза.

С утра до полудня училась сама, а после скудного обеда бегала по урокам до позднего вечера; усталая возвращалась домой. Окончив курс городского училища, я наконец попала в число счастливых – поступила в гимназию [Ровинской]. Благодаря урокам, я в состоянии была и одевать себя, и платить за учение.

Таким образом, я с 12 лет и вплоть до окончания 7-й советской школы учительствовала. Теперь служу в Губвоенкоме и заведую там библиотекой. Служба в библиотеке для меня только временное средство к жизни. Испытывая сильное желание поработать только учительницей, я подала настоящее прошение о приеме меня в Педагогический институт.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 99. Л. 246, 246 об.

Ходунькова Васса Моисеевна,

учительница Уколовского училища
Смоленского уезда Смоленской губернии

10 июля 1918 года

Я родилась в 1889 году, 10 августа.

Детские годы провела в деревне Жулях Букинской волости Краснинского уезда в крестьянской семье, которая взяла меня на воспитание из Смоленского детского приюта, двухмесячным ребенком.

Семья, в которую забросила меня судьба, не отличается от других крестьянских семей ни по своему умственному развитию, ни по семейному укладу жизни. Грамота не коснулась ни одного взрослого члена семьи, каковыми являются: старуха семидесяти пяти лет, старик – ее муж, лет семидесяти трех, сын старика лет сорока и невестка лет сорока двух.

В науке мои приемные родители не только не видали пользы, но считали и вредной. Поэтому, когда у нас в 1898 г. в деревне открылась школа грамоты, они всеми силами препятствовали моему поступлению туда.

В 1900 году я тайно от них поступила в школу. Получила книги, я тщательно их скрывала и уроки учила у кого-нибудь из соседей, дети которых учились в школе. Мое тайное посещение школы скоро было открыто. Отец учинил полный скандал. Он ругал не только меня, но и мать, думая, что мама разрешила мне посещать школу.

Правда, скандалы отца происходили иногда и без всякой видимой причины. В праздничный день, на какой-нибудь деревенской сходке, он напивался до белой горячки, поздно вечером приходил домой, бил стекла окон, ругал и разгонял семью. Больше всех в данном случае доставалось маме. Он нередко избивал ее до полусмерти и выгонял из дому вместе с нами, т. е. со мной и другими дочерями матери.

Здесь я должна заметить, что мама (не буду повторять приемная) в эту семью вышла замуж в третий раз с тремя (маленькими) дочерями (в том числе и со мной) за вдовца, у которого, в свою очередь, был женатый сын и невестка. Вследствие соединения двух различных семей у нас и происходили ужасные скандалы. О, как тяжело вспоминать об этом!

Потом, когда я уже училась в епархиальном училище, несколько лет меня преследовали кошмары ночных идей ужасного старика. Ночью – услыхав сквозь сон какой-нибудь стук, я дрожала от страха, вскрикивала и просыпалась вся потная и с головной болью. Долго потом я лежала с открытыми глазами, стараясь убедить себя, что я не в деревне.

Однако, как ни боялась я семейных скандалов, но через несколько дней я вновь стала ходить в школу два-три раза в неделю.

Изучив русскую и славянскую азбуку и четыре действия арифметики, я чуть этим не закончила свое образование. Но как видно, судьба мне готовила иное. Я познакомилась с дочерьми соседа-хуторянина. У них на дому была учительница, которая готовила их в гимназию. Я попросила ее позаниматься со мной, чтобы и мне можно было поступить в гимназию. Учительница с недоверием отнеслась к моим стремлениям, но согласилась уделять мне минут двадцать или полчаса в день. Это было в 1902 году. К этому времени матушка изменила свои убеждения по отношению к науке и согласилась даже платить за меня учительнице десять рублей в месяц.

Занятия мои с учительницей продолжались два месяца. В августе того же года я держала вступительный экзамен в первый класс 2-й Смоленской женской гимназии. Взгляды приемного отца на науку остались прежними, и он не дал даже мне лошади ехать на экзамен, хотя имел тройку; поэтому мне с мамой и ее зятем пришлось идти в город пешком тридцать верст.

На экзамене я получила двойку по диктанту, так что не была принята.

Но в деревню я больше не вернулась, поступила без экзамена в 1-й класс Смоленского двухклассного городского училища. Матушка устроила меня у одной бедной вдовы за шестьдесят рублей в год, которые Смоленское губернское земство платило моим приемным родителям за мое содержание до поступления в городское училище.

Начальница городского училища А[лександра] В[икторовна] З[амятина] встретила меня радушно. Узнав, что я сирота и живу у чужих, к тому же у бедных людей, первый же год освободила меня от платы за право ученье и уделяла мне каждый день завтрак. Кроме того на лето она отправила меня вместе с другими девочками на дачу, которая предоставлялась владельцем Энгельгардт каждый год для десяти беднейших и лучших учениц городского училища. На дачу с нами по-

ехали две учительницы. Но учительницы для нас там являлись не начальством, а нашими старшими друзьями. Они ходили с нами в лес за грибами и за ягодами, вместе с нами купались и принимали участие в играх.

Двухлетнее пребывание в городском училище оставило у меня очень отрадное впечатление: учительницы покровительствовали мне, и с учительницами я жила очень дружно.

Проучившись два года в городском училище, в 1904 году я поступила в первый класс Смоленского епархиального училища.

Хозяйка моя больше держать меня была не в состоянии, и я на свои шестьдесят рублей наняла угол со столом у одного рабочего. Вся квартира моего хозяина состояла из одной маленькой, сырой и холодной кухни с одним окном. Хотя семья хозяина была небольшая, но уроки учить было негде. А что касается питания, так я сейчас сама удивляюсь, как я не умерла с голоду. В класс я часто ходила без чаю, так как моя хозяйка вставала позднее меня; завтрак, конечно, не за что было купить, возвратившись из класса часа в два, я, голодная, еще час или больше ожидала хозяйку, которая почему-либо отсутствовала.



Здание Смоленского женского епархиального училища

Узнав о той ужасной обязаловке, в которой мне приходилось жить, Смоленское губернское земство просило епархиальное училище принять меня в интернат и согласилось платить за право учения и за содержание двести десять рублей в год. С января 1905 года я перешла в общежитие.

Скоро освоилась с внутренней жизнью училища и незаметно для себя стойко к ней привязалась. Несмотря на то, что дисциплина епархиального училища была очень тяжелая, я, попав туда из порочной обстановки, не чувствовала ее гнета. В первый же год я близко сошлась с ученицами и в свободное время помогала неуспевающим.

Наш класс составлял тесную и дружную семью. Вместе мы делили свои печали и радости. Если одна из учениц получала плохую отметку по какому-нибудь предмету или попадалась начальству в своих шалостях, мы всем классом ее отстаивали, если за ее поступок отвечали все.

Неделя проходила, конечно, в самых обыденных занятиях. Праздничный день мы проводили более разнообразно: нас водили в городской сад, если была хорошая погода, а иногда для нас устраивали литературные вечера или спектакли. Это меня очень интересовало, так как я всегда принимала в них деятельное участие. Особенно врезались мне в память два литературных вечера. На одном, когда я была во втором классе, я декламировала стихотворение Некрасова (название забыла). Декламация моя так понравилась учителю русского языка, что после вечера он пожал мне руку и сказал, что он очень доволен мною. Для меня, как ученицы, это было высшей наградой. А потом, помню, это было в шестом классе, я говорила стихотворение Хомякова «Звезды». На этот раз я не выучила стихотворение как следует и во время выступления сделала паузу. Моя неудача волновала не только меня, но и весь мой класс.

В старших классах нам иногда разрешалось посещать театр, но под наблюдением классной дамы. Я, хотя и не имела в своем распоряжении средства, но никогда не пропускала этого редкого для нас развлечения только благодаря тому, что за меня платили подруги, которым я помогала.

Эта спокойная и не лишенная развлечений обстановка способствовала тому, что я могла забыться от своего тяжелого прошлого. Все же иногда, а больше во время отпуска, на каникулы, когда все ученицы,

веселые и довольные, начинали разъезжаться по домам, в моем воспоминании воскрешались картины деревенской жизни со всеми близкими мне лицами. То мне вспоминалась младшая сестренка Марфенька – беленькая, розовенькая, с белыми как у фарфоровой куклы волосами, всегда спокойная и выдержанная девочка; то вспоминалась старушка мать, плотно сложенная, среднего роста женщина и др.

Картинки начинали путаться, и я в своем воображении создавала образ родной матери, которую я никогда не видела и ничего о ней не слышала, но мысль о которой умрет вместе со мной. Да, о родителях, а главное, о матери я могла только думать, каникулы мне приходилось проводить всегда у кого-нибудь из подруг или сидеть в училище. Последнее было горше первого. Но все это проходило, как только опять начинались занятия.

Быстро пролетели семь лет, и я не заметила, как подоспели выпускные экзамены. До последнего дня я питала надежду на то, что губернское земство сдержит свое слово и, как обещало раньше, даст мне возможность поехать учиться дальше. Но, увы! Надежды были напрасны. Когда управа обратилась за советом в епархиальное училище, учить ли меня дальше, педагоги мои нашли, что для сироты достаточно и среднего образования, после чего управа мне ответила: «Для вас у нас больше нет источников». Это было прямым отказом.

Я примирилась с этим. Что ж? – думаю – такова воля проведения. Я пойду в деревню и ей отдам все свои знания. Там я нужна. Я люблю детей, и они меня будут любить. Я буду светлой искрой среди темного и бессознательного населения деревни, в которую я попаду. Мне было страшно и весело… И я пошла.

Но далеко не так сбылись мои предположения. С детьми я действительно сошлась очень близко. Они были со мной всегда откровенны и искренни, и так же, казалось, любили меня, стараясь не только учиться, но и хорошо себя вести. Много было таких дней, когда я отдыхала душой только с ними.

Семь лет я проработала в деревне мигающим огоньком, но не горящим Данко. Я не была светочем деревни, я знала книги, а деревня знала жизнь. Книг же она не хотела знать: «какая польза в том», – говорят, – «что вы учились? Мы богаче вас живем и не учившись. Нет, нам большая наука не надо. Коли буквы выучил да молитвы, так по-нашему и наука вся».

Действительно, им нужны только буквы. Изучив буквы, девочка переставала ходить в школу, для мальчика родителю достаточным считают поучиться год или два, и лишь немногие из них оканчивали курс. Да, и мы учили только буквам. И на это я убила семь лет самых лучших своей жизни. Отдала всю энергию, здоровье, беззаботную молодость, знание. И… ничего никому не дала.

Я думала, всякий народный учитель, подумавши об этом, прейдет к такому же выводу.

А теперь я на время оставлю все же дорогую для меня школу, встряхнусь, поучусь по-новому и начну потом жить и учить вновь и по-новому.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 94. Л. 242-252 об.

Цыкунов Петр Моисеевич,

секретарь Отдела по народному образованию
при Шумячском волостном Совдепе Могилевской губернии,
родившийся 25 июня 1893 года[1]

12 сентября 1918 года

Получив извещение Смоленского учительского института о том, что желающие поступить об таковом должны подать требуемые документы, каковые прилагаю при настоящем прошении, покорнейше прошу педагогический Совет института зачислить меня слушателем на естественно-географическое отделение. К сему смею присовокупить, что единственной целью всей моей жизни было желание подготовить себя к учительской службе и всего себя отдать делу народного образования. Но, к глубокому моему сожалению, осуществить свое заветное желание сделаться учителем, получив специальную для этого подготовку в одной из учительских семинарий, я не мог как сын бедной крестьянской семьи.

Окончив 2-классное училище, я стремился поступить в учительскую семинарию, но и тут моя бедность послужила препятствием к моему поступлению в семинарию: вследствие своей бедности я не мог получить надлежащую подготовку путем найма для этой цели репетитора-специалиста, а пришлось готовиться самому без всякой посторонней помощи и руководителей. Такая самоподготовка не дала мне возможности подготовить себя настолько, насколько требовала экзаменационная комиссия учительской семинарии, то есть я не мог получить отметки по всем предметам программы не ниже 4-5 и вследствие этого остался за бортом. Опять пришлось заняться самообразованием, самоподготовкой на звание учителя (экстерном). Но и тут пришлось потерпеть неудачу. Желание же работать учителем было настолько велико, что я чуть ли не со слезами на глазах выпросил у наблюдателя церковных школ разрешение быть временным заместителем учителя, в каковой должности и состоял 5 лет.

Наступила мировая война, и я, как подлежащей действительному призыву на военную службу, был принят в ряды действующей армии,

[1] Представленный документ озаглавлен «Прошение».

где честно и искренне выполнял лежащие на мне обязанности. Получив в одном из сражений тяжелое ранение, я после излечения был отправлен как больной и неспособный далее нести военную службу. Возвратившись опять в бедную крестьянскую семью, я очутился в самом тяжелом критическом положении: средств к существованию абсолютно никаких, добыть их личным трудом не мог, так как после перенесенных четырех тяжелых операций окончательно потерял возможность заниматься физическим трудом и пришлось влачить самое тяжелое положение, пока не получил должность секретаря отдела по народному образованию при Шумячском волостном Совдепе. Наступившая страшная дороговизна, а также общее физическое недомогание не позволяли мне снова заняться самообразованием.

Но вот как раз я узнал, что представляется возможность для желающих пополнить свои знания, поступить в институт. Снова загорелось искреннее желание осуществить свое заветное желание – получить специальную учительскую подготовку, а потому не прошу, а умоляю принять меня в число слушателей института и тем дать возможность стать полезным сыном дорогого нам Отечества.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 111. Л. 389, 389 об., 400.

Шепелевич Михаил Иванович,

выпускник 1-го Могилевского высшего начального училища

19 июня 1919 года

Родился я в 1899 году 22 мая в деревне Бродке Минской губернии и уезда. Отец мой – бедный крестьянин. Кроме отца и матери у меня были два брата и сестра. В семье я был самый младший. Моё раннее детство было похоже на детство каждого крестьянского мальчика, но дальше моя жизнь потекла по несколько иному руслу. Это иное русло заключалось в том, что меня начали учить. Мой отец сам разумел грамоту и понимал ее пользу.

Учить меня начали поздно: мне было уже семь лет. Помню начало своего учения. Был зимний праздничный вечер. Отец отыскал букварь, по которому учились мои братья и сестра, и задал мне урок. Трудно было сначала. Учился я плохо, чему немало способствовал и сам метод преподавания, применяемый отцом. Научился я читать в две зимы. Дальше держать меня дома было бесполезно, и отец решил меня отдать в школу. Но здесь помешали некоторые обстоятельства.

Как я уже сказал, мы были бедны. У нас было только шесть десятин земли, неплодородной и разбросанной в разных местах. Поддерживать свое существование этими клочками было мудрено. Мы пробивались только заработками отца. Они шли на удовлетворение необходимых нужд, главным образом, на хлеб, так как своего хлеба редко хватало до Рождества. Чтобы улучшить положение, отец решил продать свою землю, а вместо нее купить где-нибудь побольше, а если не побольше, то получше. Недалеко, в двенадцати верстах, продавалась земля. Там отец и купил участок. Осенью нам надо было переезжать на свое новоселье. Этот-то переезд и помешал мне поступить в школу. Выстроя избу и перевезя свое имущество, мы переехали. Уже выпал снег. Я с любопытством принялся осматривать новую местность. После деревни она показалась мне пустынной. Деревень близко не было. Только железная дорога вносила некоторое оживление. Наша избушка стояла одиноко среди громадных пней, следов бывшего леса.

Я думал, что я уже непременно буду в школе на следующий год, но вышло иначе. Переезд, покупка земли, связанные с ней расходы

расстроили наши денежные дела. У отца не оказалось денег, чтобы содержать меня в Минске, куда думали отдать. В ближайшую к нам школу меня не отдали, потому что она была от нас далеко (в 6 верстах).

Только на третий год нашего пребывания на новоселье я получил возможность поступить в школу и то только благодаря брату, бывшему уже учителем. Мне было уже одиннадцать лет, но зато я поступил во второе отделение.

Окончив народное [училище], я начал продолжать свое образование в третьем Минском городском училище. Но окончить мне его не удалось. Причиной этого была настоящая война.

Слухи о войне появились что-то за неделю до ее объявления, но я им не верил. И только в субботу, около полудня, плач соседних баб возвестил нам о мобилизации (за последнее время у нас появились соседи, такие же приезжие, как и мы). Из нашей семьи никто не был призван, и война не повлияла на нашу жизнь. Я продолжал учиться. На нашем училище последние события отразились сильно: учителя часто менялись, часто совсем их не было. Поэтому правильно занятия не могли идти. Так прошел год.

На следующий год занятия совсем не начались. Вместо этого нам выдали удостоверения. Я уже думал, что у меня пропал целый год. И он бы пропал, если бы не брат. Он был уже в Могилевском учительском институте. Я поехал к нему. Меня, как беженца, скоро приняли в 1-е Могилевское высшее начальное училище. В этом училище я и закончил свое высшее начальное образование.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 111. Л. 437-439.

Шершунова Анна Ивановна,

учительница Стригинского земского училища
Ельнинского уезда Смоленской губернии

22 сентября 1917 года

Я родилась 28 августа 1887 года в селе Суетово Духовщинского уезда[1]. Отец мой[2] в то время был учителем в Суетовском министерском училище. Жизнь учителя, особенно того времени, была материально неблагополучна, и отец принужден был оставить любимое дело и перейти в духовное ведомство. Детство свое я провела в обществе старшей сестры и брата. Чуть ли не с пятилетнего возраста отец начинал нас заучивать. Он всеми силами стремился развить в нас любовь к чтению. Вместо игрушек он покупал нам книги и сам прочитывал их нам вслух. Выписывал для нас «Ниву», в которой нас больше всего тогда интересовали картинки и то, что слово «Нива» можно читать и с начала и с конца.

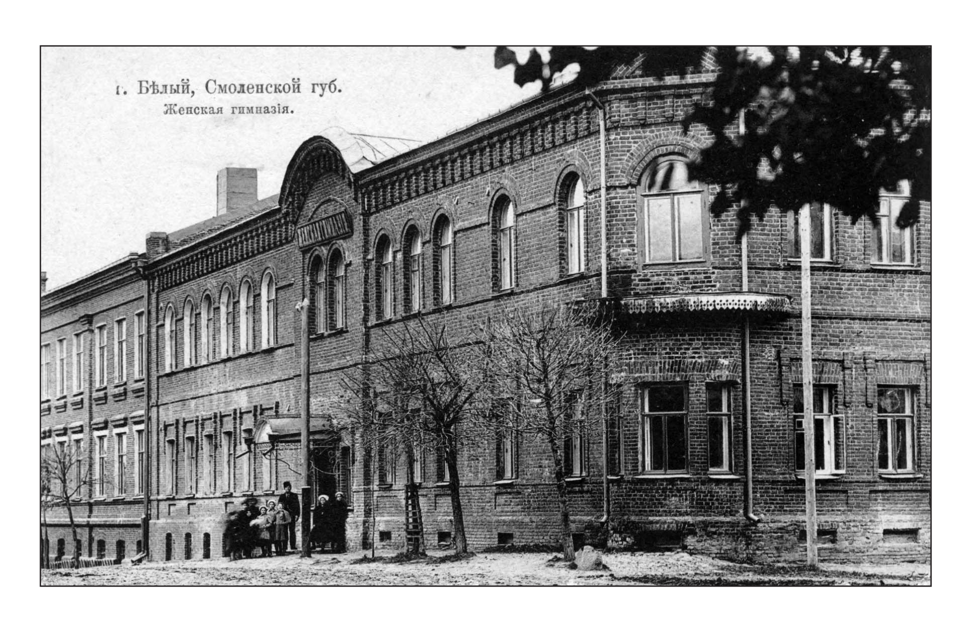
Когда мне исполнилось семь лет, меня определили в приготовительный класс Бельской прогимназии. Здесь мне сразу же не понравилось. Нас лишили свободы: заставляли делать реверансы, водили по скучным детским вечерам, пытались привить нам хорошие манеры, заставляли следить за каждым своим шагом. Все это было мне не по душе. Я тосковала по большой свободе, плакала, просилась домой, наконец, заболела.

Меня отправили домой и определили в третье отделение сельской школы. Это была самая веселая зима в моей жизни. Со мной в школе учился мой младший брат. Мы с ним были большими друзьями. Общество его товарищей было мне гораздо больше по духу, чем общество воспитанных городских девочек. На переменах и после занятий мы всей гурьбой бежали на озеро, катались на льду, делали морозлики и катались с горы на «ножах». Пробовали даже курить, для чего таскали из стен мох. Меня от курения всегда тошнило и болела голова, но я тщательно скрывала это от своих друзей и продолжала курить.

Весной я окончила школу. Осенью того же года меня определили в епархиальное училище. Жизнь в училище протекала скучно

[1] Так в тексте.

[2] Священник с. Пронино Ельнинского у. Смоленской губ.



Здание Бельской женской гимназии

и однообразно. Единственным светлым воспоминанием из училищной жизни были лекции о. Григория Петрова. Он приезжал в Смоленск и толковал Евангелие. Я была уже в пятом классе, и нас, как старших, водили послушать его лекции. Я мало что понимала из его толкований, но мне нравилось его слушать. До сих пор я еще не слышала, чтобы кто-нибудь говорил так красиво. Наши училищные и семинарские вечера меня совсем не интересовали. Мало интересовало меня тогда и чтение – я была занята только учебниками и интересовалась школьными отметками. Страшно боялась и любила экзамены и почти всегда выдерживала их хорошо.

По окончании училища отец хотел оставить меня дома хозяйничать. Мне было предоставлено полное право распоряжаться в доме всем по своему усмотрению. Но как я ни старалась научиться хозяйничать, у меня ничего не выходило: ни куры, ни свиньи меня совсем не занимали, пироги же и булки выходили у меня или тестлине[1], или перепеченные. Я волновалась. Злилась, даже плакала, что плохо хозяйничаю, но ничто не помогало. Наконец, я решила сбежать из дома в

[1] Так в тексте. «Тестлине» – «тестные», т. е. недопеченные.

школу. Я рассказала отцу о своих мучениях, и он, к великой моей радости, не стал меня удерживать, а даже надавал мне массу советов, как и что нужно делать на первых порах в школе.

В январе 1906 года я была назначена учительницей в Каменецкое церковно-приходское училище. Здесь мне сразу пришлось заниматься с тремя отделениями и еще по Закону Божиему. Первое время мне было очень трудно. Времени на занятия я тратила очень много, иногда занималась до 5-6 час[ов] вечера, а дело продвигалось плохо. Кое-как с большим трудом я подготовила к экзамену четырех учеников. Летом же усиленно принялась за чтение всевозможных методик – думала этим хоть немного подготовить себя к следующей зиме.

На следующий год я перешла в Стригинское земское училище. Здесь работать было гораздо интересней. На мою долю досталось два отделения, всего человек 50-60. Я могла узнать каждого ученика отдельно и влиять на каждого сообразно его наклонностям. Иногда я устраивала для детей вечерние занятия: читала им рассказы из русской истории и географии, знакомила их с текущими событиями по «Русскому слову» и «Ниве», которые никогда не переставала выписывать. Нередко устраивали мы детские литературные вечера и спектакли. И детей, и меня это очень интересовало, но и здесь, как и во всем, я чувствовала свою неподготовленность. Я сразу бралась за многое, комкала, портила материал и часто, не окончив дело, бросала его.

Я принялась за чтение, думала, чтение пополнит пробелы своего образования. Набросилась на книги, как голодный на хлеб; читала много, но без всякой системы, часто не отдавая себе отчета в читаемом. Такое чтение не могло, конечно, принести пользы.

Когда я узнала, [что] нам открыт доступ в учительский институт, я обрадовалась и решилась нынче же во что бы то ни стало поступить в институт. Меня пугали, что жить в городе в настоящее время немыслимо, что я умру там с голода, но я на это не посмотрела, подала прошение и взяла работу, чтобы хоть на первое время обеспечить себе жизнь. Теперь наполовину я достигла своей цели. Знаю, что впереди еще много придется пережить, но у меня есть цель, к которой я должна стремиться, не падая духом ни перед чем.

ГАСО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 87. Л. 74-75, 78-78 об.

СОДЕРЖАНИЕ

Библиотека журнала

«КРАЙ СМОЛЕНСКИЙ»

К СВЕТУ
Автобиографические очерки минувшей эпохи

Составитель: *Леонид Леонидович Степченков*

Редактор: *Юрий Николаевич Шорин*

Техническая подготовка текста:
Елена Александровна Королькова
Наталья Александровна Мицюк
Леонид Леонидович Степченков
Юрий Михайлович Яковлев

Авторы комментариев:
Леонид Леонидович Степченков
Юрий Николаевич Шорин

Корректор: *Елена Михайловна Лаврухина*

Верстка: *Элико Владимировна Долидзе*

Редакция научно-популярного журнала «Край Смоленский»
214000, г. Смоленск, ул. Октябрьской Революции, д. 14 а, ком. 301
E-mail: kraismol@mail.ru

Подписано в печать 05.08.2014.
Формат 60 х 84 1/16.
Печ. л. 13,25. Тираж 300 экз. Заказ № .

Печать ООО «ТиРу»
Москва, ул. Правды, д. 24, стр. 5.
(499) 519-01-24, (495) 585-08-95
www.tirazhy.ru